

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTE
SOCIĀLO ZINĀTŅU FAKULTĀTE
HUMANITĀRO UN SOCIĀLO ZINĀTŅU INSTITŪTS

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTES
SOCIĀLO ZINĀTŅU FAKULTĀTES
STARPTAUTISKO ZINĀTNISKO KONFERENČU
RAKSTU KRĀJUMS

Starptautiskās zinātniskās konferences
“*Sociālās zinātnes reģionālajai attīstībai 2016*”
materiāli
(2016. gada 14.–15. oktobris)

I DAĻA. SOCIOLOĢIJAS AKTUALITĀTES

PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL
SCIENTIFIC CONFERENCES OF
FACULTY OF SOCIAL SCIENCES OF
DAUGAVPILS UNIVERSITY

The materials of the International Scientific Conference
“*Social Sciences for Regional Development 2016*”
(14th–15th October, 2016)

PART I. ISSUES OF SOCIOLOGY

~ DAUGAVPILS UNIVERSITĀTES
AKADĒMISKAIS APGĀDS “SAULE” ~

2017

Apstiprināts DU Humanitāro un sociālo zinātņu institūta Zinātniskās padomes sēdē 2017. gada 8. jūnijā, protokols Nr. 7.

Meņšikovs V. (zin. red.) *Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultātes starptautisko zinātnisko konferenču rakstu krājums. Starptautiskās zinātniskās konferences “Sociālās zinātnes reģionālajai attīstībai 2016” materiāli. I daļa. Socioloģijas aktualitātes*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saulē”, 2017. 154 lpp.

Rakstu krājuma redakcijas kolēģija:

Prof., Dr. sc. soc. **V. Meņšikovs** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskais redaktors
Vadošā pētniece, Dr. oec. **O. Lavriņenko** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietniece (ekonomika)
Prof., PhD **Dz. Iliško** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietniece (socioloģija)
Prof., Dr. iur. **J. Teivāns-Treinovskis** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietnieks (tiesību zinātne)
Prof., Dr. hab. paed., Dr. hab. psych. **A. Vorobjovs** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietnieks (sociālā psiholoģija)
Prof., Dr. oec. **T. Bogolib** (Perejaslava Hmeļnicka Grigorija Skovorodas vārdā nosaukta Valsts pedagoģiskā universitāte, Ukraina)
Prof., Dr. hab. oec. **V. Kosiedovskis** (Nikolaja Kopernika Universitāte Toruņā, Polija)
Prof., Dr. hab. sc. soc. **A. Matulionis** (Lietuvas Sociālo pētījumu centrs, Lietuva)
Asoc. prof., Dr. iur. **J. Neimanis** (Latvijas Universitāte, Latvija)
Pētniece, Dr. psych. **M. Ņesterova** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Doc., Dr. paed. **I. Ostrovska** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Pētniece, Dr. oec. **V. Šipilova** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Prof., Dr. sc. soc. **M.J. Šoutena** (Beira Interior universitāte, Portugāle)
Dr. iur. **M. Potapovs** (Novosibirskas Valsts Tehniskā universitāte, Krievija)
Pētniece, Dr. oec. **O. Ruža** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Prof., Dr. oec. **J. Vankeviča** (Vitebskas Valsts Tehnoloģiskā universitāte, Baltkrievija)
Prof., Dr. iur. **V. Zahars** (Daugavpils Universitāte, Latvija)

Recenzenti:

Prof., Dr. hab. sc. soc. **A. Matulionis** (Lietuvas Sociālo pētījumu centrs, Lietuva)
Prof., Dr. sc. soc. **V. Meņšikovs** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Prof., Dr. sc. soc. **S. Partickis** (Ļublinas Katoļu Universitāte, Polija)

Rakstu krājumā iekļauti Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultātes un Humanitāro un sociālo zinātņu institūta starptautiskās zinātniskās konferences (2016. gada 14.–15. oktobris) materiāli: augstskolas zinātnieku, doktorantu, kā arī citu Latvijas un ārzemju sadarbības augstskolu zinātnieku raksti socioloģijas nozarē.

Par rakstos atspoguļotajiem faktiem, viedokļiem un terminoloģiju atbild rakstu autori.

Ir iekļauts datu bāzē: / Included in the database: / Включён в базу данных:

Electronic Journals Library of University of Regensburg.

ISSN 2255-8853

ISBN 978-9984-14-813-7

© Daugavpils Universitāte, 2017

SATURS

<i>Monika Dorota Adamczyk</i> (Poland) EDUCATION IN LATE ADULTHOOD AS A FORM OF SOCIAL PARTICIPATION OF OLDER PEOPLE	5
Izglītība vēlu brieduma gados kā vecāko cilvēku sociālās līdzdalības forma	
<i>Alina Betlej</i> (Poland) RISK AND TECHNOLOGY IN NETWORK SOCIETY. NEW DIMENSIONS OF TECHNO-SOCIAL RELATIONALITY	14
Risks un tehnoloģijas tiklu sabiedrībā. Tehnosociālās relativitātes jaunas dimensijas.	
<i>Biruta Briško</i> (Latvija) EIROPAS SAVIENĪBAS STRUKTŪRFONDU UN KOHĒZIJAS FONDA SPECIFISKAIS ATBALSTS IZGLĪTOJAMO VEIKSMĪGAI SOCIALIZĀCIJAI	23
Specific Support of the EU Structural Funds and the Cohesion Fund to a Successful Socialization of Learners	
<i>Liene Golča</i> (Latvija) DARBA VIDĒ BALSTĪTU MĀCĪBU RĪCĪBPOLITIKAS VEIDOŠANA UN ĪSTENOŠANA LATVIJĀ	32
Work Environment-based Learning Policy Making and Implementation in Latvia	
<i>Sławomir Partycki, Agnieszka Drewniak, Dawid Blaszcak</i> (Poland) DYNAMICS OF CROSS-BORDER COOPERATION BETWEEN POLAND AND LATVIA IN SELECTED EXAMPLES	41
Pārrobežu sadarbības dinamika starp Poliju un Latviju izvēlētajos piemēros	
<i>Katrīne Reima</i> (Latvia) SOCIAL INVESTMENT IN HIGHER EDUCATION – CASE OF LATVIA	53
Sociālās investīcijas augstākajā izglītībā – Latvijas piemērs	
<i>Antra Roskoša</i> (Latvija) ĀRĒJĀ MIGRĀCIJA – PROBLĒMAS UN RISINĀJUMI LATVIJAS KONTEKSTĀ	62
External Migration – Problems and Solutions in the Context of Latvia	

<i>Olena Zhukova</i> (Latvia)	
DEVELOPMENT OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN EDUCATION SECTOR IN LATVIA: THEORETICAL FRAMEWORK, CURRENT CHALLENGES AND FUTURE PROSPECTS	70
Sociālās uzņēmējdarbības attīstība izglītības sektorā Latvijā: teorētiskais ietvars, pašreizējās problēmas un nākotnes perspektīvas	
<i>Юрийс Балтгайлс</i> (Латвия)	
ПРОБЛЕМЫ ОТОБРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА	82
The Problems of Real Economic Growth Display	
<i>Елена Ванкевич, Елена Коробова, Ольга Зайцева</i> (Беларусь)	
ЗАНЯТОСТЬ И БЕЗРАБОТИЦА МОЛОДЕЖИ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ ЛАТВИИ И БЕЛАРУСИ: ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА	96
Employment and Unemployment of the Youth of the Latvia-Belarus Border Areas: A Comparative Analysis	
<i>Владимир Меньшиков, Ольга Волкова</i> (Латвия)	
КАПИТАЛ ЗДОРОВЬЯ В СТРУКТУРЕ СОВОКУПНОГО КАПИТАЛА.....	112
Health Capital in the Structure of Aggregate Capital	
<i>Марина Навальная</i> (Украина)	
ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ЯЗЫКОВУЮ СРЕДУ В УКРАИНЕ	138
Impact of Social Factors on Language Environment in Ukraine	
Ziņas par autoriem	148
Vispārīgās prasības zinātniskam rakstam	150
General requirements for the paper	152

Monika Dorota Adamczyk (Poland)

EDUCATION IN LATE ADULTHOOD AS A FORM OF SOCIAL PARTICIPATION OF OLDER PEOPLE

At the moment, education is more and more often perceived as an exceptionally important area not only to children and youth or people in the productive period but also to those in the post-productive age. Rapid civilization growth which is characterized by e.g. development of new technologies forces individuals and entire societies to continuously acquire and expand their knowledge and skills. Social groups which do not follow that trend often find it difficult to find their place in the contemporary knowledge-based society. Such a situation pushes an enormous group of people to the underclass of the society. Continuing education provided by e.g. Third Age Universities prevents such situations as well as giving the elderly a chance to take part in the social and cultural life. The presented article is an attempt at discussing the problems of late adulthood education in the context of the active aging theory.

Key words: aging, education, active aging, social roles, old age, quality of life.

Introduction

At present education in Poland is perceived as an extremely important area from the point of view of development of all age groups. Both data from the Central Statistical Office (CSO 2014; CSO 2013), as well as the studies conducted show, that education has a considerable impact on the quality of life and well-being during the pre-retirement period and in retirement (Boni 2007). It can be therefore assumed that education, especially in the context of the assumptions of long-term demographic changes, which have been taking place in Polish society, can constitute a preventive measure for aging, especially in the case of premature old age and its quality.

The education acquired, as well as the work performed have a major impact on the aging process and the quality of life in old age. It concerns mainly intellectual abilities. Physical and mental activity is a natural feature of the human body at every stage of life.

In older age the intellectual activity, adjusted to the abilities, possibilities and needs of the individual is one of the factors preventing many diseases, such as dementia (Grzanka-Tykwińska and others 2015; E. Bonk, S. Retowski,...). Isolation, passive and monotonous lifestyle, constitute one of the factors accelerating the negative aging processes.

Activities that contribute to improving the quality of life in late adulthood are, according to experts, among others, longer professional work, getting engaged in the affairs of the local community, lifelong learning and volunteer work (European Commission 1999).

According to the World Health Organization active aging is “the process of optimizing both physical, mental and social growth at every stage of development, which results in prolonging the average human life” (WHO 2002). Under this assumption, the elderly should be involved in socio-economic life, accordingly to their capabilities, which means they should: engage in lifelong learning; work more years; retire gradually and when older; be active retirees, undertake activities supporting good health and physical condition; be active as retirees fulfilling family responsibilities and taking care of the children; be active as pensioners engaging in the life of the local community and doing volunteer work; be active as retirees resting actively: performing sports, tourism, pursuing their own passions (Jurek 2012). Every older person should be free to decide how they can contribute actively to the development of society, as well as what actions they want to take to influence positively their psychophysical condition throughout life. D. B. Bromley stresses that physical and mental activity considerably influences the quality of life of older people. Activity undertaken in parallel on the two surfaces allows to “tame” old age and perceive it as the next, completely natural phase of life.

Determinants of active aging

The developmental possibilities of a human being depend on many factors such as genes, health, socio-economic situation, life experiences, and also, on our ability and will to continue to be active. Lifestyle and earlier care devoted to one’s health, habits shaped over the years, the financial resources possessed, determine to a great extent the active approach to life during middle and late adulthood. The World Health Organization points to two factors particularly determining active aging, that is gender and cultural background. The traditional division of male and female social roles results in very serious implications for the aging process. In the case of Polish society the consequences of assigning women the role of caretakers of dependent members of the family are very clearly visible (the elderly, the sick, the disabled and children). According to research conducted by the CSO, Polish women who retire at an earlier age than men, devote a considerable amount of their time to care work –

raising grandchildren and taking care of elderly parents. Women aged 55–64, helping family members not residing with them, devoted on the average 46 hours per month to care (more than quarter-time job) – which is almost twice as much as men in this age group and the highest amount of time in all age categories among both women and men. The median (30 hours) and dominant (40 hours) were also the highest among women in this age group. Data on the causes of professional inactivity (CSO 2012) also indicate the relationship between women’s early retirement and taking care of grandchildren. In the case of men records mention poor health in old age due to the risks associated with their profession as well as unhealthy lifestyle (alcohol, tobacco). In addition to these main determinants there are a number of side determinants such as health and care services, behavioral factors, personal factors, physical environment, social factors, economic factors.

Development in the age 50+

Intellectual and physical activity are a potential engine, putting into motion people in middle and late adulthood for further development and productive life. For that to happen, it is important to provide offers adapted to the needs and capabilities of this age group. It is important, in particular, to provide opportunities to pursue one’s passions, socialize with others, and in particular, to learn with younger people. Activity in the wide area of education makes older people realize that they may have plans for the future and they can successfully develop their interests. Development and activity of the elderly is a benefit not only for them, but also for the country. The resources contained in human, structural, social and relational capital can be the source of current and future welfare of the country (Solarczyk-Shoemaker 2011).

Learning, regardless of age, is based on intellect, and age-related differences in cognitive functioning illustrate very well concepts such as fluid and crystallized intelligence (Tylikowska 2013). Fluid intelligence is manifested in the efficiency perception and inductive reasoning, attention capacity, that is, the amount of information that can be processed at any given time, as well as the speed of processing the information (Tylikowska 2013). This type of intelligence is closely linked to the efficiency of the nervous and blood systems¹. Despite these changes, the overall intellectual

¹ Old age is different from other phases of life both in biological and psychophysical terms. It is the period when many physiological changes occur, with the clinical dimension

efficiency of adults remains relatively stable until the age of 60–70, for some people later. This state of affairs is associated with a second type of intelligence – crystallized intelligence, which, alongside with the decrease in efficiency of fluid intelligence begins to play the primary role. This type of intelligence is based on previously acquired knowledge and skills how to use it (Tylikowska 2013).

Therefore claiming, that an older person is less intelligent than the young one is false, as with age the structure of intelligence changes. The theory of selective optimization and compensation illustrates it perfectly, as it says that people, with the passing time, and difficult situations and losses they experience in the course of life, find ways of minimizing them, at the same time maximizing profits, according to their evolving capabilities (Baltest, Baltes 1980). An adult, taking into consideration the baggage of their experience, can be the best director of their own life.

Education as an element of social participation of older people

Education is one of the basic pillars of active aging and social participation of older people. It performs four essential functions: the proper, substitute, social and psychotherapeutic functions (Richert-Kaźmierska, Forkiewicz). The proper function of education regards constant updating and complementing of the knowledge and skills of adults, essential in the proper fulfillment of obligations and professional and social roles, it concerns mainly areas not covered by the school curriculum (Alexander 1996). For the good functioning of human beings, regardless of the phase of life in which they currently are, it is necessary to equip them with adequate competences, adapted to the needs of the changing life. The competences of the elderly are at the same time competences of adults, but there are also separate competences, specific to the period late adulthood (Brzezińska 1995). The substitute function of education means providing adults with such knowledge and enabling them to develop skills that they did not acquire at school. Gaining new knowledge and updating

embracing somatic changes and changes in the central nervous system. The majority of those changes depend on changes in the central nervous system. Brain mass decreases by 10% compared to a young person. The fluid spaces in the brain expand, the density of the brain tissue alters. In that period the following risk factors become important: hypertension, cardiac arrhythmia, metabolic diseases which affect the capacity of the vascular network in the brain. Deterioration of the neuroplasticity of the brain causing deterioration of functioning, also of cognitive abilities are classified among changes, which have a considerable impact on the behavior and performance of the elderly (Parnowski 2013).

it, as well as acquisition and development of new skills are decisive factors to maintain the attractiveness of the elderly in the labor market. In this sense, education limits the scope of economic and social exclusion of older people (Jedlińska 2014; Pilate 2014).

Continuing education by the elderly plays also a social function. First of all – participation in programs and educational activities for older persons gives them a sense of inclusion and helps to establish new and maintain existing social ties. Secondly – learning helps to increase the awareness and knowledge about health, to gain skills concerning modern technologies, used in everyday life (e.g. the internet, electronic banking), which affects maintaining independence and autonomy by older people. Education in the field of new technologies allows older people to fully participate in social life as well as, which is extremely important, to make full use of their knowledge and experience (Jedlińska 2014). Additionally, educational activity of older people affects the assessment of this age group in the environment. Using the educational activity of older people by integrating the potential they can offer may help to break the stereotypical image of an elderly person: dependent, infirm, socially isolated, and isolating themselves (Jedlińska 2014). The third very important aspect of the educational activity of the elderly is reducing intergenerational distance, which on the one hand allows to build relationships with the younger generation, and, on the other hand, it counteracts the reversal of traditional roles of master-disciple, which have been disrupted as a result of amazingly fast civilization changes (technological progress). For the elderly education has also a psychotherapeutic value, as it helps to preserve intellectual ability. Education affects the delay of the processes of biopsychosocial aging, that is why institutional measures are so important – a rich offer of activating courses, opening new U3As (University of the Third Age). All actions of this type mean an increase in social acceptance of old age and its specific nature as a natural phase of life (Tylkowska 2013). The substantive scope and methodology of the education of the elderly differ from education for younger people. This is determined by a number of factors, such as: the age of students and the associated mnemonic abilities, the life and professional experience possessed, needs, interests, and expected benefits of education, the differences in social roles of older people and the impact of education on these roles (Richert-Kaźmierska, Forkiewicz 2013). Older people mainly use informal and non-formal forms of education, which provide new knowledge and skills by applying them in practice.

Universities of the Third Age

When people retire they do not cease to be interested in the world and the changes taking place in it. Older age does not make acquiring education impossible, it only requires the use of other methods of knowledge providing. Universities of the Third Age were created in the 1970s as a response to the changing reality and needs of the constantly growing population of the elderly. The first U3A was established in France in 1973 and by the University of Toulouse. Its creator was Pierre Vellas – professor of law and social sciences. The research work he conducted for many years, close contact with groups of older people, analyzing their needs, aspirations and interests inspired him to create the concept of an institution developing interests and skills of this age group. In the development of this idea, innovative for its times, he used his family experiences, thoughts his knowledge about old age accumulated for years. He convinced the authorities of the University of Toulouse to his idea, and they agreed to arrange a meeting with a 40-person group of seniors and had the opportunity to listened about their needs and benefit from their experiences (Bulletin 2012).

The activity of Professor Vellas embraced several important goals: using the intellectual and administrative capacity of universities for educating older people; using a group of senior citizens participating the activities of the university to carry out research in the field of gerontology; a very important social objective was to enable intergenerational cultural exchange, overcoming prejudices and the development of mutual empathy (U3A). In a short time in France more than 40 U3A were established, and similar institutions were also created in other European countries. As a result of increased interest in the activities of universities of the third age and the growing need to share experiences, an international organization bringing together universities of the third age from all over the world was established in 1975 (AIUTA). Its aim is to promote education of the elderly, the exchange of knowledge and experiences between universities in different countries, and to conduct research on adult education (AIUTA).

Social participation in late adulthood on the example of Universities of the Third Age

At present the role of Universities of the Third Age is perceived as extremely important on two levels. In the first place they take care about the interests and needs of older people and, secondly, they act as key

partners in actions performed for the benefit of local communities. It happens because these institutions support the social participation of their students. Social participation is understood here as formal and informal activity, shaping social life and living conditions (Kuchciński 2012). Due to their broadly defined educational activities, Universities of the Third Age cooperate in initiating and managing mutual impacts of individuals and groups (groups, institutions, organizations).

U3As have begun to shape social life, to a great extent thanks to the resources of social and human capital which they embrace. According to the data from the report ZOOM ON U3As, universities of the third age – regardless of how long and where they operate – possess a considerable and diverse social capital. Universities of the third age are often animators of the cultural life of a community – they organize exhibitions, concerts, ceremonies commemorating important historical events, family picnics, intergenerational meetings, etc.

Bibliography

- AIUTA. Available: <http://aiu3a.com/about-en.html> (accessed on: 23.07.2016)
- Aleksander T. (1996) Cele, kierunki i funkcje edukacji dorosłych in: (Ed.) T. Wujek, *Wprowadzenie do andragogiki*, ITE Radom. Warszawa, pp. 245–270. (In Polish)
- Baltes P., Baltes M.M. (1980) Plasticity and variability in psychological aging: Methodological and theoretical issues. G. Guski (Ed.), *Determining the effects of aging on the central nervous system*, Schering, Berlin pp. 41–66.
- Biuletyn nr 12 (2012) p. 4 Available: <file:///C:/Users/Monika/Downloads/srodki%20Biuletyn%2012.pdf> (accessed on: 24.07.2016)
- Boni M. (2008) Edukacja a rynek pracy. (In Polish) Available: www.zds.kprm.gov.pl/userfiles/Berlin_Edukacja_6_12_08.pdf (accessed on: 05.07.2016);
- Bonk E., Retowski S. (2013) *Emerytura – ulga czy udręka?* Postrzeganie emerytury na przykładzie słuchaczy Uniwersytetów Trzeciego Wieku. *Gerontologia Polska* 1, pp. 25–31. (In Polish)
- Brzezińska A., Wiliński P. (1995) Wspomaganie rozwoju człowieka dorosłego. *Edukacja Dorosłych*, Nr3, pp. 19–30. (In Polish)
- Edukacja dla pracy. Raport o rozwoju społecznym Polska 2007, Warszawa (2007) (In Polish) Available: [www.unic.un.org.pl/nhdr/nhdr2007/Edukacja dla pracy.pdf](http://www.unic.un.org.pl/nhdr/nhdr2007/Edukacja_dla_pracy.pdf) (accessed on: 02.07.2016)
- Grzanka-Tykwińska A. et al. (2015) Udział w zajęciach Uniwersytetów Trzeciego Wieku a aktywny styl życia osób starszych, *Gerontologia Polska*, 3, pp. 47–50. (In Polish)
- GUS (2012) *Wolontariat w organizacjach i inne formy pracy niezarobkowej poza gospodarstwem domowym- 2011*, Warszawa. (In Polish) Available:

- file:///C:/Users/Monika/Downloads/GS_wolontariat_i_inne_formy_pracy_niezarobk_2011.pdf (accessed on: 07.07.2016)
- CSO (2013) *Kształcenie dorosłych, Informacje i opracowania statystyczne*. Warszawa. (In Polish)
- CSO (2014) *Sytuacja demograficzna osób starszych i konsekwencje starzenia się ludności Polski w świetle prognozy na lata 2014–2050*. Warszawa (In Polish)
- Jedlińska L. M. (2014) Seniorzy na granicy wykluczenia społecznego – metody zapobiegania wykluczeniu cyfrowemu, in: M. Nózki, M. Smagacz-Poziemskiej (Ed.) *Starzenie się. Problemat społeczno-socjalny i praktyka działań*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków, pp. 125–137. (In Polish)
- Jurek Ł. (2012) “Aktywne starzenie się” jako paradygmat w polityce społecznej. *Polityka Społeczna* nr 3, pp. 18–20. (In Polish)
- Komisja Europejska (1999) *Towards a Europe for ALL Ages*, Com (1999)221, Bruksela, pp. 21–22. Available: http://ec.europa.eu/employment_social/social_situation/docs/com221_en.pdf (accessed on: 05.07.2016)
- Kuchcińska M. (2012) Bariery uczestnictwa społecznego seniorów. *Uczestnictwo społeczne w średniej i późnej dorosłości* D. Seredyńska (Ed.), Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, Bydgoszcz, p. 15. (In Polish)
- Parnowski T. (2013) Jak się starzejemy? Wymiar biologiczny procesu starzenia się. *Edukacja osób starszych*. Uwarunkowania-Trendy-Metody, Stowarzyszenie Trenerów Organizacji Pozarządowych, Warszawa, p. 11. (In Polish)
- Parnowski T. (2013) Jak się starzejemy? Wymiar biologiczny procesu starzenia się. *Edukacja osób starszych*. Uwarunkowania-Trendy-Metody, Stowarzyszenie Trenerów Organizacji Pozarządowych, Warszawa, p. 11. (In Polish)
- Piłat E. (2014) Polisa na lepszą starość. Edukacja w późnej dorosłości jako metoda przeciwdziałania marginalizacji osób starszych na przykładzie Jagiellońskiego Uniwersytetu Trzeciego Wieku. M. Nózki, M. Smagacz-Poziemskiej (Ed.) *Starzenie się. Problemat społeczno-socjalny i praktyka działań*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków pp. 111–124; (In Polish)
- Raport Uniwersytety trzeciego wieku jako odpowiedź na potrzeby środowiska osób starszych. (In Polish) Available: http://www.fnp.pl/pdf/raport_uniwersytet_trzeciego_wieku.pdf (accessed on: 24.07.2016)
- Richert-Każmierska A., Forkiewicz M.z, *Kształcenie osób starszych w koncepcji aktywnego starzenia się*. (In Polish) Available: http://www.ue.katowice.pl/fileadmin/_migrated/content_uploads/13_A.Richert-Kazmierska_M.Forkiewicz_Kształcenie....pdf (accessed on: 27.07.2016)
- Richert-Każmierska A., Forkiewicz M., *Kształcenie osób starszych w koncepcji aktywnego starzenia się*. (In Polish) Available: <https://www.researchgate.net/>

- publication/274735751_Kształcenie_osob_starszych_w_koncepcji_aktywnego_starzenia_sie: (accessed on 16.07.2016)
- Solarczyk-Szwec H., Wykształcenie jako czynnik włączenia i wyłączenia społecznego. (In Polish) Available: <http://zawszeaktywny.byd.pl/userfiles/files/PUBLIKACJA%2011-WYKSZTA%C5%81CENIE%20JAKO%20CZYNNIK%20W%C5%81%C4%84CZANIA%20I%20WY%C5%81%C4%84CZANIA%20SPO%C5%81ECZNEGO.pdf> (accessed on: 15.07.2016)
- Tylikowska A. (2013) *Jak się starzejemy? – aspekty psychologiczne*, in: *Edukacja osób starszych*. Uwarunkowania-Trendy-Metody, Stowarzyszenie Trenerów Organizacji Pozarządowych, Warszawa, pp. 17–26. (In Polish)
- WHO (2002) *Active ageing: a policy framework*, Geneva. Available: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/67215/1/WHO_NMH_NPH_02.8.pdf (accessed on: 05.07.2016)

Образование в годы поздней зрелости как форма социальной вовлечённости пожилых людей

Резюме

В настоящее время образование все чаще воспринимается как исключительно важная область не только для детей и молодежи или людей в продуктивный период, но и для тех, кто находится в постпродуктивном возрасте. Стремительное развитие цивилизации, характеризующееся, например, появлением новых технологий, заставляет людей и целые общества постоянно приобретать и расширять свои знания и навыки. Социальные группы, которые не следуют этой тенденции, часто не могут найти свое место в современном обществе, основанном на знаниях. Такая ситуация толкает огромную группу людей в низшие слои общества. Непрерывное образование, предоставляемое, например, «Университетами третьего возраста» предотвращает такие ситуации, а также предоставляет пожилым людям возможность принимать активное участие в социальной и культурной жизни. Данная статья представляет собой попытку обсудить проблемы образования в зрелом возрасте в контексте активной теории старения.

Ключевые слова: старение, образование, активное старение, социальные роли, старость, качество жизни.

Alina Betlej (Poland)

RISK AND TECHNOLOGY IN NETWORK SOCIETY. NEW DIMENSIONS OF TECHNO-SOCIAL RELATIONALITY

*“Those who do not remember the past
are condemned to repeat it.”*

/Richard Barbrook/

Technical, technological advance has always been considered as an essential factor implicating a number of social transformations in spheres of life which are of crucial significance for the future of civilization. Debates on the *truly technological society* of the future most commonly feature the example of network society whose development is associated with the present information revolution, computerization, virtualization and networking of *hybrid social reality*. The networking process is currently defined in universal categories. An issue which is of civilization significance in a network society is technology assessment, assessment of risk, threat, safety in an individual, social as well as cultural and civilization dimension. The role of social engineering of risk and of technology in the process of global engineering of the future is the subject discussed within the framework of various scientific scenarios of the future. A task of particular interest, in the context of this debate, is to present the discourse on risk conducted in social sciences over the 20th and 21st centuries. New technologies facilitate an unlimited multiplication and maximization of social networks in hybrid space. Social networks, regarded in categories of the most elementary social structures, are undergoing a specific revival in a network society. New technologies development in a network society is a multidimensional process whose implications encompass a wide range of socio-economic spheres of social activity. Technical multiplication of social networks and technologization of the process of information production and distribution have given rise to new dimensions of technosocial relationality of comakers of the network order.

Key words: risk, technology, network society, techno-social relationality.

Introduction

Technical, technological advance has always been considered as an essential factor implicating a number of social transformations in spheres of life which are of crucial significance for the future of civilization. The process of *technicalization of social world* has been accompanied by a theoretical debate conducted in the scientific milieu centered around two

opposing positions related to assessment of the consequences of *technologization of social reality*. A belief in specific *technical progressivism* was contrasted with a vision of *technological self-destruction* of the established social world. Against the background of the implications of new technologies development, scientific thinking of the future seems to be an extremely difficult task, especially nowadays in a technologized world, dependent on complicated technological systems on a so far unprecedented scale. Prospects of technological civilization development are hard to assess and analyse. Their study requires a novel multi-, inter- and trans-disciplinary approach. Comprehending mechanisms of social change and transformation in the context of ongoing technological changes plays a key role in the process of valuating technical achievements. Contemporary civilizational and cultural processes connected with knowledge production, *social engineering of the future*, defining relationships at the level man-technology-future are taking place against the background of *network technological revolution*¹.

Debates on the *truly technological society* of the future most commonly feature the example of network society whose development is associated with the present information revolution, computerization, virtualization and networking of *hybrid social reality*. The networking process is currently defined in universal categories. The network is beginning to play the role of a key metaphor of the future. Network society is constantly *in statu nascendi*, developing as a result of a long evolution, marked with numerous important social and technical revolutions, constituting its primary development context (Castells 2008). An interesting theoretical implication of popularization of the network perspective of assessment of social reality undergoing techno-transformations is drawing attention to problems associated with creation of new spheres and dimensions of risk. An issue which is of civilization significance in a network society is technology assessment, assessment of risk, threat, safety in an individual, social as well as cultural and civilization dimension. The role of social engineering of risk and of technology in the process of global engineering of the future is the subject discussed within the framework of various scientific scenarios of the future. It appears to be an interesting task to place these insights in the context of assessment of networking the social and technological world. The paper will present the most important discourse on risk in social sciences which will be utilized to assess

¹ Compare with: Manuel Castells 2008.

the risk connected with the development of new dimensions of techno-social relationality in a network society.

Risky future

Futurological debates on the future of the world as we know it today frequently touch upon the problem of man's dependence on machines, technical devices, specific physical, biological and social technologies (Zacher 2017). Theoretical deliberations on evolution of the effects of socio-economic transformations also concern risk, threats and hazards associated with further development of technologized social reality and unplanned consequences of *technologization* of life and culture in the network world (Zacher 2016). It needs to be acknowledged that new technologies affect every aspect of modern civilization, and one of the more serious implications of their dramatic development is creation of unplanned and unforeseen mechanisms of control, surveillance, social manipulation constructed as part of specific areas of authority and power relations in technologically mediated reality (Zacher 2016). Losing *memory of the past* condemns its social engineers to repeating it. The future of *technologized civilization* also seems to be risky. Modern technologies are defined in different categories than previous technological innovations (Zacher 2016). The scale of their consequences is considerably more difficult to analyze and to assess. A systematic and holistic approach to modern technological solutions which lead to qualitative changes within the framework of established social processes such as the social construction of values, ideologies, social patterns, knowledge, risk turns our attention to more important civilization problems. A task of particular interest, in the context of this debate, is to present the discourse on risk conducted in social sciences over the 20th and 21st centuries.

Assessing models of technology development within social structures has always been accompanied by analyses of the risk connected with technological advance. Scientific discourse on risk began as early as the 1950s when the first attempts were made to evaluate the social implications of development of nuclear power stations. Scientific texts started to feature the concept of *complex technological* systems whose degree of complexity rendered the way they functioned impossible to comprehend for an average user (Carson 1962). Risk analyses were conducted in a deterministic spirit by experts who had specialist knowledge enabling them to take key decisions about the course of development of complex

technological systems. The issue of control of access to expert knowledge as well as having specialist competences in the domain of assessment of technological risk played a crucial role in the process of reproduction of the social order, especially of economic and political systems.

The 1960s saw a change in the manner of valuating new systems in texts on the risk issue. Scientists began to take an interest in long-term implications of exploiting nuclear power and drew attention to dangers connected with the social legitimization of development models propagated by experts independent of social control (Douglas 1966). Debates on riskiness of technology development started to involve various experts, representing varied and often very divergent views on important civilizational issues. Texts from that period display a semantic expansion of the meaning of the term risk by new issues: ecology, health, safety, social control of experts, social participation in important debates, economic entanglement of technology development, authority in specific power relations (Green, Judith 1997). The deterministic paradigm of technology assessment was then substituted with a probabilistic approach. The crucial issue brought up in the context of the calculation model of risk was to determine the permissible criteria for acceptability of potential risk associated with the development of specific technologies under assessment.

The 1970s witness the globalization of the discourse on risk due to new social movements. Assessment of new technologies is connected with a choice related to their users' world view. What becomes prominent in the analysis is the issue of social values, non-economic rationalities, an ecological crisis, depleted natural resources, a conflict of interests, partiality of experts. A decrease in acceptability of risk by developed western societies was also associated with a global decrease of trust in experts, politicians and complicated procedures of risk assessment. An implication of these processes was a decrease of trust in scientific knowledge, experts, in trust for the adopted, not comprehensible to everyone, unclear procedures of risk assessment and the resulting political decisions. An implication of these changes was a peculiar theoretical turn towards psychometric models of risk assessment.

In the 1980s there was a dramatic development of research into risk in the field of social sciences (the conception of sustainable development) (Meadows et al. 1972). Researchers of socio-economic implications of new technologies development attempted to answer questions about the

social conditions of risk perception and acceptance, as well as about the problem of democratization of the public's participation in the process of crucial political decision-making (the concept of technological citizenship). A specific novelty in the area discussed was a semantic combination of the notion of risk with an analysis of society and no longer only of nature. A rapid development of biotechnology and genetics brought about a change in the way of describing implications of technology development.

In the 1990s and at the beginning of the 21st century risk began to be considered as a global phenomenon.² Its inherent features became space, time and social delocalization. The global nature of risk was associated with its non-calculation, irreversibility and non-compensability (Beck 2002). An implication of technology development became a social increase of uncertainty in a global dimension connected with a loss of belief in the possibility of predicting and calculating future effects of technology development. Uncertainty started to play the function of an essential social construct which was likely to affect crucial civilization transformations, e.g. an increasing role of the media in the process of social risk construction. The semantic range of the notion of risk was also expanded by its political potential. Researchers of technologically mediated reality also began to discern the significance of *manufactured risk* in society (Giddens 2003). Sources of risk were also sought in organized knowledge society³. The 21st century society is witnessing a change of an objective distribution, a manner of perceiving and experiencing risk, which is becoming an *epistemological tool* of colonizing and controlling the future. A semantic transformation of this concept is visible in works by M. Foucault (Foucault 2002), N. Luhmann (Luhmann 1990), L. W. Zacher (Zacher 2013).

Network risk versus risk networks

Social sciences have not created a consistent conception of networkness. Despite the recognition of the dominance of the network paradigm over the systemic one in the 21st century, it is a difficult task to construct

² Author's note: Ulrich Beck introduced the notion of risk society, drawing attention to a non-deterministic character of threats appearing in developed societies. In this conception, risk was presented as a side product of the modernization process distributed as part of the transforming social organization.

³ Author's note: A. Giddens distinguished risk from cosmology and extra-rational ways of interpreting the surrounding reality. Risk is a product of modernity, a social construct similar to socially engineered nature.

an accurate definition framework facilitating a theoretical identification of modern civilization problems in a *networked world*. The idea of network society has an extremely broad operational field and is characterized by a high degree of discoursiveness. Operationalization of concepts used in a network discourse also seems to be a complex task, especially in social sciences. *The civilization code* of the network order has not been discovered yet by theoreticians struggling with accusations of lack of a scientific character of research and analysis of the new technologically mediated reality. The process of concretization of concepts used to describe it was multifaceted and took place across various science areas, especially of physics, mathematics and biology. Assessment of the risk construction process and its objectivization in a global dimension will be conducted by referring conceptually to two essential features of a network society⁴. One of them is an ability to reproduce and institutionalize the network. New dimensions of techno-social relationality in a network society are beginning to play a crucial role in the process of creating a discursive social reality and hence also of creating new areas of risk, threats and danger (Betlej 2014).

New technologies facilitate an unlimited multiplication and maximization of social networks in hybrid space. Social networks, regarded in categories of the most elementary social structures, are undergoing a specific revival in a network society. Entanglement of participants of the global social exchange in the process of network construction leads to a situation in which this natural networking process becomes a platform for creating new political and economic relationships. The space they participate in creating is rooted in the market and marketing dimensions. Defining social networks in substantial categories leads to the fact that new forms of relationality affect the way of risk construction in technonetworks. One of the most crucial implications of this process is creation of new social problems connected with a global perception of the safety phenomenon.

Another feature of network society is its technological mediation and civilization's dependence on new information and communication technologies. The Internet, mobile, tablet are becoming common tools used in everyday life. Their development was connected with a change in the form of recording and transferring information and knowledge in networked space. ICT technologies did not provoke as much controversy

⁴ Compare with: Felix Stalder 2012.

as construction of nuclear power plants or political entanglement of experts evaluating technology development in the 20th and at the beginning of the 21st century. Network technologies enable intensification of the process of producing and processing information in crucial socio-economic areas of their users' activity. Technological addiction of comakers of a network society implicates a number of threats to the established social order. They are primarily connected with construction of specific visions of social reality, scenarios of the future, interpretation templates by the new media. Social risk construction in a network world is linked with the process of global information and knowledge production by network power structures.

Conclusions

New technologies development in a network society is a multidimensional process whose implications encompass a wide range of socio-economic spheres of social activity. Technical multiplication of social networks and technologization of the process of information production and distribution have given rise to new dimensions of techno-social relationality of comakers of the network order. Technologically mediated networks are becoming a platform for new spheres of risk constructed and distributed in society. Theoretical analyses of new areas of manufactured risk display a return to the works of constructivism (Luhmann, Giddens). Information and knowledge in cyberspace are also defined in constructivist categories, being a certain product, commodity, creation. An information product, however, has a fluxional (a reference to Baumann), flexible, uncertain character.

Democratization of access to network knowledge is only seemingly widespread. The most important sources of information and knowledge in the network are subject to difficult to identify control by holders of network power, creators of specific power relations in a network society. New dimensions of techno-social relationality are also interesting areas of *wielding and exercising network power*. The potentiality of occurrence of risk created on the net more and more commonly undergoes an interesting process of network objectivization. Research into and analysis of risk created by network technologies is extremely difficult. Evaluation of new technologies with respect to their impact on the process of destabilizing the social order appears to be a crucial civilization task in the 21st century.

Bibliography

- Beck U. (2002) *Spoleczeństwo ryzyka. W drodze do innej nowoczesności*, tr Stanisław Cieřła, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar. (In Polish)
- Beck U. (2005) *Władza i przeciwwładza w epoce globalnej*, Warszawa: Scholar. (In Polish)
- Betlej A. (2014) Non-knowledge, Risk and Technology in Networked World- Towards the Future. *Transformations. An Interdisciplinary Journal*, 3-4 (82-83), printed in 2015, pp. 2-17.
- Castells M. (2008) *Spoleczeństwo sieci*, Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN. (In Polish)
- Castells M. (2013) *Władza komunikacji*, Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN SA. (In Polish)
- Carson R. (1962) *Silent Spring*, Boston: Houghton Mifflin.
- Douglas M. (1966) *Purity and danger. An Analysis of Concept of Pollution and Taboo*, London.
- Foucault M. (2002) *Porządek dyskursu*, tr M. Kozłowski, Gdańsk: Wydawnictwo słowo/obraz terytoria. (In Polish)
- Giddens A. (2003) *Stanowienie społeczeństwa. Zarys teorii strukturacji*, Poznań: Zysk i S-ka. (In Polish)
- Green J. (1997) *Risk and Misfortune: A Social Construction of Accidents*, London: UCL Press.
- Luhmann N. (1990) *Technology, Environment and Social Risk: A Systems Perspective*, "Industrial Crisis Quarterly" 4/1990.
- Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W. (1972) *The Limits to Growth*. New York: Universe Books.
- Stalder F. (2012) *Manuel Castells. Teoria społeczeństwa sieci*, tłum. M. Król, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków. (In Polish)
- Stankiewicz P. (2016) Od Czarnobyla do Fukushimy. O społecznej konstrukcji bezpieczeństwa energetyki jądrowej. *Transformacje. Pismo Interdyscyplinarne*, 1-2 (88-89), pp. 213-238. (In Polish)
- Zacher L.W. (2013) Are We Overcivilized? Toward (a) More Sustainable Future(s). *Spirituality and Civilization Sustainability in the 21st century*, Andrew Targowski, Marek J. Celinski, New York, NOVA SCIENCE PUBLISHERS, pp. 45-58
- Zacher L.W. (2017) Technologization of Man and Marketization of His Activities and Culture of The Future, L. W. Zacher (ed.), *Technology, Society and Sustainability. Selected Concepts, Issues and Cases*, Springer, Switzerland, pp. 27-48.
- Zacher L.W. (2016) Technika- wartości- trwały rozwój (Refleksja o zmieniających się relacjach, znaczeniach i praktykach społecznych), *Transformacje. Pismo Interdyscyplinarne*, 1-2 (88-89), pp. 154-171. (In Polish)

**Риск и технологии в сетевом обществе.
Новые аспекты техно-социальной реляционности**

Резюме

Технический, технологический прогресс всегда считался важным фактором, подразумевающим ряд социальных преобразований в сферах жизни, которые имеют решающее значение для будущего цивилизации. Дискуссии о действительно технологическом обществе будущего чаще всего представляют собой пример сетевого общества, развитие которого связано настоящей информационной революцией, компьютеризацией, виртуализацией и объединением гибридной социальной реальности. Сетевой процесс в настоящее время определяется в универсальных категориях. Проблема, которая имеет значение для цивилизации в сетевом обществе, — это оценка технологий, оценка риска, угрозы, безопасности в индивидуальном, социальном, а также культурном и цивилизационном аспектах. Роль социальной инженерии риска и технологий в процессе глобальной инженерии будущего является предметом обсуждения в рамках различных научных сценариев будущего. Задача, представляющая особый интерес в контексте этой дискуссии, состоит в том, чтобы представить дискурс о риске, проводимом в социальных науках в течение 20 и 21 веков. Новые технологии способствуют неограниченному расширению и максимизации социальных сетей в гибридном пространстве. Социальные сети, рассматриваемые в категориях наиболее элементарных социальных структур, переживают особое оживление в сетевом обществе. Развитие новых технологий в сетевом обществе — это многомерный процесс, последствия которого охватывают широкий круг социально-экономических сфер социальной активности. Техническое расширение социальных сетей и технологизация процесса производства и распространения информации привели к новым измерениям техно-социальной реляционности компиляторов сетевого порядка.

Ключевые слова: риск, технологии, сетевое общество, техно-социальная реляционность.

EIROPAS SAVIENĪBAS STRUKTŪRFONDU UN KOHĒZIJAS FONDA SPECIFISKAIS ATBALSTS IZGLĪTOJAMO VEIKSMĪGAI SOCIALIZĀCIJAI

Raksta mērķis ir atspoguļot Eiropas Savienības struktūrfondu un Kohēzijas fonda 2014.–2020. gada plānošanas perioda specifisko atbalstu izglītības ieguvei izglītojamajiem. Pētījuma uzdevums ir raksturot dažus no paredzamajiem projektiem izglītībā, t.i., projektu mērķus, mērķa grupu un atbalstāmās darbības. Pētījums balstās uz normatīvo aktu, atbildīgo iestāžu par projektu īstenošanu publicēto projektu rezultātu un sniegtās informācijas masu medijiem izpēti. Rakstā atainoti arī Eiropas Savienības struktūrfondu 2010.–2013. gada plānošanas perioda rezultāti, kā arī akcentētas problēmas Eiropas Savienības struktūrfondu finansējuma apgūvē, īpaši akcentējot profesionālo izglītību Latgales reģionā.

Atslēgas vārdi: Eiropas Savienības struktūrfondi, izglītība, izglītojamais.

Socializācija aptver visus kultūras, izglītības ieguves un audzināšanas procesus, pateicoties kuriem cilvēks iegūst sociālu dabu un spēju piedalīties sabiedrības dzīvē. Izglītības mērķis ir sniegt izglītojamajam iespējas attīstīt savas potenciālās dotības, sagatavot viņu dzīvei un darbam sabiedrībā, veidojot izglītojamajiem tādas īpašības un prasmes, lai viņi veiksmīgas socializācijas rezultātā paši varētu aktīvi piedalīties procesu sabiedrībā noteikšanā. Būtisks ieguldījums izglītojamo socializācijas veicināšanā ir Eiropas Savienības struktūrfondu finansējums, kas sniedz atbalstu gan izglītojamajiem, gan pedagogiem, gan nodrošina izglītības iestāžu mācību aprīkojuma un infrastruktūras uzlabošanu. Tas viss veicina mūsdienu prasībām atbilstošas mācību vides izveidi, kas savukārt rod ietekmi uz izglītojamajiem un viņu veiksmīgu socializāciju.

2014.–2020. gada plānošanas periodā Eiropas Savienības struktūrfondu un Kohēzijas fonda līdzekļi ir piešķirti sekojošiem projektiem, kas jau tiek īstenoti vai tiks īstenoti vispārējās un profesionālās izglītības iestādēs.

Darbības programmas “Izaugsme un nodarbinātība” 7.2.1. specifiskais atbalsta mērķis “Palielināt nodarbinātībā, izglītībā vai apmācībās neiesaistītu jauniešu nodarbinātību un izglītības ieguvi Jauniešu garantijas ietvaros” pasākumu “Aktīvās darba tirgus politikas pasākumu īstenošana jauniešu bezdarbnieku nodarbinātības veicināšanai” un “Sākotnējās pro-

fesionālās izglītības programmu īstenošana Jauniešu garantijas ietvaros” (turpmāk – Projekts 7.2.1.). **Pasākumu mērķis** – paplašināt sākotnējās profesionālās izglītības programmu īstenošanu un nodrošināt izglītojamiem darba tirgum nepieciešamās profesionālās kvalifikācijas ieguvu, kā arī sekmēt to konkurētspēju darba tirgū. Specifiskā atbalsta **mērķa grupa**: jaunieši vecumā no 15 līdz 29 gadiem (ieskaitot), prioritāri atbalstu sniedzot mērķa grupai vecumā no 15 līdz 24 gadiem (ieskaitot). **Atbalstāmās darbības** profesionālās izglītības iestādē: sākotnējās profesionālās izglītības programmu otrā un trešā profesionālās kvalifikācijas līmeņa ieguve viena vai pusotra mācību gada laikā, tai skaitā, programmu pielāgošana atbilstoši mērķa grupas vajadzībām; mērķstipendijas piešķiršana. Projekta 7.2.1. īstenošana ilgums no 2014. gada līdz 2018. gadam. (MK 207, 28.04.2015.)

Problēmsituāciju Eiropas Savienības fondu līdzekļu apguvē šajā projektā rada lielais izglītojamo atskaitīšanas apjoms no profesionālās izglītības programmām. Projekta 7.2.1. ietvaros profesionālās izglītības iestādēs mācības ir uzsākuši 8499 izglītojamie, no kuriem ir atskaitīti 1764 izglītojamie. 2016. gada 31. augusta dati liecina, ka no Projektam 7.2.1. piešķirtajiem līdzekļiem, t.i., 36 184 219 euro ir izlietoti 14 128 542 euro. Atlikušais finansējums būtu jāapgūst līdz 2018. gada augustam. (“Mazās algas” jauniešu izglītība... 2016)

Specifiskais atbalsta mērķis 8.3.3. “Attīstīt Nodarbinātības valsts aģentūrā (turpmāk – NVA) neregistrēto NEET jauniešu (NETT – jaunieši, kuri nestrādā un nemācās) prasmes un veicināt to iesaisti izglītībā, NVA īstenotajos pasākumos Jauniešu garantijas ietvaros un nevalstisko organizāciju vai jauniešu centru darbībā” (turpmāk – Projekts 8.3.3.). **Atbalsta mērķis** ir attīstīt mērķa grupas jauniešu prasmes un veicināt viņu iesaisti izglītībā, tai skaitā aroda apguvē pie amata meistara, NVA vai Valsts izglītības attīstības aģentūras īstenotajos Jauniešu garantijas projektu pasākumos vai NVA īstenotajos aktīvajos nodarbinātības vai preventīvajos bezdarba samazināšanas pasākumos, kā arī nevalstisko organizāciju vai jauniešu centru darbībā. **Atbalsta mērķa grupa** ir jaunieši vecumā no 15 līdz 29 gadiem (ieskaitot), kuri nemācās, nestrādā, neapgūst arodu un nav reģistrēti NVA kā bezdarbnieki. **Atbalsta ietvaros ir atbalstāmās šādas darbības**: mērķa grupas jauniešu iesaiste projektā; mērķa grupas jaunieša uzrunāšana un konsultēšana; mērķa grupas jaunieša sākotnējā motivēšana iesaistīties projektā un individuālās pasākumu programmas īstenošanā; informācijas sniegšana mērķa grupas jauniešiem par dalību projektā u.c.

Projekta 8.3.3. īstenošana ilgums no 2014. gada līdz 2018. gadam. (MK 385, 7.07.2015.)

Specifiskais atbalsta mērķis 8.5.3. “Nodrošināt profesionālās izglītības iestāžu efektīvu pārvaldību un iesaistītā personāla profesionālās kompetences pilnveidi” (turpmāk – Projekts 8.5.3.). Specifiskā **atbalsta mērķis** ir nodrošināt izglītības iestādēm, kas īsteno sākotnējās profesionālās izglītības, kā arī profesionālās tālākizglītības un profesionālās ievirzes izglītības programmas, efektīvu pārvaldību un iesaistītā personāla profesionālās kompetences pilnveidi. Specifiskā atbalsta **mērķa grupa** ir profesionālās izglītības iestāžu pedagogi, prakses vadītāji, darba vidē balstītu mācību vadītāji, amata meistari, nozaru pārstāvji, direktori, to vietnieki un citi administrācijas pārstāvji. Specifiskā atbalsta ietvaros ir **atbalstāmas** šādas **darbības**: atbalsta pasākumi profesionālās izglītības iestāžu efektīvas pārvaldības principu īstenošanai; atbalsta pasākumi mentoringa procesam, nodrošinot profesionālajā izglītībā iesaistīto pedagogu, iestāžu direktoru, to vietnieku un citu administrācijas pārstāvju, prakses vadītāju, darba vidē balstītu mācību vadītāju un amata meistaru profesionālo pilnveidi stažēšanās pasākumos uzņēmumos un organizācijās Latvijā un citās Eiropas Savienības dalībvalstīs u.c. Projekta 8.5.3. īstenošanas ilgums ir līdz 2022. gadam. (MK 280, 3.05.2016.)

Darbības programma “Izaugsme un nodarbinātība” 8.3.5. specifiskais atbalsta mērķis “Uzlabot pieeju karjeras atbalstam izglītojamiem vispārējās un profesionālās izglītības iestādēs” (turpmāk – Projekts 8.3.5.). **Specifiskā atbalsta mērķis** ir uzlabot pieeju karjeras atbalstam izglītojamiem vispārējās un profesionālās izglītības iestādēs. Specifiskā atbalsta **mērķa grupa** ir valsts un pašvaldību dibinātās vispārējās (tai skaitā speciālās) un profesionālās izglītības iestādes un to izglītojamie. Specifiskā atbalsta ietvaros ir **atbalstāmas šādas darbības**: informatīvo un metodisko materiālu komplekta izstrāde un publiskošana (tai skaitā e-vidē) karjeras atbalsta īstenošanai vispārējās un profesionālās izglītības iestādēs; karjeras attīstības atbalsta pasākumu plāna paraugu izstrāde un aprobācija specifiskā atbalsta īstenošanā iesaistītajās vispārējās un profesionālās izglītības iestādēs u.c. Projekta 8.3.5. īstenošanas ilgums ir līdz 2020. gadam. (MK 359, 7.06.2016.)

Darbības programma “Izaugsme un nodarbinātība” 8.3.4. specifiskā atbalsta mērķa “Samazināt priekšlaicīgu mācību pārtraukšanu, īstenojot preventīvus un intervences pasākumus” (turpmāk – Projekts 8.3.4.) **Specifiskais atbalsta mērķis** ir samazināt priekšlaicīgu mācību pārtraukšanu,

īstenojot preventīvus un intervences pasākumus. Specifiskā atbalsta **mērķa grupa** ir vispārējās izglītības iestāžu izglītojamie no 5. līdz 12. klasei, kā arī to profesionālās izglītības iestāžu un vispārējās izglītības iestāžu izglītojamie no 1. līdz 4. kursam, kuras īsteno profesionālās izglītības programmas. Specifiskā atbalsta ietvaros ir **atbalstāmas šādas darbības**: individuāls atbalsts priekšlaicīgas mācību pārtraukšanas riska grupas izglītojamiem (izglītības pakalpojuma pieejamības nodrošināšana, kas var ietvert: sabiedriskā transporta pakalpojuma izdevumu kompensāciju; naktsmītnes nodrošināšanu dienesta viesnīcā vai internātā; ēdināšanu; speciālā transporta nodrošināšanu izglītojamiem ar invaliditāti; nepieciešamo speciālistu (pedagoga, psihologa, sociālā pedagoga, pedagoga palīga, speciālās izglītības pedagoga, surdotulka, asistenta, logopēda, ergoterapeita) konsultācijas; atbalsts priekšlaicīgas mācību pārtraukšanas preventīcijas sistēmas izveidei u.c. Projekts 8.3.4. īstenošanas ilgums no 2017. līdz 2022. gadam. (MK 460, 12.07.2016.).

Darbības programmas “Izaugsme un nodarbinātība” 8.3.2. specifiskā atbalsta mērķa “Palielināt atbalstu vispārējās izglītības iestādēm izglītojamo individuālo kompetenču attīstībai” 8.3.2.2. pasākums “Atbalsts izglītojamo individuālo kompetenču attīstībai”. **Pasākuma mērķis** ir nodrošināt izglītības pakalpojuma daudzveidību, uzlabojot izglītojamo kompetences un mācību sasniegumus (turpmāk – Projekts 8.3.2.2.). Pasākuma **mērķa grupa** ir: vispārējās izglītības iestādes; vispārējās izglītības iestāžu izglītojamie; pirmsskolas izglītības, 1.–12. klases un interešu izglītības pedagogi, vispārējās izglītības iestāžu atbalsta personāls. Pasākuma ietvaros ir **atbalstāmas šādas darbības**: izglītojamo individuālo kompetenču attīstības atbalsta pasākumu sistēmas izveide; informācijas uzkrāšanas risinājumu nodrošināšana projektā īstenoto pasākumu un izstrādāto materiālu, tai skaitā, interešu izglītības programmu datu krātuves izveidei, tiešsaistes resursa nodrošināšanai; individuālas pieejas attīstību mācību satura apguvei un individuālas pieejas attīstību ārpusstundu pasākumu veidā u.c. Projekta 8.3.2.2. īstenošanas ilgums no 2017. gada līdz 2020. gadam. (MK 589, 30.08.2016.)

Iepriekš minēto projektu Eiropas Savienības struktūrfondu un Kohēzijas fonda finansējums ir atspoguļots 1. tabulā.

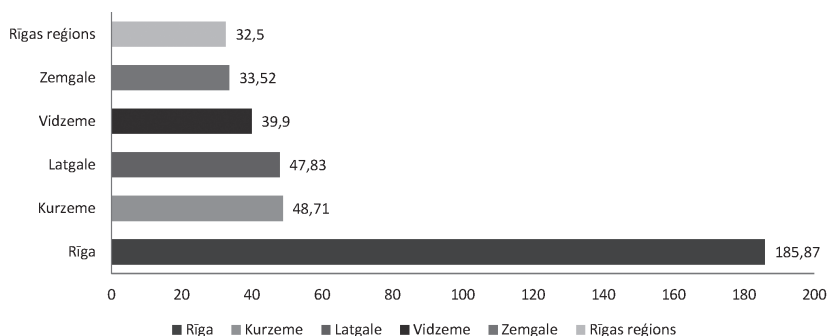
Savukārt Eiropas Savienības struktūrfondu finansējuma 2007. – 2013. gada plānošanas periodā vispārējās izglītības attīstībā bija ieguldīti vairāk nekā 139,8 miljoni eiro un profesionālās izglītības attīstībā – vairāk nekā 248,6 miljoni eiro. Finansējums dalījumā pa reģioniem atspoguļots 1. attēlā.

1. tabula

**Eiropas Savienības struktūrfondu un Kohēzijas fonda
2014.–2020. gada plānošanas perioda
finansiālais atbalsts izglītībai (euro)**

Projekts	Eiropas Sociālā fonda finansējums	Valsts budžeta finansējums	Kopējais attiecināmais finansējums
Projekts 834	33 840 519	5 971 857	39 812 376
Projekts 721	32 780 847	3 403 372	36 184 219
Projekts 833	7 650 000	1 350 000	9 000 000
Projekts 853	5 516 580	973 515	6 490 095
Projekts 835	19 618 584	3 462 104	23 080 688
Projekts 8322	29 93 581	5 151 809	3 445 390

Avots: MK 207, 28.04.201.; MK 385, 7.07.2015.; MK 280., 3.05.2016.; MK 359., 7.06.2016.; MK 460., 12.07.2016.; MK 589., 30.08.2016., tabulas autore: B. Briško.

**1. attēls. Eiropas Savienības struktūrfondu ieguldījums pa reģioniem
Latvijas vispārējās un profesionālās izglītības attīstībā
2007.–2013. gadā (miljoni euro)**

Avots: ES struktūrfondu ieguldījums Latvijas vispārējās un profesionālās izglītības attīstībā 2007.–2013. VIAA. Attēla autore: B. Briško.

Aizvadītajā plānošanas periodā kompetenci un kvalifikāciju pilnveidojuši 34 124 vispārējās izglītības iestāžu pedagogi, 36 izglītības iestādes pielāgotas izglītojamajiem ar funkcionāliem traucējumiem, 24 386 sociālās riska grupas izglītojamie saņēmuši atbalstu mācībām, izveidotas 369 dienas grupas un sociālās korekcijas klases. Vecumgrupā no 20–24 gadiem par 7% pieaudzis jauniešu skaits, kuri ir ieguvuši vidējo izglītību. Par 6% pieaudzis vidējās izglītības absolventu skaits, kas vidējo

izglītību ir ieguvuši ar labām un ļoti labām prasmēm dabaszinātnēs, matemātikā un svešvalodās.

Eiropas Savienības struktūrfondi snieguši būtisku ieguldījumu Latvijas profesionālās izglītības attīstībā. Piešķirtas mērķstipendijas 72 521 jaunietim profesionālās izglītības apguvei. 7047 pedagogiem pilnveidotas profesionālās kompetences un kvalifikācija. 10 profesionālās izglītības iestādes ir pielāgotas personām ar funkcionāliem traucējumiem. Izstrādāti vai pilnveidoti 61 profesiju standarti un 19 profesionālās kvalifikācijas prasības. Izveidotas 56 moduļārās profesionālās izglītības programmas. Profesionālajā izglītībā uzlabota atbilstība darba tirgus pieprasījumiem, sekmēta profesionālās izglītības pievilcību jauniešu vidū. (ES struktūrfondu ieguldījums... 2007–2013)

Vērtējot Eiropas Savienības struktūrfondu ieguldījumu profesionālajā izglītībā Latgales reģionā, var secināt, ka finansējuma sadalījumu būtiski ir ietekmējusi profesionālās izglītības iestāžu tīkla optimizācija, kuras mērķis ir nodrošināt turpmāku profesionālās izglītības sistēmas strukturālo reformu īstenošanu, optimizējot profesionālās izglītības iestāžu skaitu un izvietojumu reģionos. (Izglītības attīstības pamatnostādnes..., 2014) Līdz ar to vairākās profesionālās izglītības iestādēs, kurām Eiropas Savienības struktūrfondu finansējums bija piešķirts, projekta īstenošana tikusi pārtraukta, jo izglītības iestādes bija reorganizētas. Projektu īstenošana profesionālajā izglītībā Latgalē atspoguļota 2. tabulā.

2. tabula

**Eiropas Savienības struktūrfondu finansiālais atbalsts
profesionālajai izglītībai Latgales reģionā**

Profesionālās izglītības iestādes nosaukums	Projekta apstiprināšanas gads	Kopējās apstiprinātās projekta attiecināmās izmaksas (EUR)	Projekta statuss
1	2	3	4
Lūznavas profesionālā vidusskola*	2010	1922332,54	Pārtraukts
Daugavpils Celtnieku profesionālā vidusskola**	2010	1277397,40	Pārtraukts
Austrumlatgales profesionālā vidusskola**	2010	1181090,32	Pārtraukts
Daugavpils Dizaina un mākslas vidusskola "Saules skola"	2010	601127,77	Pabeigts

1	2	3	4
Daugavpils 1. arodvidusskola*	2010	961487,13	Pārtraukts
Latgales transporta un sakaru tehniskā skola*	2010	2707897,22	Pārtraukts
Rēzeknes 14. arodvidusskola*	2010	1277397,40	Pārtraukts
Rēzeknes Mākslas un dizaina vidusskola	2010	751408,26	Pabeigts
Višķu profesionālā vidusskola*	2010	1335084,89	Pārtraukts
Dagdas arodvidusskola*	2010	714281,65	Pārtraukts
Preiļu arodvidusskola*	2010	284932,93	Pārtraukts
Dagdas arodvidusskola*	2010	1604958,14	Pārtraukts
Daugavpils tehnikums	2013	11151868,41	Pabeigts
Daugavpils Būvniecības tehnikums	2014	9419348,78	Pabeigts
Rēzeknes tehnikums	2014	12017538,86	Pabeigts

* Izglītības iestāde reorganizēta.

** Izglītības iestādei mainīts nosaukums.

Avots: Mācību aprīkojuma modernizācija..., tabulas autore: B. Briško.

Secinājumi

Eiropas Savienības struktūrfondu un Kohēzijas fonda 2014.–2020. gada plānošanas periodā ir paredzēts nozīmīgs atbalsts izglītojamajiem, t.i., atbalsts vispārējās izglītības iestādēm izglītojamo individuālo kompetenču attīstībai, pieejas uzlabošanai karjeras atbalstam izglītojamajiem vispārējās un profesionālās izglītības iestādēs, profesionālās izglītības iestāžu efektīvas pārvaldības un iesaistītā personāla profesionālās kompetences pilnveides nodrošināšanai, jauniešu prasmju attīstībai un iesaistei izglītībā, nodarbinātībā, izglītībā un apmācībās neiesaistītu jauniešu nodarbinātībā un izglītības ieguves palielināšanā, kas sekmē izglītojamo veiksmīgu socializāciju. Problēmu atspoguļo dati, kas ietverti 2. tabulā, t.i., Eiropas Savienības struktūrfondu finansējuma piešķiršana ir bijusi izglītības iestādēm, kuras paredzēts reorganizēt, kā rezultātā projektu īstenošana ir pārtraukta. Otru problēmu loku atspoguļo Projektā 7.2.1. iekļauto daļas jauniešu attieksme – pametot mācības un nenovērtējot iespēju īsā laika posmā iegūt profesionālo kvalifikāciju.

Eiropas Komisijā noris debates par Eiropas Savienības struktūrfondu finansējumu laika posmā pēc 2020. gada un par to, kādi finanšu instrumenti tiks izmantoti finansējuma piešķiršanai. Izskan viedoklis, ka bezmaksas daļa finansējumam samazināsies. Šo procesu ietekmēs neto ieņēmumu samazināšanās, ko noteiks Lielbritānijas paredzamā izstāšanās no Eiropas Savienības (Intervija ar SEB bankas... 2016).

Bibliogrāfija

- ES struktūrfondu ieguldījums Latvijas vispārējās un profesionālās izglītības attīstībā 2007–2013. VAAA. Pieejams: <https://www.youtube.com/watch?v=eI-GhVrrrZ8&feature=youtu.be> (skat. 12.10.2016.)
- Intervija ar SEB bankas ekonomistu D. Gašpuiti. LR1 raidījums “Pēcpusdiena”. 12.10.2016. Pieejams: http://lr1.lsm.lv/lv/lr/arhivs/?__uri=lv/lr/arhivs/&channel=1&d=12&m=10&cy=2016&page=1 (skat. 13.10.2016.)
- Izglītības attīstības pamatnostādnes 2014.–2020. gadam. Pieejams: <http://m.likumi.lv/doc.php?id=266406> (skat. 12.10.2016.)
- “Mazās algas”: jauniešu izglītība un profesijas izvēle. LTV 1 raidījums “Panorāma”. 02.10.2016. Pieejams: <http://replay.lsm.lv/lv/ieraksts/lv/81148/mazas-algas-jauniesu-izglitiba-un-profesijas-izvele/> (skat. 12.10.2016.)
- Mācību aprikojuma modernizācija un infrastruktūras uzlabošana profesionālās izglītības projektu īstenošanai. VAAA. Pieejams: http://sf.viaa.gov.lv/lat/profesionala_izglitiba/profesionalas_izglitibas_aktiv/?tl_id=13927&tls_id=11424 (skat. 12.10.2016.)
- Ministru kabineta 2015. gada 28. aprīļa noteikumi Nr. 207. Darbības programmas “Izaugsme un nodarbinātība” 7.2.1. specifiskā atbalsta mērķa “Palielināt nodarbinātībā, izglītībā vai apmācībās neiesaistītu jauniešu nodarbinātību un izglītības ieguvī Jauniešu garantijas ietvaros” pasākumu “Aktīvās darba tirgus politikas pasākumu īstenošana jauniešu bezdarbnieku nodarbinātības veicināšanai” un “Sākotnējās profesionālās izglītības programmu īstenošana Jauniešu garantijas ietvaros” īstenošanas noteikumi. Pieejams: <http://likumi.lv/ta/id/274081-darbibas-programmas-izaugsme-un-nodarbinatiba-7-2-1-specifiska-atbalsta-merka-palinelinat-nodarbinatiba-izglitiba-vai> (skat. 12.10.2016.)
- Ministru kabineta 2015. gada 7. jūlija noteikumi Nr. 385. Darbības programmas “Izaugsme un nodarbinātība” 8.3.3. specifiskā atbalsta mērķa “Attīstīt NVA neregistrēto NEET jauniešu prasmes un veicināt to iesaisti izglītībā, NVA īstenotajos pasākumos Jauniešu garantijas ietvaros un nevalstisko organizāciju vai jauniešu centru darbībā” īstenošanas noteikumi. Pieejams: <http://likumi.lv/ta/id/275554-darbibas-programmas-izaugsme-un-nodarbinatiba-8-3-3-specifiska-atbalsta-merka-attistit-nva-neregistreto-need-jauniesu> (skat. 12.10.2016.)
- Ministru kabineta 2016. gada 3. maija noteikumi Nr. 280. Darbības programmas “Izaugsme un nodarbinātība” 8.5.3. specifiskā atbalsta mērķa “Nodrošināt profesionālās izglītības iestāžu efektīvu pārvaldību un iesaistītā personāla

- profesionālās kompetences pilnveidi” īstenošanas noteikumi. Pieejams: <http://likumi.lv/ta/id/282024-darbibas-programmas-izaugsme-un-nodarbinatiba-8-5-3-specifiska-atbalsta-merka-nodrosinat-profesionalas-izglitibas-iestazu> (skat. 12.10.2016.)
- Ministru kabineta 2016. gada 7. jūnija noteikumi Nr. 359. Darbības programmas “Izaugsme un nodarbinātība” 8.3.5. specifiskā atbalsta mērķa “Uzlabot pieeju karjeras atbalstam izglītojamajiem vispārējās un profesionālās izglītības iestādēs” īstenošanas noteikumi. Pieejams: <http://likumi.lv/ta/id/283023-darbibas-programmas-izaugsme-un-nodarbinatiba-8-3-5-specifiska-atbalsta-merka-uzlabot-pieeju-karjeras-atbalstam-izglitojamajiem> (skat. 12.10.2016.)
- Ministru kabineta 2016. gada 12. jūlija noteikumi Nr. 460. Darbības programmas “Izaugsme un nodarbinātība” 8.3.4. specifiskā atbalsta mērķa “Samazināt priekšlaicīgu mācību pārtraukšanu, īstenojot preventīvus un intervences pasākumus” īstenošanas noteikumi. Pieejams: <http://likumi.lv/ta/id/283625-darbibas-programmas-izaugsme-un-nodarbinatiba-8-3-4-specifiska-atbalsta-merka-samazinat-priekslaicigu-macibu-partrauksanu> (skat. 12.10.2016.)
- Ministru kabineta 2016. gada 30. augusta noteikumi Nr. 589. Darbības programmas “Izaugsme un nodarbinātība” 8.3.2. specifiskā atbalsta mērķa “Palielināt atbalstu vispārējās izglītības iestādēm izglītojamo individuālo kompetenču attīstībai” 8.3.2.2. pasākuma “Atbalsts izglītojamo individuālo kompetenču attīstībai” īstenošanas noteikumi. Pieejams: <http://likumi.lv/ta/id/284595-darbibas-programmas-izaugsme-un-nodarbinatiba-8-3-2-specifiska-atbalsta-merka-palietinat-atbalstu-visparejas-izglitibas> (skat. 12.10.2016.)

Specific Support of the EU Structural Funds and the Cohesion Fund to a Successful Socialization of Learners

Summary

The article gives information on a specific support of the EU Structural Funds and the Cohesion Fund to a successful socialization of learners in the 2014–2020 programming period, i.e. the aid to general education institutions for the development of individual competences of the students, improving access to the support to career development of students in institutions of general and vocational education, institutions of vocational education and effective management of the personnel involved in the provision of professional competence development, skills development and the involvement of the youth in education, employment, improvement of the employment and education attainment level of the young people that are not involved in education and training, contributing to a successful socialization of learners. The article also gives a review on the 2010–2013 programming period of the EU Structural Funds in terms of the contribution made to the promotion of education in Latvia, with a particular emphasis on the Latgale region.

Key words: learner, education, European Union Structural Funds.

DARBA VIDĒ BALSTĪTU MĀCĪBU RĪCĪBPOLITIKAS VEIDOŠANA UN ĪSTENOŠANA LATVIJĀ

Darba tirgū ir nepieciešami jauni, augsti kvalificēti speciālisti, tādēļ arvien aktuālāks kļūst jautājums par izglītības sistēmas tuvināšanu darba tirgus vajadzībām. Latvijā, lai tuvinātu profesionālo izglītību darba tirgum, 2013. gadā tika uzsākti darba vidē balstītu mācību (turpmāk tekstā – DVB mācību) pilotprojekti. Pētījuma mērķis – izpētīt un analizēt DVB mācību rīcībpolitikas veidošanas un ieviešanas procesu Latvijā. Tika noskaidrots, ka šo rīcībpolitikas attīstību veicināja: politikas aktualizācija Eiropas Savienības līmenī un liela pilotprojektu īstenotāju pašiniciatīva. DVB mācību formulēšanas un ieviešanas procesu kavēja: gausa normatīvo aktu virzība, kas izriet no daudzajām iesaistītajām pusēm un to grūtībām vienoties, nereti paliekot pie savām pozīcijām, redzējuma un izpratnes.

Atslēgas vārdi: darba vidē balstītas mācības, mācekļība, profesionālā izglītība.

Ievads

Eiropas valstīs, tostarp Latvijā, finanšu un ekonomiskās krīzes laikā strauji pieauga jauniešu bezdarba rādītāji. 2013. gadā Eiropā bez darba bija 5,6 miljoni jauniešu. Kā cēlonis strauji augošajam jauniešu bezdarbam tika minēts jauno cilvēku prasmju neatbilstība darba tirgus prasībām (European Commission 2013). Jauniešu bezdarbs kļuva par vienu no Eiropas Savienības politiskās dienaskārtības daļu. Risinājums jauniešu bezdarbam tiek saskatīts augstas kvalitātes profesionālajā izglītībā un apmācībā, kurā pastāv aktīva darba devēju un spēcīga darba vidē balstītu (DVB) mācību elementu iesaiste, kas atvieglotu jauniešiem šo pārejas posmu no skolas uz darba tirgu, nodrošinot zināšanas, prasmes un kompetences. Prakse rāda, ka valstīs ar spēcīgu un pievilcīgu profesionālo izglītības sistēmu, piemēram, Vācijā, Somijā, kurās ir attīstīta DVB mācības, jauniešu bezdarba rādītāji ir zemāki (European Commission 2013).

Latvijā 2013. gadā sešs profesionālajās izglītības iestādēs tika uzsākti DVB mācību pilotprojekti (IZM 2014). 2014. gada maijā Saeima apstiprināja “Izglītības attīstības pamatnostādnes 2014.–2020. gadam”, kurās lasāms: “Darba vidē balstītas mācības profesionālās izglītības nodrošināšanā šobrīd ir augsta līmeņa ES un Latvijas, izglītības un nodarbinātības politikas prioritāte (autore pasvītrojums). Tomēr, Eiropas Komisijas dienestu ikgadējos ziņojumos mācekļības elementu (kas ietver arī DVB

mācības) ieviešanas progress Latvijā četrus gadus pēc kārtas (2013., 2014., 2015., 2016.) tiek vērtēts kā “neliels”. Šāds apzīmējums tiek atšifrēts sekojoši: “dalībvalsts ir paziņojusi par pasākumiem vai pieņēmusi pasākumus, lai ņemtu vērā konkrētai valstij adresētos ieteikumus. Šie pasākumi ir daudzsoļi, bet ne visi no šiem pasākumiem jau ir īstenoti, un to īstenošana visos gadījumos vēl nav droši zināma” (Eiropas Komisijas dienestu darba dokuments 2013). Pētījuma mērķis ir izpētīt un analizēt darba vidē balstītu mācību rīcībpolitikas formulēšanas un ieviešanas procesu Latvijā, atklājot faktoros, kas procesu veicina un/vai kavē.

Darba vidē balstītas mācības – termins, definīcija, būtība

Pētnieki, kas ir aplūkojuši terminu “darba vidē balstītas mācības” (work-based learning) un to definīcijas ir nonākuši pie secinājuma, ka nepastāv vienotas definīcijas šim terminam (European Training Foundation 2013). Eiropas Profesionālās izglītības attīstības centra izpratnē DVB mācībās tā ir zināšanu un prasmju apguve, veicot praktiskus uzdevumus profesionālās izglītības iestādē un/ vai darba vidē” (Cedefop 2014). DVB mācību termina izpratnei noder Eiropas Komisijas izdalītie trīs DVB mācību modeļi, kas ir identificēti profesionālajās izglītības sistēmās Eiropā: 1) DVB mācības var būt integrētas skolu programmās caur semināriem, mācību uzņēmumiem un restorāniem, simulācijām u.t.t. Šajā modelī, skolām vai mācību centriem ir galvenā atbildība par vides radīšanu tuvu reālai darba videi. 2) Skolā balstīta apmācība, kas ietver praktisko mācību periodus uzņēmumos, piemēram, prakses, kas parasti veido mazāk nekā 50% no mācību programmas ilguma. 3) *Apprenticeships* (mācekļība) vai *Alternance schemes*, kas Austrijā un Vācijā ir zināmi ar terminu “duālā izglītība”. Šajā DVB mācību modelī profesionālās izglītības iestāde kopā (autore pasvītrojums) ar uzņēmumu īsteno mācību programmu, tādējādi nodrošinot augstu uzņēmumu iesaistes intensitāti un aktīvu līdzdalību. Vēl raksturīgi, ka izglītojamie pavada ievērojamu laiku tieši uzņēmumā, apgūstot prasmes un zināšanas reālā darba vidē un programmas īstenošanā tiek izmantoti “pārmijus periodi”, piem., izglītojamie pavada divas dienas nedēļā izglītības iestādē apgūstot teorētiskās zināšanas, bet nedēļas atlikušās dienas apgūstot prasmes uzņēmumā (European Commission 2013). Tieši šo DVB modeli Latvija, uzsākot 2013. gadā DVB mācību pilotprojektus, mēģināja aprobēt savā profesionālās izglītības sistēmā.

Kā pirmā definīcija terminam “darba vidē balstītas mācības”(DVB) Latvijas kontekstā tika minēta, ka ar to “saprot pieeju, kad izglītojamais

praktiskās iemaņas un zinības galvenokārt apgūst reālā darba vidē uzņēmumā, un tikai salīdzinoši nelielu laika daļu (vairumā gadījumu mazāk par pusi) pavada profesionālās izglītības iestādē, apgūstot teorētiskās zināšanas” (IZM 2014). Šī definīcija tapa laikā, kad darba vidē balstītas mācības Latvijā tika īstenotas pilotprojektu formā. Pēc MK noteikumu pieņemšanas 2016. gada jūlijā definējums ir mainījies: “Izglītojamais darba vidē balstītu mācību ietvaros apgūst izglītības programmas profesionālā satura teoriju un praksi izglītības iestādē un uzņēmumā atbilstoši individuālajam plānam, ievērojot darba vidē balstītai mācību profesionālās izglītības ieguves formai atbilstošas izglītības programmas īstenošanas plānu” (MK noteikumi Nr. 484, 15.07.2016).

Metodes

Pētījumā kā datu ieguves metodes izmantotas daļēji strukturētās intervijas un dokumentu analīze. Daļēji strukturētās intervijas (kopumā 10) tika veiktas ar izglītības iestādēm un uzņēmumiem, kas iesaistījušies DVB mācību īstenošanā un ar divu DVB mācību politikas attīstībā, veidošanā un īstenošanā iesaistīto organizāciju pārstāvjiem. Pilot intervija notika ar izglītības iestādes pārstāvi 2014. gada decembrī, nākamās trīs intervijas – 2015. gada beigās, atlikušās – 2016. gada sākumā. Tika jautāts, kā organizācija iesaistījās DVB mācību ieviešanā, kāds ir secinājums par DVB mācību politikas ieviešanu ar pilotprojektiem, sadarbības pieredzes starp iesaistītajām pusēm vērtējums u.c. jautājumi. Tika izpētīti šādi dokumenti: 1) Ziņojumi un pieejamie pētījumi. 2) Normatīvo aktu virzība, pētot Valsts sekretāru sanāksmju un Ministru kabineta sēžu protokolus. 3) Eiropas Komisijas darba dienestu ikgadējie ziņojumi par Latvijas valsti. Tajos tiek novērtēts progress, kā konkrētai valstij izdodas īstenot noteiktās rekomendācijas, kas zināmas ar jēdzienu “konkrētam valstīm adresēti ieteikumi”.

Pētījuma ierobežojumi – darba autore nav iesaistīta darba vidē balstītu mācību politikas attīstībā un līdz ar to pastāv lielāka iespēja nepieklūt būtiskai informācijai. Galvenie avoti ir informācija, ar ko intervijas dalībnieki bija gatavi dalīties, kā arī publiski pieejamā informācija – dokumenti, pētījumi, ministriju ziņojumi u.c. Tomēr reizē tas mazina risku veidot pētījumu ar kādu noteiktu skatījumu, kas balstītos kādās noteiktās pozīcijās un interesēs.

Latvijas situācija

Darba vidē balstītu mācību nokļūšanu Latvijas politiskajā dienaskārtībā veicināja tās aktualizācija ES līmenī, proti, ES kopējā stratēģijā “Eiropa 2020 – stratēģija gudrai, ilgtspējīgai un iekļaujošai izaugsmei” noteikts, ka dalībvalstīm vajadzēs uzlabot jauniešu ienākšanu darba tirgū, izmantojot integrētus pasākumus, kas ietver vadlīnijas, konsultēšanu un mācekļību (European Commission 2010). Būtiski, ka Eiropas Komisija, lai tuvotos Eiropa 2020 uzstādījumiem katru gadu sagatavo konkrētām valstīm adresētos ieteikumus (*Country Specific Recommendations*), kas balstās uz iepriekš veiktiem ziņojumiem par katru valsti, proti šo rekomendāciju izpilde tiek sistemātiski uzraudzīta. 2012. gada rekomendācijas Latvijai tika noteikts ka ir “jāveic pasākumi ilgstošā un jauniešu bezdarba samazināšanai, veicinot efektīvāku profesionālo izglītību un apmācību un ar to saistīto mācekļa elementu”. Rekomendācijas lielā mērā ietekmēja DVB mācību pilotprojektu uzsākšanu Latvijā 2013./2014. mācību gadā 6 profesionālās izglītības iestādes, iesaistot ~ 130 izglītojamo, 17 dažādās izglītības programmās sadarbībā ar 29 uzņēmumiem. Nākamajā 2014./2015. gadā jau 25 profesionālās izglītības iestādes kopumā vairāk kā 40 programmas sadarbībā ar vairāk kā 170 uzņēmumiem, iesaistot ap 500 audzēkņus bija gatavas īstenot” (IZM 2014). Tomēr 2015. gada augustā IZM materiālā lasāms, ka DVB mācību īstenošanā ar atšķirīgu intensitātes pakāpi iesaistījās vien 12–15 profesionālās izglītības iestādes, sadarbībā ar vairāk kā 200 uzņēmumiem dažādās programmās iesaistot aptuveni 500 audzēkņus (IZM 2015). Reālais izglītības iestāžu skaits, kas īstenoja DVB mācības 2014./2015. gadā, faktiski bija uz pusi mazāks nekā sākotnēji plānots. Tai pat laikā iesaistīto uzņēmumu skaits bija lielāks nekā prognozēts. 2015./2016. gadā provizoriskie dati liecināja, ka skolu gatavība iesaistīties bija vismaz 2014./2015. mācību gada līmenī ar pieaugošu tendenci (IZM 2015).

Intervijā Profesionālās izglītības iestādes A pārstāvis atzina, ka skolas izvērtē, kādas ir viņu iespējas īstenot šāda veida mācības, izvērtē dzirdēto par citu skolu pieredzi, kā arī jāņem vērā fakts, ka īstenojot pilotprojektus netika papildus piešķirts finansējums no ministrijas puses DVB pilotprojektu īstenošanai (Profesionālās izglītības pārstāvis A, intervija, 09.12.2014, 18.01.2016). Atsevišķas skolas piedalīties pilotprojektos motivēja doma, ka tas ir veids, kā popularizēt savu izglītības iestādi un izglītības programmas un līdz ar to piesaistīt skolai vairāk audzēkņus. Atsevišķas skolas atzīst, ka tās ieguva papildus mediju uzmanību, tomēr

ekspektācijas attiecībā uz izglītības programmu popularitātes veicināšanu ne vienmēr piepildījušās. Bija skolas, kurās jaunizveidotās izglītības programmas neguva pietiekošu izglītojamo interesi un netika īstenotas. Skaidrojums ir šo profesiju nepopularitāte un atalgojuma līmenis šajās nozarēs kopumā un attiecīgajiem speciālistiem (Profesionālās izglītības pārstāvis D, intervija, 19.11.2015., Profesionālās izglītības pārstāvis A, intervija, 18.01.2016., Uzņēmuma A pārstāvis, intervija, 18.04.2016.)

DVB mācību politikas veidošanā un īstenošanā piedalās apjomīgs dalībnieku (stakeholders) skaits. IZM 2014. gada ziņojumā par DVB mācību īstenošanu Latvijas kontekstā ir aprakstīts, kas ir jau iesaistītas organizācijas, un ar kurām vēl tolaik notika sarunas par gatavību iesaistīties DVB mācību ieviešanā. Iesaistītās organizācijas ir: Labklājības, Ekonomikas, Zemkopības ministrijas, kompetences ietvaros arī Finanšu ministrija, profesionālās izglītības iestādes, darba devēju organizācijas, Latvijas Pašvaldību savienība, Latvijas Novadu pašvaldības un to struktūrvienības (piemēram, Izglītības pārvaldes), IZM padotības iestādes, kas atbild par izglītības satura, eksaminācijas, licencēšanas, akreditācijas un kvalitātes nodrošināšanas jautājumiem, iesaistīta ir arī Vācijas vēstniecība Latvijā, Vācijas Baltijas Tirdzniecības kamera, nozaru asociācijas un citi (IZM 2014).

Arī normatīvo aktu izstrādes procesā ir iesaistīts liels skaits institūciju. Piemēram, 2015. gada 25. augustā Ministru kabinets lēma, ka IZM sadarbībā ar Ekonomikas, Labklājības, Finanšu ministriju un sociālajiem partneriem līdz 2015. gada 30. novembrim jāizstrādā un jāiesniedz izskatīšanai MK noteikumu projektu par DVB mācību organizēšanas un īstenošanas kārtību (LR MK sēdes protokols Nr. 41, 25.08.2016.). Tomēr tikai 2016. gada 28. janvārī Valsts sekretāru sanāksmē tika iesniegts sagatavotais noteikumu projekts “Kārtība, kādā organizē un īsteno darba vidē balstītas mācības”. Valsts sekretāru sanāksme lēma, ka: “IZM noteikumu projektu un anotāciju jāaskaņo ar: Tieslietu, Finanšu, Ekonomikas, Labklājības, Veselības un Vides Reģionālās attīstības ministriju, Pārresoru koordinācijas centru, Valsts kanceleju, Latvijas Pašvaldību savienību, Latvijas Brīvo arodbiedrību savienību, Latvijas Darba devēju konfederāciju un saskaņoto projektu jāiesniedz Valsts kancelejā (Valsts sekretāru sanāksmes protokols Nr. 4, 28.01.2016). Šis MK noteikumu projekts tika apstiprināts teju sešus mēnešus vēlāk jeb 2016. gada 15. jūlijā pēc tā iesniegšanas Valsts sekretāru sanāksmē (Ministru kabinets, mājas lapa).

Politikas analīzes teorētiski Hogvuds un Gans (*Hogwood, Gunn*) norāda, ka politikas veidošanas un ieviešanas process ir vieglāks, ja to ievieš

viena aģentūra, kurai nav atkarība šajā procesā no citām institūcijām vai arī atkarība ir neliela. Tomēr praksē bieži ir iesaistīts liels skaits organizāciju, kurām katrai ir savas intereses un izpratne, kas var radīt grūtības vienošanās panākšanai un lēmumu pieņemšanā (Hogwood, Gunn 1984). Līdzīgu ainu kā teorijā minēts, iezīmēja skolu pārstāvis interviju laikā: “Tur katram ir savas intereses, ļoti stingras intereses un savas sarkanās līnijas, no kurām neatkāpsies ne viens, ne otrs, ne trešais. Es pat nezinu, ka viņiem var palīdzēt” (Profesionālās izglītības iestādes pārstāvis A, intervija, 18.01.2016).

Šo izglītības formu nav iespējams īstenot bez darba devēju līdzdalības, tādēļ to motivēšana iesaistīties ir ļoti aktuāla. Par nemotivējošu intervijās uzņēmēji puda MK noteikumos minēto, ka ar audzēkņiem būs jāslēdz darba līgums (Uzņēmuma A pārstāvis, intervija, 18.04.2016; Uzņēmuma C pārstāvis, intervija, 03.05.2016), kas nozīmē, ka par audzēkni būs jāmaksā arī visi darba spēka nodokļi, “par MK noteikumiem, tiem ir jāstājas jau no 2016. gada septembra, bet darba devēji (LDDK) viņus neakceptē, tādēļ, ka ir jāparaksta darba līgums– viņi nav gatavi slēgt darba līgumu ar audzēkni” (Organizācijas pārstāvis A, intervija, 30.03.2016). Jāmin, ka no 2016. gada 3. ceturkšņa līdz 2023. gada 31. augustam specifiski atbalstāmā mērķa (SAM 8.5.1.) “Palielināt kvalificētu profesionālās izglītības iestāžu audzēkņu skaitu pēc to dalības darba vidē balstītās mācībās vai mācību praksē uzņēmumā” ietvaros ir paredzēta kompensācija uzņēmējam par DVB mācību nodrošināšanu–max. 270 EUR mēnesī par vienu audzēkni. Kopējais finansējums specifiski atbalstāmā mērķa aktivitātēm līdz 2023. gadam ir teju 22 milj. EUR (no tiem 18 646 580 EUR no Eiropas Sociālā fonda) (Latvijas Darba devēju konfederācija 2016).

Secinājumi un rekomendācijas

Veicinošie faktori:

1. Augstie jauniešu bezdarba rādītāji, kuru galvenais cēlonis ir prasmju neatbilstība darba tirgus prasībām. ES līmenī tika pieņemts lēmums par mācekļības elementu (kas iekļauj DVB mācības) iekļaušanu Eiropa 2020 stratēģijā, kas ir saistoša visām ES dalībvalstīm.
2. ES institūciju radītais “spiediens” Latvijai dalībvalstu specifisko ieteikumu formā veicināt mācekļības elementu Ieteikumu īstenošana ik gadu tiek analizēta un novērtēta no Eiropas komisijas institūcijām, kas rada papildus “spiedienu” ieteikumu īstenošanai.

3. Liela skolu un uzņēmēju pašiniciatīva pilotprojektos, īstenojot pilotprojektos bez papildus piešķirtiem finanšu resursiem, galvenokārt pašiem veidojot savu izpratni par DVB mācībām un to īstenošanu esošajā normatīvajā ietvarā.

Kavējošie faktori:

1. Atsevišķu profesiju nepopularitāte jauniešu vidū, kā dēļ neizdodas īstenot attiecīgās profesionālās izglītības programmas.
2. Kavēšanās normatīvo aktu virzībā, kas izriet no daudzo iesaistīto pušu skaita un to grūtībām vienoties, nereti paliekot pie savām pozīcijām, redzējuma un izpratnes.

Rekomendācijas:

1. Kamēr DVB mācību attīstībai tiek piešķirti ES finanšu līdzekļi specifiski atbalstāmo mērķu ietvaros, paralēli nepieciešams izstrādāt mehānismu, kas veicinās uzņēmēju motivāciju iesaistīties pēc tam, kad beigsies ES finansējuma saņemšana DVB mācību attīstīšanai.
2. Būtu nepieciešams stiprināt un attīstīt skolu savstarpējo sadarbību, kas veicinātu pieredzes un informācijas par DVB mācību īstenošanu aktīvāku apmaiņu.
3. Nepieciešams izvērtēt un attīstīt DVB mācību īstenošanas uzraudzību, lai tās tiktu kvalitatīvi īstenotas.

Bibliogrāfija

- Eiropas Komisija (2013) *Eiropas Komisijas dienestu darba dokuments, Latvijas 2013. gada valsts reformu programmas un konverģences programmas novērtējums*. Pieejams: http://ec.europa.eu/europe2020/pdf/nd/swd2013_latvia_lv.pdf (skat. 26.04.2016.).
- Eiropas Komisija, mājas lapa, *Eiropas iestādes un struktūras*. Pieejams: http://ec.europa.eu/europe2020/who-does-what/eu-institutions/index_lv.htm (skat. 19.09.2016.).
- Cedefop (2014) *Terminology of European education and training policy*. Luxembourg: Publications office of the European Union. (In English)
- European Commission (2010) *EUROPE 2020 A strategy for smart, sustainable and inclusive growth*. (In English) Available: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:2020:FIN:EN:PDF> (accessed on: 12.05.2016.)
- European Commission (2012) Youth employment: Commission proposes package of measures. (In English) Available: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-12-1311_en.htm (accessed on: 05.05.2016)

- European Commission (2013) *Work-Based Learning in Europe. Practices and Policy Pointers*. (In English) Available: http://ec.europa.eu/education/policy/vocational-policy/doc/alliance/work-based-learning-in-europe_en.pdf (accessed on: 21.01.2016.)
- European Training Foundation (2013) *Work-based learning: Benefits and obstacles a literature review for policy makers and social partners in etf partner countries*. (In English) Available: [http://www.etf.europa.eu/webatt.nsf/0/576199725ED683BBC1257BE8005DCF99/\\$file/Work-based %20 learning_Literature% 20review.pdf](http://www.etf.europa.eu/webatt.nsf/0/576199725ED683BBC1257BE8005DCF99/$file/Work-based%20learning_Literature%20review.pdf) (accessed on: 06.03.2016.)
- Hogwood, B., Gunn, L. (1984) *Policy Analysis for the Real World*, Oxford University Press, Oxford. (In English)
- Izglītības attīstības pamatnostādnes 2014.2020. gadam. Pieejams: <http://m.likumi.lv/doc.php?id=266406> (skat. 22.05.2016.).
- Izglītības iestāde A, intervija, 09.12.2014.
- Izglītības iestāde A, intervija, 18.01.2016.
- Izglītības iestāde B, intervija, 26.11.2015.
- Izglītības iestāde C, intervija, 19.11.2015.
- Izglītības iestāde D, intervija, 19.11.2015.
- IZM (2013) *Izglītības un zinātnes ministrijas 2012. gada publiskais pārskats*. Pieejams: <http://www.izm.gov.lv/images/parskati/02.pdf> (skat. 07.11.2015.)
- IZM (2014) *Par darba vidē balstītu mācību īstenošanas iespējām Latvijas profesionālās izglītības attīstības kontekstā*. Pieejams: <http://tap.mk.gov.lv/mk/tap/?pid=40319533> (skat. 05.10.2014.).
- IZM (2015) *2015./2016. mācību gada aktualitātes un jaunumi izglītībā*. Pieejams: [http://www.izm.gov.lv/images/aktualitates/2015/Aktualitates-2015_ materials.pdf](http://www.izm.gov.lv/images/aktualitates/2015/Aktualitates-2015_materials.pdf) (skat. 22.04.2016.)
- MK noteikumi Nr. 484 (15.07.2016.) *Kārtība, kādā organizē un īsteno darba vidē balstītas mācības*. Pieejams: <http://likumi.lv/ta/id/283680-kartiba-kada-organize-un-isteno-darba-vide-balstitas-macibas> (skat. 12.10.2016.).
- Latvijas darba devēju konfederācija (2016) semināra prezentācija *Seminārs par darba vidē balstītu (DVB) mācību īstenošanu*. Pieejams: [http://www.izm.gov.lv/images/Erasmus/Prezent%C4%81cija_1902016_WBL_Balt_projekta_ eksperti.pdf](http://www.izm.gov.lv/images/Erasmus/Prezent%C4%81cija_1902016_WBL_Balt_projekta_eksperti.pdf) (skat. 05.10.2016.).
- LR MK, mājas lapa, Latvijas Republikas ministru kabineta sēdes protokols, Nr. 41. Pieejams: <http://tap.mk.gov.lv/mk/mksedes/saraksts/protokols/?protokols=2015-08-25>(skat. 22.05.2016.)
- Organizācijas pārstāvis A, intervija, 30.03.2016.
- Uzņēmuma A pārstāvis, intervija, 18.04.2016.
- Uzņēmuma C pārstāvis, intervija, 03.05.2016.
- Valsts sekretāru sanāksmes protokols Nr. 4. (28.01.2016.) Pieejams: <http://tap.mk.gov.lv/mk/vsssanaksmes/saraksts/protokols/?protokols=2016-01-28> (skat. 22.05.2016.).

Work Environment-based Learning Policy Making and Implementation in Latvia

Summary

There is need to make education system closer to labour market. In 2013 the pilot projects of work based learning (WBL) were started in Latvia, to make vocational education closer to the labour market. The main aim of this research was to examine and analyze WBL policy making and implementation process in Latvia. Research clarified factors that contribute and hinder WBL policy making and implementation. Contributing factors include: this policy activation in the level of European Union, a high pilot project implementers' initiative. The hindering factors for the WBL formulation and implementation are: slow progress on regulation, which is a direct result from the large number of stakeholders involved and sometimes their inability to reach an agreement, by remaining at their initial positions, lack of vision and awareness.

Key words: work based learning, apprenticeship, vocational education.

Raksts tapis ar valsts pētījumu programmas EKOSOC-LV 5.2.6. projekta “Sociālo un politisko transformāciju trajektorijas Latvijā pēckrīzes periodā” atbalstu.

*Sławomir Partycki, Agnieszka Drewniak,
Dawid Błaszczak (Poland)*

DYNAMICS OF CROSS-BORDER COOPERATION BETWEEN POLAND AND LATVIA IN SELECTED EXAMPLES

The article is about process which are in network society especially cross-border cooperation between Poland and Latvia. The theoretical part is about network, its facilities, network society and cross-border cooperation concentrated in space. Authors use the theory of the social network of M. Castells, D. Barney, W. Powell.

Key words: network society, cross-border cooperation, ties, flows, transnational territorial networks.

Introduction

Cross-border cooperation takes for the states in recent years very varied forms. One of them, the most popular, is network. In social sciences, this concept appears in the 90s XX century. This concept is for social structure when research intensifies on this type of society. In the literature of the subject is assumed that networks are specific metaphor of reality which is described by such science disciplines as biology, chemistry, physics, economy, management, political science, anthropology, psychology or sociology. Network as metaphor is understood and explained as “Transferring the name of something to another on the basis of analogy” (Kwaśniewski 2008).

Harald Baldersheim i Morten Ogaard identified, for analysis of literature, five basic motifs of creation territorial networks and on this basis five types of networks as some kind of community. This is adequate to understanding cross-border cooperation networks between Poland and Latvia, but also any states, community with which Poland has a policy of cooperation in different sphere of socio-economic life. “Network may be community of: 1) politics – it builds competitive advantage, learning, innovations, marketing and building a brand of territorial units, 2) problems – local government units in networks solve common problems, 3) depending – network is a response to uncertainty of situation of depending on which is result of globalization and regionalization processes; 4) help – network is expression of solidarity of local government units

which are in difficult situation; 5) symbolic – network is created to increase prestige and build brand of unit which is internationally involved.” (Baldersheim, Ogard 2009).

Often, authors relate that functions which are fulfill of the cross-border cooperation networks to actors to whom action is directed. Then, we can speak about internal functions directed on actors who create the networks and outside functions directed to social environment, both domestic and international.

Referring to dynamics of Polish-Latvian relations it should be emphasized that in recent years there was a definite revival on this relations both in area of culture and economy.

Despite the lack of direct border contact both states their cooperation is development and widening the areas of interaction. This is particularly important in network society, where not only territorial networks play a key role in all of policies of this state in relation to the international arena.

Network, network society, cross-border cooperation networks

Therm “network” is often used as a therm which describe regularities in the world. It should be emphasized that this is not unequivocal. Some claim that networks are everywhere (Fronczak 2009). We participate in social contacts networks (family, companies, work, organization). We are surrounded by the distribution network of goods and services and network of financial flows. Physical transport, energy and telecommunications networks create infrastructure that binds society and economy. Transnational corporations transform their inner structure to network (inter-corporation networks) and networks between each oder (inter-company networks) (Dumała 2012).

Simply transfer meaning of network is inadequate, you need to understand like more abstracly like a set of points in the structure of communication. For this structure, from methodological point of view, the key are all types of relationships, connections and dependence. A network which that groups links between different entities, further reinforced by the technique, is a metaphor which organizes rules and penetrates of social and economic life in XXI century (Kelly 2001).

Social network behind the Encyclopedia of Sociology, is every network which creates people, group, community, organization and evey social object (Sławecki 2011). It is so group of actors who are connected by

relational relationships. In social network you can extract two basic type of relation between actors which create character of network – personal networks (interpersonal) and institutional networks (organizational Dumala 2012). Manuel Castells defined networks as a set of interrelated nodes (Castells 2008). However, defining it for social, economic and other reasons it must have been widened to the metaphor described above – more abstractive creation. The basis of creating and identify networks are ties or links between created it objects, which are named nodes of network. Bonding between nodes may be very different forms ad ties may be material or informative.

Without going into the dilemmas about the structural features of the network you can talk about the following indicators of network: centrality it is average minimal distance from node to all other nodes in network, but it isn't physical distance; connectedness is number of relation from every node; integrativeness-level of integration, so it is percentage of node network which are connected and density- ratio actual relationship to potential (Dumala 2012).

W. Powell thinks that networks are strong contrast to economic areas and hierarchical governance structures. Provenience of network forms of organization in society is very different. By Powell network of relation allows a number of activities, among others cooperation which is supported for a long time in a high level of effective. Networks are area to learning and spreading of information, this allows you to quickly transform ideas into concrete actions. Loose network character is the most useful when it has different resources and area of action has high degree of uncertainty. Networks offer highly real profit as a access to hidden knowledge and technological innovations (Powell 1990).

On the basis of metaphor of network we can speak about network society. Creator of term, Manuel Castells, defined them as it has two basic features. One of them is presence in this kind of society networks sophisticated communication technology and management distribution of information which is basic structure of political, social and economic system. The second feature of network society is reproduction and institutionalization of network which are basic forms of social organization and relation across social, political and economics configurations and connects. By Castells network society consists of networks of production, authority and experience sections which create virtual culture, culture of global trends flows which change time and space. In economic area, network society bases on transfer of information. In network society, capital

and goods to a lesser extent has constant territorial border in national state, instead of it flows along the connections. They are between ties which are organized as a network.

In network society authority and helplessness are the function of network access and flows control. By Castells “networks also act as gateways”. Access to these networks is a social phenomenon, but it does not necessarily provide the power of those who have access to technology networks, Castells called capitalist transfer holes inhabited by people who are perceived as irrelevant. As Castells observes in society elementary networks and dominant processes that congregate in power, material goods and intangible goods are organized into a space called the space of flows. At the same time, the immense scope of human experience, including its content, is still embedded in what is local, connected with person.

In relation to territorial networks Marek Furmankiewicz uses two basic criteria: location near the state border and number of actors who create network (Furmankiewicz 2012). As a result of crossing different elements author specifies: international bilateral networks, international multilateral networks, national bilateral networks and national multilateral networks. Also introducing distance criterion, M. Furmankiewicz specifies: in international bilateral networks-divided cities, frontier units and international relations; in national bilateral networks-neighborhood units and long distance relationships; in international multilateral networks- euroregions, international cooperation of territorial associations and spatially distributed international organizations; in national multilateral networks – cities divided by administration, other territorial relations, national associations, national associations spatially dispersed and national cooperation of territorial associations.

European border and cross-border Regions Card determines that cross-border cooperation is adjoining neighboring regions and foreign-regional and local authorities, organizations or institutions representing border areas. It is emphasized that cross-border cooperation refers not only to local or regional authorities, but also to joint initiatives by enterprises, organizations and residents (European Card of border and cross-border regions). Cross-border cooperation is a special case of international co-operation, whose characteristic features are the proximity of contacts and the local or regional level of cooperation. It is not a foreign policy of the state and does not jeopardize its territorial integrity.

The above concepts for defining and classifying cross-border cooperation networks are a broad spectrum of examples which show practical

possibilities to use the network category to describe social reality, especially international, which is Braided with large amounts of dense and extensive connections and flows, designing the specific and direction of social development in its various dimensions.

Analysis of cross-border cooperation between Poland and Latvia – in example of transnational territorial networks compact in space

Presented in the article analysis has relational character and refers to cross-border cooperation networks between Poland and Latvia, and more specifically, to participation this states in transnational territorial networks compact in space (hereinafter referred to as TST zp.). In literature of the subject we can read that , “Transnational territorial networks compact in space (...) are created by sub-state territorial units adjoining the state border” (Dumala 2012). Their elemental feature is the network of organizations and structures, going beyond the traditional boundaries of nation states. It consists of connected ties and their content, positions in networks and organizations (Opilowska 2014).

Conception of transnationality gains momentum when, as Steven Vertovec writes, there is a common interest in economic, social and political connections that crosses national boundaries and entangles the world connected people, places and institutions (Vertovec 2012).

The driving force of the observed changes is, getting stronger and meaning, globalization and europeization, which opens the door to new research perspectives, for example dynamic border capter, postulated by sociologists from Queens University in Belfast. Networking perspective of science is the answer Trends observed for some time in social sciences, from which special attention returns Zbigniew Kurcz. By this author “Borders and its consequences (...) lose for functional and structural analysis reaching out to other categories and processes, which does not change the fact that borders are accompanied by the continuation of real bondage and its transformation” (Kurcz 2014).

Presented article is an attempt to capture the dynamics of cross-border connections between Poland and Latvia. The analysis was subjected 23 transnational territorial networks compact in space, in which are 16 states from Europe. Individual networks count from 2 to 10 actors, which are named network nodes, in this case, countries that create cross-border networks. In analysis authors concentrated on institutional ties (formal), based on data collected and developed by Hanna Dumala. Relations like

interactions, it is participation in this network, entered into the matrix of links, coding them using numbers, where 0 is “lack of cooperation”, 1 – being in one network, 2 – being in two networks, 3,4,5 and more – participation in three or more transnational territorial networks compact in space. Data have been developed by programs Ucinet and NetDraw, with which network visualizations were made. The border of analysis network structure was based on a nominalist approach in which analyst defines the criterion of participation in the network, based on it selects the actors and observes the relationship between them. The selection of research equipment is a response to the contemporary need for modeling social reality, based on numbers, effectively mapping its dynamics. “Numbers and connected with them computer arithmetic becomes the key to understanding today’s various phenomena (...) In our eyes we are dealing with a new way of looking at the world, but also in the pursuit of science (Partycki 2016).

Characteristics network relations calculated by elementary network indicators:

- numbers of components- unlinked fragments of network;
- numbers of cohesive groups, from its basically is “klik”, so Layout of at least three nodes, connected everyone with everyone;
- numbers and location intersection points and bridges, so ties and relations have significant importance from the structural and functional point of view of the network. Removing bridges or points cutoff may cause the network to break up, depriving its actors of access to key resources or other actors present in the structure.
- degree of nodes, it is numbers of actor connection, so his contacts in network, both incoming and outgoing. The degree of node is the measure of the significance of the node in network, its authority in structure, including, but not limited to, the ability to control network activity and exert influence to nodes in network
- network density is number all actual connections in network divided by numbers of all potential connections. Density has maximum value when are connections between all nodes in network. The Density measure expresses the consistency of the network. In situation when strong and dense relations are in subsets (micronetworks) we can speak about “local density” especially characteristic for cohesive groups such as cliques.

On the canvas of the presented visualization and analyzes, attention should be paid to several important features that characterize the structure of cross-border cooperation networks between Poland and Latvia. First, structure of Poland cooperation is expanded and more dynamic than structure of Latvia cooperation. Polish borders are in 23 transnational networks, provide access to the resources and contacts of sub-national territorial units located in 15 other countries (fig. 2). Latvia borders participate in 5 transnational networks provide access to the resources and contacts of sub-national territorial units located in 10 countries. (fig. 1) in presented transnational territorial networks compact in space the layout with the largest number of links is Baltic Sea States Subregional Cooperation (BSSSC) connected 10 countries (fig. 3).

The analysis also results that strongly biublded structures are Euroregions which are dominant networks, distributed in Europe, including countries described in this article (fig. 1–3). In the most elaborate Euroregions in border Poland and Latvia are Euroregion Baltic and Carpathion (connected 5 subregion units). Then they are among others Euroregion Niemen and Sesupe (locked in borders of 4 countries) and Bug, Beskidy, Nysa and Pomerania (created by subregional units from 3 countries – look fig. 2). In Latvia besides of Baltic Sea States Subregional Cooperation, structures composed on 3 nodes are: Euroregio Pskov-Livonia, Euroregionas Saule oraz Euroregion Country of Lakes (fig. 1). Describing the presented structures, attention should be paid to the nodes that border the states connected directly with Poland and Latvia, for example Euroregion Baltic, Szeszupa, Niemen oraz Pomerania (look fig. 3).

An important element of cooperation is presentation dynamic of it, measured by the participation of states in common cross-border networks. From analysis shows that the most numbers of incoming and outcoming relations characterized: border of Poland. Latvia, Lithuania, Estonia, Germany, Russia and Scandinavian countries (fig. 4). Taking into account the strength of the relationship measured by the borderland participation in common transnational structure of network, in case of Poland, it is necessary to emphasize the strength of the relations between Polish-German, Polish-Czech and Polish-Russian (fig. 5) so nearly neighbors of Poland. Similarly, in case of Latvia, regions the most connected (active) are in border Latvia-Russia and Latvia-Lithuania (fig. 5).

Within the analyzed area were no network fragments that were not connected to each other, the components and cliks that were connected to each other on a peer-to-peer basis. Looking at the presented cooperation

border networks Poland and Latvia (fig. 4–5), be sure that especially a large numbers of relation is with Russia and countries which are in EU (the large number of incoming and outgoing nodes – degree of node).

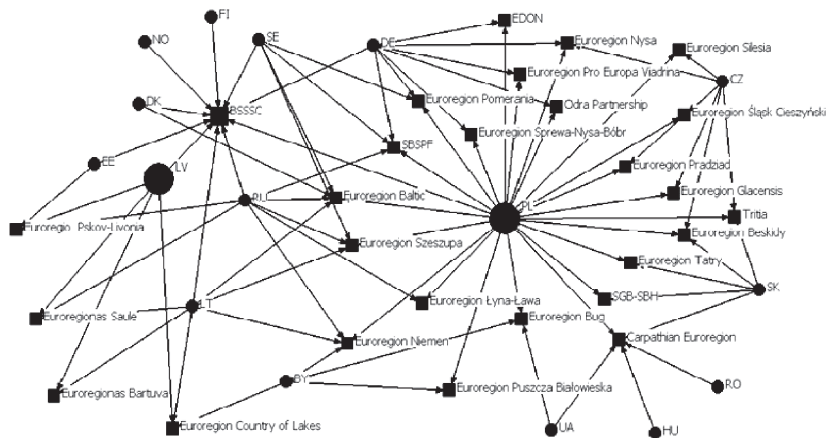

Figure 3. Polish and Latvian in transnational territorial networks compact in Europe

Source: *own elaboration*

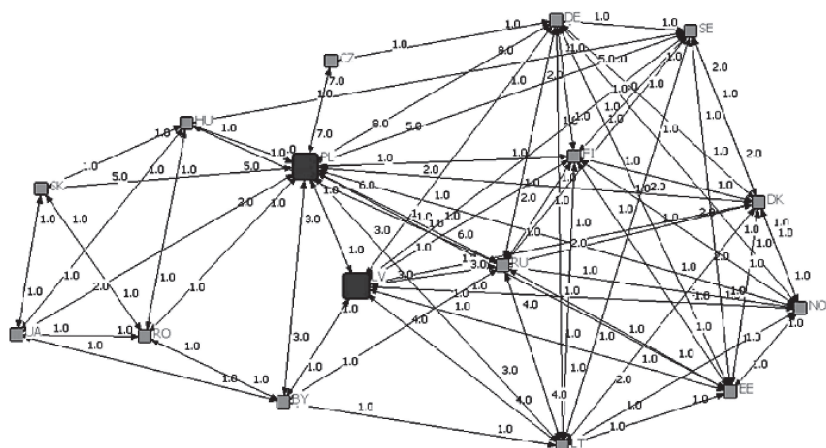

Figure 4. Dynamic cooperation border of Poland and Latvia in transnational territorial networks, n =the numbers of common networks

Source: *own elaboration*

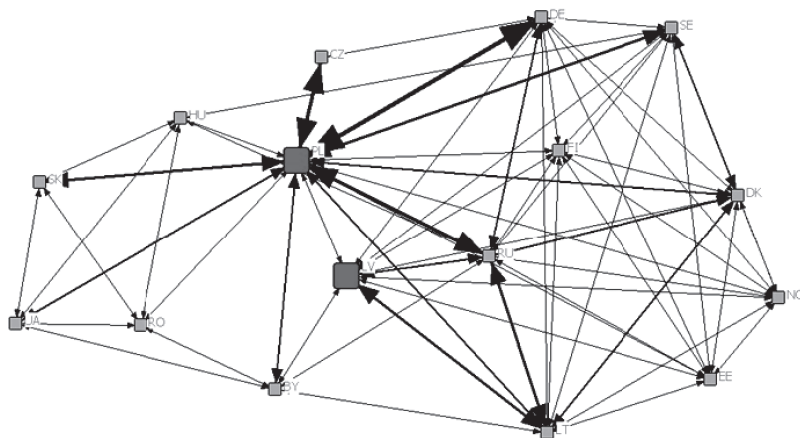

Figure 5. Dynamic cooperation border of Poland and Latvia in transnational territorial networks- strong nodes

Source: own elaboration

Conclusion

The intensifying and yet overlapping processes of globalization, europealization and regionalization have redefined the traditionally defined spatial arrangements with clearly defined territorial boundaries. The consequence of the aforementioned processes is a redevelopment involving on the one hand redistribution of tasks performed by the state, from the other side, organization of socio-territorial space complemented by cross-country sub-territorial units. The world becomes a mosaic of multi-level and multi-entity relationships, in which except states, are regions, cities, municipalities and other territorial units connected network of dependencies and relationships.

Presented, in this article, dynamics cooperation between Poland and Latvia, is an example of this mosaic, constructed on the borders of the mentioned countries which realised policy of transnational cooperation. Its foundations seem to be three, overlapping, penetrating processes: networking, opening and depending. First is effect of a lot of connection and relation, which are between nodes of network, in this case interested parties and involved in transnational cooperation. Second, it grows ion relation unit-external environment and is a response to the modern world guided by the principles of interdependence, cooperation, exchange.

Third, manifested by permanent change resulting from time and place. Network structure, in depending on environment conditions and time and place, can accept various shape and size, this makes it a structure resistant to a number of repercussions.

Summarizing, we also want to pay attention to, present in article, network element. The implication for this article of the logic of thinking and reasoning is that it facilitates the understanding of processes and phenomena characteristic for modern model of society, economy and policy created by network. Reaching the network paradigm allows a holistic approach to the problem, giving you the opportunity to find innovative solutions that can be translated into reality. The network is everywhere and modern society must function on the basis of its logic. Cross-border cooperation between Poland and Latvia in transnational territorial networks compact in space can respect this regularity of function of modern society.

Bibliography

- Baldersheim H., Ogard M. (2009) Capacity-building in Nordic regions and cities through gross-institutional and cross-border co-operation. Learnig ecologies, [w:] *The rise of the networking region: The challenges of the regional collaboration in globalized world*, H. Baldersheim, A.V. Haugh, M. Ogard (red.), Nordregio. p. 52.
- Barney D. (2008) *Spoleczeństwo sieci*, Warszawa. (In Polish)
- Beck U. (2004) *Spoleczeństwo ryzyka. W drodze do innej nowoczesności*, Warszawa. (In Polish)
- Bendyk E. (2004) *Antymatrix. Człowiek w labiryncie sieci*, Warszawa. (In Polish)
- Castells M. (2008) *Spoleczeństwo sieci*, Warszawa. (In Polish)
- Castells M. (2009) *Koniec Tysiąclecia*, Warszawa. (In Polish)
- Castells M. (2013) *Władza komunikacji*, Warszawa. (In Polish)
- Dumała H. (2012) *Transnarodowe sieci terytorialne w Europie*, wyd. UMCS, Lublin. (In Polish)
- Europejska Karta Regionów Granicznych i Transgranicznych uchwalono po raz pierwszy w dniu 20 listopada 1981 r. w Euroregionie EUREGIO na pograniczu Niemiec i Holandii, a następnie w zmienionej postaci w dniu 1 grudnia 1995 r. w Szczecinie, w Euroregionie Pomerania, na pograniczu Polski i Niemiec. (In Polish)
- Fronczak A., Fronczak P. (2009) *Świat sieci złożonych. Od fizyki do Internetu*, Warszawa. (In Polish)
- Furmankiewicz M. (2012) *Funkcjonalno-przestrzenne sieci współpracy samorządów lokalnych*, Studia Regionalne i Lokalne, nr 1. (In Polish)

- Kelly K. (2001) *Nowe reguły nowej gospodarki. Dziesięć przełomowych strategii dla świata połączonego siecią*, WIG-Press, Warszawa. (In Polish)
- Kurcz Z. (2014) Europeizacja i nacjonalizacja pograniczy, [w:] Z. Kurcz (red.), *Polskie pogranicza w procesie przemian*, t. III, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław. (In Polish)
- Kwaśniewski W. (2008) Metafory i analogie w modelowaniu procesów gospodarczych, [w:] *Metody symulacyjne w badaniu organizacji i dydaktyce menedżerskiej*, (red.), Balcerek A., Kwaśnicki W., Politechnika Wroclawska, Wrocław. (In Polish)
- Leonard M. (1999) *Europa odkryta na nowo*, Warszawa. (In Polish)
- Opiłowska E. (2014) Transnarodowość jako paradygmat badawczy w studiach nad pograniczem. Przyczynek do debaty, [w:] Z. Kurcz (red.), *Polskie pogranicza w procesie przemian*, tom. 3, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław. (In Polish)
- Partycki S. (2016) Matematyczne symptomy społeczeństwa sieci, [w:] A. Betlej, S. Partycki, M. J. Parzyszek (red.), *Organizacja społeczna w strukturach sieci. Doświadczenia i perspektywy rozwoju w Europie Środkowej i Wschodniej*, Wydawnictwo KUL, Lublin. (In Polish)
- Powell W. (1990) Neither Market Nor Hierarchy: Network Forms of Organization. *Research in Organizational Behavior*, vol. 12, CT: JAI Press, Greenwich.
- Sławecki B. (2011) *Zatrudnianie po znajomości. Kapitał społeczny na rynku pracy*, C.H. Beck, Warszawa. (In Polish)
- Vertovec S. (2012) *Transnarodowość*, Kraków. (In Polish)

Динамика трансграничного сотрудничества между Польшей и Латвией на отдельных примерах

Резюме

В статье идет речь о процессе, происходящем в сетевом обществе, особенно приграничном сотрудничестве между Польшей и Латвией. Теоретическая часть касается сети, ее объектов, сетевого общества и трансграничного сотрудничества. Авторы используют теорию социальной сети М. Кастеллса, Д. Барни, В. Пауэлла.

Ключевые слова: сетевое общество, приграничное сотрудничество, связи, потоки, транснациональные территориальные сети.

SOCIAL INVESTMENT IN HIGHER EDUCATION – CASE OF LATVIA

Nowadays higher education is facing a number of challenges, including higher education policy **inconsistencies with the labor market requirements**, that causes professional and highly-skilled labor shortages, especially for people with a technology oriented higher education. The aim of this paper is to explore social investment in higher education in Latvia, thereby to understand in which areas investment should be improved to increase percentage of persons with higher education in connection with the labor market requirements. To achieve goal of this research analysis of policy documents was performed, student's survey was conducted, as well as historical data analysis of Vidzeme University of Applied Sciences in period from 2008 to 2015. To get a wider prospect, Latvian situation was compared with EU average figures and neighboring countries.

Results show that Latvia has good results in investment in education in general. When it comes to higher education, even in years not affected by economic crises, social investment has been rather low. It shows that investment in education levels are disproportionate and increase of investment is needed in higher education, especially in education quality indicator lifting and marketing activities. According to case study results, this is one of the ways how to improve student graduation perspectives for IT students.

Key words: social investment, Baltic States, higher education, student graduation rate, higher education commodification.

Every year number of students in higher education institutions (hereafter – HEIs) decreases. Statistic data indicate that in Latvia in academic year 2015/ 2016 in public and private universities and colleges together studied 84,282 students – 428 students per 10,000 population, while in 2009/2010 there were 492 students per 10,000 population (Reima 2016) (Ministry of Economics... 2015). At the same time, Latvian HEIs have high student dropout rates. According to data provided by the Ministry of Education, 14.2% (2004/2005 academic year) to 16.2% (2007/2008 academic year) of full-time students at state universities as a percentage of the total number of students are suspended. But previous studies shows that studies are more often interrupted in exact science programs and most of students in these programs drop out of studies during first year of studies (Šmitiņa 2011). The average student dropout rate for computer

science students in Europe is around 19%. In Baltic states these rates are even bigger – 32.2% of the IT students in Estonia dropped out during the first study-year (Kori and others 2015), while in Latvia in 2015/2016 academic year it was 27,39% of full time student together, see attachment Nr. 1 (Reima 2016). Moreover, although Latvian state financial support is focusing in particular to support students who are studying in programs that are especially needed in labor market, such as IT, there are still **inconsistencies with the labor market requirements**. For example, in academic year 2015/2016 in RTU Information technologies program there were 34,99% expelled students as a percentage of the total number of students, while in Vidzeme University of Applied Sciences (hereafter – ViA) – 28,72% (Reima 2016).

Social investment policies are designed to strengthen people's skills and capacities and support them to participate fully in employment and social life. The key policy areas are quality childcare, healthcare, training, job – search assistance and rehabilitation, but education plays central role in social investment strategy. (European Commission) Referring to A. Giddens it is the central force that strengthens economic and civil cohesion. In this view, social and educational policies are interdependent. The level of education therefore is very important, especially due to demographic development in many countries, leading to a population decline that cannot provide the required number of well- educated people, as long as the proportion of highly educated people is not growing (Morel, Palies, Joakim 2012). Global labor market has growing demand for highly skilled labor, especially for people with a technology-oriented higher education (hereafter – HE), like IT specialists. Forecasts indicate that in the medium to long term, the developing world economy will face a professional and highly-skilled labor shortages – 2020 highly skilled labor will be about 10% lower than the demand (Ministry of Economics... 2015). That is why it is important to find ways to improve graduation perspectives of students that have already started studies in Latvian universities, especially in programs that are more demanded in the labor market.

Importance of investment in education is emphasized in both – state and EU level planning documents like Bologna declaration (Toots, Kalev 2016), Europe 2020 strategy (European Commission, EACEA, Eurydice 2013), Sustainable Development Strategy of Latvia until 2030 (Saeima of the republic of Latvia 2010) and European Commission recommendation for Latvia in field of higher education in period from 2009 until 2015. As we can see in table Nr. 1 it mostly recommends stimulate quality,

strengthen the market needs of and links with research institutions, as well as prevent fragmentation of budget resources. Question about reforms in higher education became particularly actual at a time when minister of education and science was Roberts Kīlis (October 25, 2011 – April 30, 2013). He proposed an ambitious reform that faced great resistance. Suggestions included the education policy should be adjusted to labor market requirements, by progressive taxation introduction (Lielbārde 2013).

Table 1.
European Commission recommendations for Latvia 2012–2015

Year	Citation
2012	Continue the reform of HE, including the introduction of a new financing model that would stimulate quality, strengthen the market needs of and links with research institutions and prevent fragmentation of budget resources.
2013	The implementation of planned reforms in HE, particularly in respect of a financing model for stimulating quality, accreditation system reform, institutional consolidation and internationalization promotion.
2014	Accelerate HE reforms, particularly the creation of an independent accreditation agency and a funding model that stimulates quality.
2015	Ensure that the new system of HE financing model stimulating quality.

Source: *European Commission 2012, 2013, 2014; 2. European Commission, 2015*

Since 2007 Latvia's general government expenditure on all levels of education together is well above the EU average and higher or on the same level as in neighbor countries. However expenditures on HE investment are relatively low. Latvia had the highest percentage of GDP spent on levels of education until 2008 (including), after it has decreased from 5,71% (Estonia – 5,61, Lithuania – 4,88, EU28 – 5,04%) to 4,96 % in 2011 (Estonia – 5,16, Lithuania – 5,17, EU28 – 5,25%). Since 2010 there has been decrease in expenditure on education in Lithuania and Estonia as well generated by economic crises. However in 2014 percent of GDP has increased to 5,7% in Latvia as well as in neighbor countries (Estonia – 6%, Lithuania – 5,6%, EU28 – 5%). As data shows economic crises has had an impact on HE investment in Latvia as well, if in 2008 0,99% of GDP was spent on HE, than in 2010 the number decreased to 0,79%, and even in 2013 figures are still very low – 0,66%. The lowest percent of GDP for HE has been spent in Latvia – only in 2011 it reached

1% of GDP (1,01%), while rate of expenditures in 2011 was 1,47% in Lithuania and 1,29% in Estonia, see table Nr. 2. (Knoema, home page)

Lack of social investment in HE has impact on EU HE target accomplishments that are connected with employment, as mentioned before. For example, share of employed graduates (20–34 year-olds) having left education and training no more than three years before the reference year should be at least 82%, but as statistic data shows, no one of Baltic states have reached this benchmark until 2014. Latvia has the lowest employment rate – 77% (Estonia – 81% and Lithuania – 80,7%), although all of Baltic countries shows higher results than EU average rate – 76%. (1. Eurostat)

Table 2.
Total public expenditures on all levels of education and on HE as % of GDP in Baltic States and EU-28

Year	EU28	EU28 (HE)	LV	LV (HE)	LT	LT (HE)	EST	EST (HE)
2007	4,92	1,11	5,07	0,94	4,64	1,01	4,72	1,04
2008	5,04	1,14	5,71	0,99	4,88	1,03	5,61	1,12
2009	5,38	1,21	5,59	0,78	5,64	1,14	6,03	1,33
2010	5,41	1,25	4,96	0,79	5,36	1,26	5,66	1,23
2011	5,25	1,27	4,96	1,01	5,17	1,47	5,16	1,29
2014	5	1,29	5,70	0,66	5,6	1,34	6	1,39
		(2013)		(2013)		(2013)		(2013)

Source: Knoema, home page, 2. Eurostat

Social investment in higher education in Latvia is the lowest, both, compared with EU average rates and neighbor countries. World Bank report in 2014 noted that the Latvian education system so far is underfunded in comparison with other European countries and its education system does not provide significant motivation to strive for better results (State Education Development Agency 2014).

Currently HEI are transitioning to the new funding model that will be based on three pillars. In short the first pillar will be linked to the financing of studies, second pillar will fund student and teacher mobility, research results and international publicity, but the third intends to award nationally significant projects, such as centers of excellence in research initiatives etc. (Studente 2015).

To understand what are the main reasons for students drop out and where social investment should be improved to increase graduated persons

rate, case study was carried out in ViA by analyzing study motivation. Student's survey showed that most important reasons for students in choosing of a program are: potential job opportunities, interest in the sector, financial factor, quality of studies, program's reputation, desire to try the studies program and school lessons background. However, when these results were compared to ViA historical data in period from 2008 until 2015 about actual expelled student rates, factors, that positively affected graduating perspectives were little bit different. Factors, that correlated negatively with number of expelled students were number of available labor market vacancies (-0,98), program graduate employment rate (-0.79), scientific publications coefficient per academic staff (-0,71) and academic staff mobility rate (-0.72). While there was positive correlation with number of graduated students in factors as availability of state financed study place (0,54), as well as number of scholarships per student (0,76) (Reima 2016).

Background knowledge (secondary school grades in the study subjects that are connected with study program) was important for students in choice of study course, but when historical data were analyzed, higher results in entrance examinations correlated positively with student's early school leaving (0,933). It shows that there could be a problem in the transition from secondary education to higher education or high school does not sufficiently prepare potential students for studies at universities, but this question asks for more research. See attachment Nr. 2.

Study results shows that to improve higher education graduate percentage increased social investment is needed in study quality improvement through increase in academic staff mobility, involvement in scientific and research activities etc. and marketing activities. When it comes to financial factors, Latvian HE level support for students who study IT is quite high already, about 75,49% of students study in the state financed study places (Reima 2016). Although when we look at the situation in Latvia together, HE is more commodified than, for example in Estonia. In academic year 2015/2016 20656 students or 24,5% of all students were in private institutions studies. One third or 33,33% of HEI's are private in Latvia. In Estonia since 2012/2013 academic year higher education is free of charge for those studying full-time (Estonian Minister of Education and Research).

We can conclude that social investment in education is rather high in Latvia in comparison with other Baltic States and EU average rates, but when it comes to higher education Latvia shows lower results than Estonia

and Lithuania and EU average. Economic crises influenced state investment in education in general and in higher education in particular. Results of this research shows that new financing model for HEIs will have a positive impact on students graduating perspective, since second pillar includes support to study program quality indicator lifting.

Bibliogrāfija

- European Commission (2015) *Education and Training Monitor 2015 Latvia*. Available: http://ec.europa.eu/education/tools/docs/2015/monitor2015-latvia_en.pdf (accessed on: 05.05.2016)
- Eurostat. *Employment rates of recent graduates (aged 20–34) not in education and training, 2014* Available: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Employment_rates_of_recent_graduates (accessed on: 03.09.2016)
- European Commission (2015) *Recommendation for a COUNCIL RECOMMENDATION on the 2015 National Reform Programme* Available: http://ec.europa.eu/europe2020/pdf/csr2015/csr2015_lithuania_en.pdf (accessed on: 05.01.2016)
- Eurostat. *Total public expenditure on education by education level and programme orientation – as % of GDP*. Available: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=educ_uoe_fine06&lang=en (accessed on: 05.01.2016)
- European Commission (2014) *Recommendation for a COUNCIL RECOMMENDATION on the 2014 National Reform Programme*. Available: http://ec.europa.eu/europe2020/pdf/csr2014/csr2014_latvia_en.pdf (accessed on: 05.05.2016)
- European Commission (2013) *Recommendation for a COUNCIL RECOMMENDATION on the 2013 National Reform Programme*. Available: http://ec.europa.eu/europe2020/pdf/nd/csr2013_latvia_en.pdf (accessed on: 05.01.2016)
- European Commission (2012) *Recommendation for a COUNCIL RECOMMENDATION on the 2012 National Reform Programme*. Available: http://ec.europa.eu/europe2020/pdf/nd/csr2012_latvia_en.pdf (accessed on: 05.01.2016)
- European Commission, EACEA, Eurydice. (2013). *Education and Training in Europe 2020: Responses*. Available: http://www.azoo.hr/images/razno/Education_and_Training_in_Europe_2020.pdf (accessed on: 05.01.2016)
- European Commission, *Social investment*. Available: <http://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1044> (accessed on: 03.09.2016)
- Knoema, home page, *Expenditure on education as % of GDP or public expenditure* Available: http://knoema.com/educ_figdp/expenditure-on-education-as-of-gdp-or-public-expenditure?geo=1022050-finland&action=download (retrieved 10.10.2015)

- Kori K., et. al. (2015) *First-year dropout in ICT studies*. Available: https://sisu.ut.ee/sites/default/files/ict/files/contribution1140_b.pdf (accessed on: 10.09.2016)
- Lielbārde Z. (2013) *Reformu nepieciešamības augstākajā izglītībā pamatojums IZM Informatīvajā ziņojumā*. (In Latvian) Available: <http://www.lvportals.lv/print.php?id=253254> (accessed on: 05.01.2016)
- Estonian Minister of Education and Research, *Higher education*. Available: <https://www.hm.ee/en/activities/higher-education> (accessed on: 10.09.2016)
- Ministry of Economics (2015) *Informatīvais ziņojums par darba tirgus vidēja un ilgtermiņa prognozi*. (In Latvian) Available: https://www.em.gov.lv/lv/nozares_politika/tautsaimniecibas_attistiba/informativais_zinojums_par_darba_tirgus_vidēja_un_ilgtermiņa_prognozēm/ (accessed on: 10.10.2015)
- Morel N., Palies B., Palme J. (2012) *Towards a Social Investment Welfare State? Ideas, policies and challenges*, Great Britain, Policy Press.
- Reima K. (2016) *IT programmu studentu studiju perspektīvu modelēšana: Vidzemes Augstskolas gadījums/ Modelling Information Technology students graduating perspectives – case of Vidzeme University of Applied Sciences*, Vidzeme University of Applied Sciences. Master thesis, pp. 117 (In Latvian)
- Saeima of the republic of Latvia (2010) *Sustainable Development Strategy of Latvia until 2030* (In Latvian) Available: http://www.cbs.nl/NR/rdonlyres/B7A5865F-0D1B-42AE-A838-FBA4CA31674D/0/Latvia_2010.pdf (accessed on: 03.09.2016)
- Šmitiņa A. (2011) *Studentu atbalsta pilnveidošanas iespējas studiju pārtraukšanas samazināšanai Latvijas augstākās izglītības iestādēs / Improving Student Support to Reduce the Dropout Rate from Studies in Higher Education Institutions in Latvia/* (In Latvian) Available: http://dspace.lu.lv/dspace/bitstream/handle/7/5091/20165Agita_Smitina_2011.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed on: 12.09.2015)
- State Education Development Agency (2014) *Pasaules Bankas pētījums jauna augstākās izglītības finansēšanas modeļa ieviešanai*. (In Latvian) Available: http://www.viaa.gov.lv/lat/viaa/petijums_ai_finansesana/ (accessed on: 10.10.2015)
- Studente L. (2015) *Jaunais augstskolu finansēšanas modelis attīstīs pētniecību*. (In Latvian) Available: <http://m.lvportals.lv/visi/skaidrojumi?id=273094> (accessed on: 12.09.2015)
- Toots A., Kālev L. (2016) *Governing in the shadow of Bologna: return of the state in higher education quality assurance policy*. Eurydice Report. Brussels: Eurydice. Int. J. Public Policy, pp. 54–70.

Sociālās investīcijas augstākajā izglītībā – Latvijas piemērs

Kopsavilkums

Augstākā izglītība Latvijā mūsdienās saskaras ar vairākiem izaicinājumiem, tai skaitā ar izglītības politikas un darba tirgus prasību nesaskaņotību, kas izraisa augsti kvalificēta darbaspēka trūkumu, īpaši cilvēku ar tehnoloģijās orientētu augstāko izglītību. Pētījuma mērķis – izpētīt sociālās investīcijas augstākajā izglītībā Latvijā, lai saprastu, kur jāpalielina investīcijas augsti kvalificēta darbaspēka sagatavošanai. Lai sasniegtu pētījuma mērķi, tika veikta politikas dokumentu analīze, Vidzemes Augstskolas studentu aptauja un vēsturisko datu analīze laika posmam no 2008. līdz 2015. gadam. Lai iegūtu plašāku skatījumu uz situāciju, Latvijas gadījums ir salīdzināts ar ES vidējiem rādītājiem un kaimiņvalstu situāciju augstākās izglītības investīciju jomā.

Pētījuma rezultāti liecina, ka Latvijai ir labi rezultāti investīciju rādītājos izglītībā kopumā, tomēr investīcijas augstākajā izglītībā, pat krīzes neskartajos gados, ir bijušas visai zemas. Tas liecina par neproporcionālu izglītības finansēšanas modeli. Sociālās investīcijas būtu jāpalielina, īpaši koncentrējoties uz augstākās izglītības kvalitātes rādītājiem un marketinga aktivitātēm. Pamatojoties uz gadījuma analīzes rezultātiem, autore secina, ka tas ir viens no veidiem, kā varētu uzlabot IT studentu absolvēšanas perspektīvas.

Atslēgas vārdi: sociālās investīcijas, Baltijas valstis, augstākā izglītība, studentu absolvēšanas rādītāji, augstākās izglītības komodifikācija.

Attachment Nr. 1

2015/ 2016 academic year		
	Proportion of students studying in state financed places as a percentage of the total number of students	Drop out students as a percentage of the total number of students
Information technology, hardware, electronics, telecommunications, computer and computer science	75,49	27,39
Information and communication sciences	23,82	23,21
Jurisprudence	15,93	20,05

Source: *Reima 2016*

Correlations

		Graduates	Drop out students	Enrollment examination results
Graduates	Pearson Correlation	1	-.746*	-.794
	Sig. (2-tailed)		.034	.206
	N	8	8	4
Drop out students	Pearson Correlation	-.746*	1	.933
	Sig. (2-tailed)	.034		.067
	N	8	8	4
Enrolment examination results	Pearson Correlation	-.794	.933	1
	Sig. (2-tailed)	.206	.067	
	N	4	4	4

*. Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed).

Source: Reima 2016

ĀRĒJĀ MIGRĀCIJA – PROBLĒMAS UN RISINĀJUMI LATVIJAS KONTEKSTĀ

Mūsdienās ārējā un iekšējā migrācija Latvijā ir ļoti aktuāla. Latvijas iedzīvotāji meklē labākas darba un mācību iespējas, augstāku atalgojumu, nodrošinātas sociālās garantijas un kvalitatīvākus dzīves apstākļus. Saskaņā ar Z. Krišjānes un A. Baula viedokli, mobilitāte ir vairāk raksturīga jaunākiem iedzīvotājiem un indivīdu grupām ar labākām prasmēm un izglītību. Jauni cilvēki vairāk izceļo no valsts (Krišjāne, Bauls 2007). Tāpēc pētījuma mērķis bija noskaidrot jauniešu – Rīgas Tehniskās universitātes (RTU) studentu viedokli saistībā ar ārējās migrācijas problēmām un risinājumiem Latvijas kontekstā. Pētījuma galvenie uzdevumi bija pētīt ārējo migrāciju Latvijas kontekstā, noskaidrojot tās cēloņus un izstrādājot priekšlikumus migrācijas mazināšanai. Pētījuma svarīgākie secinājumi:

- 1) mūsdienās ārējās migrācijas jautājums ir aktuāls un ļoti svarīgs katras valsts politikas, ekonomikas un sociālās dzīves sastāvdaļa,
- 2) nozīmīgākie iedzīvotāju ārējās migrācijas cēloņi ir augstākas dzīves kvalitātes nodrošinājums ārvalstīs – labākas darba, sociālo garantiju, kā arī mācību iespējas,
- 3) valsts ekonomiskā un politiskā stabilitāte, iedzīvotāju drošība par nākotni un dzīves līmeņa paaugstināšana ir svarīgākie priekšnoteikumi ārējās migrācijas mazināšanai.

Atslēgas vārdi: ārējā migrācija, ārējās migrācijas cēloņi, priekšlikumi ārējās migrācijas samazināšanai.

Ievads

Migrācija jeb iedzīvotāju pārvietošanās nekad nav bijusi tik plaša un daudzveidīga kā mūsdienās, arī tās iemesli un cēloņi ir visdažādākie – ekonomiskie, sociālie, politiskie. Latvijā norisinās gan iekšējā migrācija – iedzīvotāju pārvietošanās no dažādiem Latvijas reģioniem uz citiem un, galvenokārt, uz galvaspilsētu Rīgu, gan arī ārējā migrācija – iedzīvotāju izceļošana no valsts. Līdzīgi kā citām Austrumeiropas valstīm, Latvijai vairāk raksturīga iedzīvotāju izceļošana ārpus valsts robežām. Saskaņā ar Vides aizsardzības un reģionālās attīstības ministrijas (VARAM) 2014. gadā veiktā pētījuma “Publisko individuālo pakalpojumu klāsta izvērtējums atbilstoši apdzīvojumam” sniegto informāciju, ārējās ilgtermiņa migrācijas rezultātā laika posmā no 2000. līdz 2014. gadam Latvija

ir zaudējusi 236 tūkstošus iedzīvotāju. Latvijas iedzīvotāju skaits turpinās samazināties, un līdz 2030. gadam tas būs samazinājies par 19,2 % salīdzinājumā ar 2013. gadu (Vides aizsardzības... 2014).

Savukārt M. Hazans savā 2015. gadā veiktajā pētījumā “Emigrācija no Latvijas 21. gadsimtā reģionu, pilsētu un novadu griezumā” secina, ka ārējās migrācijas rezultātā no 2000.–2014. gadam visvairāk iedzīvotāju ir zaudējušas Rīga un citas republikas pilsētas, salīdzinot ar mazpilsētām un laukiem. Tādējādi, emigrācija no laukiem bijusi mazāk intensīva nekā no pilsētām. Analizējot situāciju Latvijas pilsētās, iedzīvotāju izbraukšana no valsts intensīvāka bijusi Zemgales, Latgales un Vidzemes pilsētās, salīdzinot ar Pierīgu, Kurzemi un Rīgu. Tomēr nepieciešams uzsvērt, ka pastāv arī netiešais ārējās migrācijas efekts uz lauku depopulāciju, jo migrācija no laukiem uz pilsētām (t.sk. studiju nolūkā) bieži ir starpposms ceļā uz ārzemēm (Hazans 2015).

G. Kļava un K. Motivāne pauž viedokli, ka esošās migrācijas tendences liecina par to, ka starptautiskā migrācija ir kļuvusi par globālu fenomenu un vienu no 21. gs. raksturojošām iezīmēm, ko nevar ignorēt (Kļava, Motivāne 2007). J. Valdmanis uzskata, ka galvenā motivācija izceļošanai ārpus valsts, kurā cilvēks ir dzimis, ir ekonomiska rakstura apsvērumi, proti, dzīves līmeņa atšķirības dažādās valstīs, darba tirgus sakārtotības pakāpe, sociālo garantiju līmenis un atšķirības atalgojumā (Valdmanis 2009).

Pētījumā analizēts jauniešu – Rīgas Tehniskās universitātes (turpmāk RTU) studentu viedoklis ārējās migrācijas jautājumos Latvijas kontekstā. Pētījuma bāzi veido 101 RTU dažādu fakultāšu un studiju gadu studenti (78 latvieši, 23 krievu valodā runājošie studenti). Eseja “Ārējā migrācija – problēmas un risinājumi Latvijas kontekstā” tika organizēta 2015./2016. studiju gada 2. semestrī. Pētījuma dati tika analizēti, izmantojot kontentanalīzi. Saskaņā ar teorētiskās literatūras atziņām (Geske, Grīnfelds 2006) kontentanalīze tika veikta šādā secībā:

- 1) stāstījuma tekstā izdalīti atsevišķu respondentu apgalvojumi, kuri raksturo un/vai interpretē viņu pieredzi,
- 2) respondentu apgalvojumi, kas pauž līdzīgas idejas, apvienoti plašākos jēdzienos.

Pētījuma rezultāti apkopoti rakstā.

Ārējās migrācijas cēloņu analīze Latvijas kontekstā

G. Kļava un K. Motivāne pauž viedokli, ka migrāciju izraisa dažādi cēloņi. Iedzīvotāju pārceļošanu jau vēsturiski veicinājusi gan jaunu zemju atklāšana un apgūšana, gan vēlēšanās atrast ērtākus dzīves un labākus darba apstākļus, gan dažādi politiski notikumi – kari, kolonizācijas u.c. Migrācijas jautājums ir būtisks un neizbēgams katras valsts ekonomikas un sociālās dzīves komponents un ietver vairākas jomas:

- darbaspēka migrācija,
- ģimenes atkalapvienošana,
- nelegālās migrācijas apkarošana,
- migrantu tiesības,
- veselība un migrācija,
- integrācija,
- migrācijas ilgtermiņa attīstība u.c.

Mūsdienās migrāciju galvenokārt izraisa sociālie (dzīvesveida maiņa, izglītības līmeņa celšana u.c.), ekonomiskie (ienākumu palielināšana, mājokļu un dzīves apstākļu uzlabošana u.c.), militārie (okupācija, evakuācija u.c.) un politiskie (nacionālie, rasu, reliģiskie spaidi u.c.) cēloņi (Kļava, Motivāne 2007).

Saskaņā ar S. Yabuuchi, S. un S. Chaudhuri katram migrantam ir sava motivācija, kāpēc viņš izšķiras par labu pārceļošanai uz kādu no valstīm. Vienkāršākais skaidrojums ir tas, ka cilvēki dodas uz tām vietām, kurās cer dzīvot labāk. Galvenā motivācija ir dzīves līmeņa atšķirības, ko nosaka ekonomiskā vide un dzīves kvalitāte. Nesakārtots darba tirgus, zemais sociālo garantiju līmenis un nepietiekamais atalgojums daudzus iedzīvotājus piespiež doties darba meklējumos ārpus valsts. Galvenokārt tieši šie faktori – atsevišķu valstu ekonomiskās attīstības līmeņa atšķirības – ir viens no galvenajiem migrācijas iemesliem, un šāda veida iedzīvotāju pārvietošanās tiek uzskatīta par darbaspēka migrāciju (Yabuuchi, Chaudhuri 2007).

Līdzīgu viedokli izsaka arī B. Portnovs, rakstot, ka migrācijas lēmumi atšķiras indivīdu līmenī, jo katram potenciālajam migrantam atšķiras pārceļšanās un darba meklēšanas izmaksas, mājokļa izmaksas. Pārceļšanās lēmumi var būt saistīti ne tikai ar darba tirgus apstākļiem, bet arī ar teritoriju pievilcību, dzīves kvalitāti un izmaksām, ieskaitot mājokli, augstāka standarta pakalpojumus un vides pievilcību. Dzīvesvietas pievilcība un labiekārtojums, patikama dzīves vide, labi attīstīta infrastruktūra, pie-

vilcīgs pilsētas tēls, izglītības iegūšana, studijas piesaista gados jaunus migrantus un viņu ģimenes (Portnovs 2001).

Arī RTU studenti kā galvenos ārējās migrācijas cēloņus min – labākas dzīves kvalitātes un darba meklējumus – “dzīves kvalitāte Latvijā ir zemāka nekā citās Eiropas Savienības valstīs, tāpēc cilvēki dodas projām, lai saņemtu modernās pasaules nodrošinājumu – veiksmīgas karjeras un labi apmaksāta darba iespējas, sociālās garantijas – veselības aprūpi, izglītību, apdrošināšanu, bērnu pabalstus, bezdarbnieku pabalstus, pensiju, invaliditātes pabalstu, ka arī tolerantu attieksmi (latvieši – 24, krievu valodā runājošie studenti – 7).

Studenti uzskata, ka ārējā migrācija Latvijai ir nopietna problēma ne tikai tāpēc, ka samazinās iedzīvotāju skaits, bet, galvenokārt, tādēļ, ka lielākā daļa aizbraucēju ir darbaspējīgā vecumā, kā rezultātā Latvijā vērojams darba ņēmēju trūkums. Taču tajā pašā laikā Latvijā raksturīgs bezdarbs – “mūsu valstī ir grūti atrast darbu ar labu atalgojumu, tāpēc daudzi dodas uz citām valstīm labākas dzīves meklējumos” (latvieši – 67, krievu valodā runājošie studenti – 12). Finanšiālās problēmas ir otrs visvairāk minētais cēlonis iedzīvotāju aizbraukšanai no valsts – “dzīve Latvijā ir ļoti dārga, cilvēkiem ir finanšiālas problēmas, kredītmaksājumi” (latvieši – 15, krievu valodā runājošie studenti – 2), “Latvijā cilvēki nevis dzīvo, bet cenšas izdzīvot” (latvieši – 1). Arī slikti darba apstākļi tiek minēti kā migrācijas cēloņi (latvieši – 2, krievu valodā runājošie studenti – 1). Kā vēl viens cēlonis migrācijas pieaugumam, pēc studentu domām, ir iespējas ārzemēs iegūt izglītību – “jauni cilvēki emigrē no Latvijas ne tikai, lai strādātu, bet arī mācītos. Pēc vidusskolas absolvēšanas daudzi jauni cilvēki nevar turpināt mācības, jo izglītība ir dārga. Lai mācītos viņiem ir jānopelna nauda. Latvijā atrast darbu ar labu algu pēc vidusskolas absolvēšanas nav viegli. Tādējādi vienīgā izeja ir migrācija uz ārvalstīm (latvieši – 8, krievu valodā runājošie studenti – 1). Daudzi jaunieši arī vēlas doties uz ārzemēm, lai kļūtu neatkarīgi – “Latvijā, iestājoties augstskolā, studenti vēlas būt neatkarīgi no saviem vecākiem, bet viņiem ir grūti atrast darbu, lai nodrošinātu šādu neatkarīgu dzīvi, tāpēc viņi dodas projām uz citām valstīm, strādā un mācās, un tādējādi kļūst neatkarīgi” (latvieši – 2). Studenti arī izsaka viedokli, ka viens no cēloņiem migrācijai uz ārzemēm, ir jauniešu vēlme iegūt kvalitatīvāku izglītību – “jauni cilvēki dodas uz ārzemēm, lai iegūtu labāku izglītību. Daudzos gadījumos tas nozīmē, ka viņus vairs nekad neredzēs Latvijas darba tirgū. Jaunā paaudze ir ļoti konkurētspējīga un tiecas pēc labākas izglītības un profesionālās izaugsmes, kas nodrošina lielāku algu un augstāku dzīves kvalitāti. Diemžēl Latvija

viņiem nevar to piedāvāt un zaudēt, jo tās ekonomika ir neattīstīta (latvieši – 14, krievu valodā runājošie studenti – 9). Turklāt, studenti pauž viedokli, ka, lai arī Latvijā ir daudz koledžu un augstskolu, tomēr tās absolvējot, jauniešiem ir grūti atrast darbu specialitātē, jo trūkst pieredzes. Pēc studentu domām, tas ir vēl viens iemesls, kāpēc daudzi izvēlas mācīties un pēc tam strādāt ārzemēs – “ar ārzemju augstskolas diplomu jauniešiem ir vieglāk atrast darbu. Šāds diploms ir “vērtīgāks”. Savukārt Latvijā lielāka nozīme ir sakariem un nevis diplomam. Tāpēc daudzi jaunieši emigrē uz ārvalstīm, jo neredz Latvijā savu nākotni, netic savai valstij, nezin, vai atradīs darbu pēc augstskolas absolvēšanas” (latvieši –12, krievu valodā runājošie studenti –7). Studentu esejās gan izteikts arī viedoklis, ka jaunieši ne reti dodas uz ārzemēm pēc augstskolas absolvēšanas Latvijā. Tomēr ārzemēs strādā nevis apgūtajā specialitātē, bet gan dara mazāk kvalificētus darbus, saņemot augstāku atalgojumu nekā, ja strādātu savā specialitātē dzimtenē (latvieši – 10). Tādējādi Latviju atstāj arī kvalificēti speciālisti, kas būtu noderīgi Latvijas labklājības veicināšanai (latvieši – 3). Turklāt uz ārzemēm dodas arī daudzi jaunieši, kuri neplāno turpināt studijas un veidot savu profesionālo karjeru, jo ir apmierināti ar savu darbavietu un atalgojumu ārzemēs (latvieši – 7, krievu valodā runājošie studenti – 1). Augsti nodokļi un alga “aploksnēs”, kas veicina nedrošību un nestabilitāti arī tiek minēti kā ārējās migrācijas veicinātāji Latvijā (latvieši – 10, krievu valodā runājošie studenti – 2). Daudzi emigrē arī tāpēc, ka ārzemēs jau dzīvo viņu ģimenes locekļi un viņi vēlas pievienoties un atbalstīt savu ģimeni (latvieši – 4). Studenti arī ievērojuši, ka cilvēku attieksme vienam pret otru Latvijā bieži vien ir negatīva – “cilvēki nav draudzīgi un izpalīdzīgi, visi ir pārņemti ar savām problēmām un kritizē cits citu”, “cilvēki ietekmējas no apkārtējās vides, no citu cilvēku dzīvesstila”, “darba devēju attieksme bieži vien ir nelabvēlīga” Tādējādi negatīva sociālā vide var tikt minēta kā vēl viens cēlonis, kāpēc cilvēki atstāj valsti (latvieši – 5).

Studentu priekšlikumi ārējās migrācijas mazināšanai pētīti nākamajā paragrāfā.

Priekšlikumi ārējās migrācijas mazināšanai

Pēc studentu domām, iedzīvotāju labklājības līmeņa paaugstināšana ir vissvarīgākais nosacījums ārējās migrācijas mazināšanai Latvijā. Tāpēc studenti min vairākus priekšlikumus, kā to varētu izdarīt:

- 1) algu palielināšana (latvieši – 31, krievu valodā runājošie studenti – 11),
- 2) zemākas cenas pārtikai, gāzei, degvielai (latvieši – 4, krievu valodā runājošie studenti – 4),
- 3) nodrošināšana ar darba vietām:
 - ražošanas attīstīšana,
 - uzņēmējdarbības veicināšana,
 - lauksaimniecības attīstība.

- Studenti uzsver, ka “svarīgi atjaunot un investēt tajās ražotnēs, kas jau darbojas, nevis tikai būvēt no jauna”, “ir jā rūpējas par tiem cilvēkiem, kas vēl nav aizbraukuši un jānodrošina ar darbu”, “mūsu darbaspēks ir lētāks kā citās Eiropas valstīs. Un tā ir priekšrocība”, “ražošanas attīstība nodrošinātu cilvēkus ar darbavietām un jaunieši redzētu perspektīvu savai profesionālajai attīstībai” (latvieši – 33, krievu valodā runājošie studenti – 11),
- 4) nodokļu samazināšana (latvieši – 8, krievu valodā runājošie studenti – 2),
 - 5) vairāk līdzekļu ieguldīšana veselības aprūpē (latvieši – 17, krievu valodā runājošie studenti – 3),
 - 6) vairāk līdzekļu ieguldīšana izglītībā, lai būtu zemāka maksa par izglītību, lai paaugstinātos izglītības kvalitāte, kā arī, lai būtu lielāka sadarbība starp augstskolām un uzņēmumiem un, lai vairāk tiktu sagatavoti darba tirgū nepieciešami speciālisti (latvieši – 23, krievu valodā runājošie studenti – 3),
 - 7) pensiju nodrošināšanā – “pensijas Latvijā ir zemas, tāpēc cilvēki dodas uz ārzemēm, lai nopelnītu lielāku pensiju (latvieši – 3, krievu valodā runājošie studenti – 3),
 - 8) bērnu pabalstu palielināšana (latvieši – 5),
 - 9) jauno ģimeņu atbalsts, piemēram, mājokļa iegādē, jo ir tik daudz neapdzīvotu dzīvokļu, (krievu valodā runājošie studenti – 2),
 - 10) tā kā pēc augstskolas absolvēšanas jauniešiem ir grūti atrast darbu, jo trūkst pieredzes, tad valstij vajadzētu palīdzēt jauniem cilvēkiem atrast darbu vai prakses vietas augstskolā apgūtajā specialitātē (latvieši – 7, krievu valodā runājošie studenti – 3),
 - 11) Latvijas reģionu attīstības veicināšana, investīciju piesaiste un bezdarba mazināšana reģionos – “Latviju raksturo tukši ciemati un lauki. Cilvēki spiesti pārcelties uz pilsētām, lai atrastu darbu. Liekas, ka Latvijā attīstās tikai Rīga”, “valstij ir svarīgi cilvēkus nodrošināt ar darbu, vienalga, kurā Latvijas reģionā viņi dzīvo un, kāda ir viņu specialitāte (latvieši – 9).

Apkopojošot visus iepriekšminētos priekšlikumus, jāsecina, ka svarīgākie risinājumi migrācijas mazināšanai, ir valsts stabilitāte, iedzīvotāju drošība par nākotni un dzīves kvalitātes paaugstināšana – “lai mūsu valsts būtu pievilcīga cilvēkiem”, “ir jāpierāda, ka nav daudz priekšrocību, lai emigrētu uz citām valstīm” (latvieši – 6, krievu valodā runājošie studenti – 4). Studenti uzsver, ka valstij ir jāpalīdz saviem iedzīvotājiem, un – īpaši jauniem cilvēkiem atgriezties dzimtenē, jo “Latvijas nākotne un labklājība ir jaunu cilvēku rokās, tāpēc, ka viņu domāšana ir mūsdienīga”, “lai to pieredzi un idejas, kuras apgūtas ārzemēs, cilvēki var realizēt dzimtenē”, “Latvijai ir jāņem piemērs no citām valstīm, jāmacās no panākumiem (latvieši – 2, krievu valodā runājošie studenti – 1). Studenti arī uzsver, ka nozīmīgi ir informēt aizbraucējus par dzīvi Latvijā – “mēs dzīvojam globalizācijas laikmetā un informācijas apmaiņa un komunikācija ar pasauli notiek ļoti ātri, tāpēc svarīgi, lai tiem cilvēkiem, kas devušies projām no Latvijas būtu pieejama informācija, ka labāka dzīve iespējama arī Latvijā” (latvieši – 2).

Secinājumi

- 1) mūsdienās ārējās migrācijas jautājums ir aktuāls un ļoti svarīgs katras valsts politikas, ekonomikas un sociālās dzīves sastāvdaļa,
- 2) nozīmīgākie iedzīvotāju ārējās migrācijas cēloņi ir augstākas dzīves kvalitātes nodrošinājums ārvalstīs – labākas darba, sociālo garantiju, kā arī mācību iespējas,
- 3) valsts ekonomiskā un politiskā stabilitāte, iedzīvotāju drošība par nākotni un dzīves līmeņa paaugstināšana ir svarīgākie priekšnoteikumi ārējās migrācijas mazināšanai.

Bibliogrāfija

- Apinis R., u.c. (2009) *Migrācijas ietekme uz valodas vidi Latvijā*. Latviešu valodas aģentūra, Rīga: Zinātne, 7.–12. lpp.
- Hazans M. (2015) *Emigrācija no Latvijas 21. gadsimta reģionu, pilsētu un novadu griezumā. Latvijas emigrantu kopienas: cerību diaspora* (zin. red. Inta Mierina), Latvijas Universitāte, 11.–25. lpp.
- Krišjane Z., Bauls A. (2007) Migrācijas plūsmu reģionālās iezīmes Latvijā. *Paaudžu nomainīšana un migrācija Latvijā*. Stratēģiskās analīzes komisija, zinātniski pētnieciskie raksti, 4 (15), Rīga: Zinātne, 130.–144. lpp.

- Portnov B. (2001) Employment – Housing Paradigm of Internal Migration: Evidence from Norway. *International Migration*. 39 (2), pp. 93–117. (In English)
- Yabuuchi S., Chaudhuri S. (2007) International Migration of Labour and Skilled-unskilled Wage Inequality in a Developing Economy. *Economic Modelling*. No 1 Vol. 24, pp. 128–137. (In English)
- Vides aizsardzības un reģionālās attīstības Ministrija 2014. gada pētījuma “Publisko individuālo pakalpojumu klāsta izvērtējums atbilstoši apdzīvojumam” starpziņojums. (ID Nr. VARAM 2014/14 1. starpatskaite. Demogrāfisko izmaiņu raksturojums un prognozes (TS 4.1. un 4.2. p.)) Pieejams: http://www.varam.gov.lv/files/text/Petijums_1%20starpatskaite.pdf (skat. 28.09.2016.)

External Migration – Problems and Solutions in the Context of Latvia

Summary

Nowadays the external and internal migration is very popular among the inhabitants of Latvia. They are searching for better job opportunities, higher salary, better social guarantees and life conditions. According to Z. Krišjāne and A. Bauls mobility is more characteristic for a young generation who have acquired a modern education, competences and skills. Young people are more tended to emigrate from the country (Krišjāne, Bauls 2007). Therefore the aim of the research was to identify the opinion of young people – students of Riga Technical University (RTU) about the migration problems and solutions in the context of Latvia. The main tasks of the research was to research the external migration in the context of Latvia identifying the reasons of migration and giving solutions how to decrease it. The main conclusions of the research are the following:

- 1) nowadays external migration is a topical and very important question in the political, economical and social life of every country,
- 2) the most important reason for external migration is a higher life quality abroad – better job and study possibilities and social guarantees,
- 3) the economical and political stability of the country, people's security for the future and increase of their life quality are the main preconditions for the decrease of external migration.

Key words: external migration, reasons for external migration, recommendations for the reduction of external migration.

DEVELOPMENT OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP
IN EDUCATION SECTOR IN LATVIA:
THEORETICAL FRAMEWORK, CURRENT CHALLENGES
AND FUTURE PROSPECTS

Social Entrepreneurship is aimed at making positive, large-scale, systemic, and sustainable changes in society with the help of entrepreneurial tools, methods, spirit and way of thinking.

The main focus of this article is to clarify the main features and the role of emerging social entrepreneurship in education sector in Latvia, as well as to analyze the current challenges and future prospects of social enterprises in Latvia and the European Union. The article provides an overview of the state-of-art of the social entrepreneurship in education sector in Europe and in Latvia, with several positive examples of education-oriented social entrepreneurial projects being described and discussed.

In addition, the article concentrates on the solutions that social enterprises can provide in the education sector, particularly with regard to achieving sustainable development in the education system. It analyses the recent surveys implemented in the field of social entrepreneurship, as well as seeks to explore the impact and role of social entrepreneurship in improving education, ensuring sustainable social impact, and making high quality education accessible to all.

Data sources include analysis of existing literature, previous surveys, and case studies, as well as the EU regulations, directives and other legal acts. The data for the empirical research was also obtained from the narrative-based interviews with three Latvian experts and practitioners in the education and social entrepreneurship fields that were held in January-August 2016.

Key words: social enterprise; education-oriented social entrepreneurship, social innovation, social entrepreneur, education, sustainable social impact.

It is usually assumed that serious social changes and improvements are possible only with the help of considerable resources and investments. However, there are a lot of large-scale, sustainable and systematic social projects that have been implemented by the individuals and companies that initially did not have any extensive resources; instead, they had social passion, desire to dedicate their lives to the common good, as well as innovative and entrepreneurial way of thinking. Such individuals and companies are called social enterprises. They are usually involved in pro-

jects that are aimed at seeking solutions to seemingly unsolvable social problems thus improving people's lives and making vital and positive impact on social landscape that in fact goes far beyond the entrepreneurs' specific sphere of interest (e.g. inclusive education, family violence, etc.) because, as Praszkiel and Nowak (2011) put it, they enable societies to reinforce their overall performance.

Social entrepreneurship is a relatively new topic, but it is gathering increasing researchers' and experts' attention worldwide because of the social influence and a new way of innovative and entrepreneurial thinking that the social entrepreneurs tend to demonstrate (Rey-Martí A. et.al 2016). However, despite the increasing interest in social entrepreneurship worldwide and undoubted importance of this kind of business activity, many scholars and practitioners admit, that there is still no any widely accepted and commonly used definition and understanding at the international level of what constitutes this phenomenon. Similarly, there are not many surveys available in this field.

A social entrepreneur is an individual that combines the characteristics of a pro-active leader, a businessman and a volunteer in that he/she demonstrates practical and innovative attitude and approach to social issues and concerns, using business and market principles and tools together with strong resolve and courage to take risks in the areas where other would not venture. Dees (2001) outlines five characteristic features of social entrepreneur that contribute to the creation of social value. According to Dees, a social entrepreneur (1) can recognize new opportunities, (2) can promote innovation, (3) can adapt and learn, (4) can overcome the shortage of resources, (5) have profound "sense of accountability to constituents". Social entrepreneur's main priority and motivator is the social or societal objective of the common good, unlike traditional businessman who is typically driven by the desire to make profit.

A growing number of scholars, practitioners, and policy makers pay more and more attention to social entrepreneurship and struggle to reach common understanding of the essence and role of this relatively young but very rapidly developing field, as well as of its theoretical and legal framework. As a result of this increased attention and its topicality, numerous legal acts have been adopted specific to this type of enterprise in different countries across Europe (The European Commission).

Having analyzed a number of definitions proposed by leading thinkers and practitioners of social entrepreneurship, let us list the key features and aspects that are characteristic to this phenomenon:

- the main form of the social enterprise's income is sales of services and/or products unlike typical non-governmental non-profit organizations that are usually funded by donations, charity, and grants;
- social enterprise is created with the aim to cause social change, to drive a positive impact, to improve people's lives. The focus is placed first and foremost on the social value creation and on addressing wider social and/or environmental objectives, rather than on solely financial value and gaining profit.
- social enterprise's profits are reinvested in their social mission. Income and profit is a tool, rather than a goal itself;
- social enterprises are able and willing to combine the entrepreneurial behavior and the market as a tool for meeting social needs, serving the general interest and common good for the benefit of the community.
- social enterprises achieve large scale, systematic and sustainable social change through new invention, a different or new socially-oriented product or service, different and sometimes unconventional approach to social problems, as well as a more accurate application of known technologies or strategies, or a combination of these.
- social entrepreneurs usually operate in the fields of education, professional training, healthcare, welfare, human rights, childcare, environment, economic development, agriculture, and other.
- social enterprises most usually apply the following business models: (1) hybrid non-profit, (2) leveraged non-profit, and (3) social business. Social enterprises may also take different legal forms and structures (SEAL; Schwab Foundation for Social Entrepreneurship; Dees 2001; Nicholls 2008).

Summarizing all definitions currently considered, social entrepreneurship can be viewed from three dimensions:

- an entrepreneurial dimension (with financially-sustainable earned-income activity, such as selling goods or providing services on the market);
- a social dimension (social enterprises address social problem; pursuit of an precise social goals and delivery of products/services that are socially valuable);
- a governance dimension (accountability, participation and transparency) (European Commission; Dees 2005; Nicholls 2008).

According to the European Commission Policy Brief on Social Entrepreneurship in Europe, the degree of development of social enterprises varies considerably across EU Member States. In some countries, including Italy, France and the United Kingdom, social enterprises are successfully-assimilated in both the welfare system and market. In other countries, including Bulgaria, Croatia, Latvia, Czech Republic, and Romania and Slovenia, social entrepreneurship is still at its early phase of development, where social enterprises are likely to be isolated or even neglected. Today the European Commission's goal is to create appropriate financial, administrative and legal environment for social entrepreneurship so that they can operate on an equal conditions with other types of enterprises in the same sector (European Union/OECD 2013).

Having a closer look at the situation regarding the social entrepreneurship in Latvia in general and in the education sector in particular, it becomes obvious that we are now facing the early stage of development of this innovative type of activity. Until the present day, only a few significant surveys have been carried out in Latvia concerning the activity, role, and impact of social entrepreneurship in Latvia. Reviewing these surveys, it can be stated that the social enterprises in Latvia are predominantly small-scale organizations that employ a few employees, but are able to produce socially-oriented and socially-valuable goods and services. The majority of these social enterprises emerged in the public sector as non-profit entities that mostly receive funding from multiple sources, including charity, donors, and granting agencies. In order to develop, grow, and become sustainable, these social enterprises require a new business model that would enhance their financial independence and lead to financial sustainability in order to achieve their socially oriented objectives and mission. This unique approach, gradually adopted by many social enterprises in Europe and worldwide, means that such form of socially-oriented ventures are self-funded and thus sustainable because they do not rely on sponsoring, donations, and grants – the sources of funding that are always unpredictable and unstable.

According to the European Commission Report on Social entrepreneurship in Latvia, there are no data (official statistics, academic or grey material) available on the scale of social enterprise in Latvia. Research on the subject is limited and provides little information on the characteristics of social enterprises. Nonetheless, the first social enterprises appeared in Latvia about 8 or 9 years ago. At that time the first Social

Entrepreneurship Forum was launched and the Social Entrepreneurship started to gain more and more attention. Today social entrepreneurship in Latvia continues to develop. The Parliamentary working group is working on the social entrepreneurship law draft, and the Ministry of Welfare of the Republic of Latvia is preparing to implement the first national support program with the aim to create legal framework and social entrepreneurs-friendly eco-system for the development of sustainable and inclusive social entrepreneurship in Latvia (Feifa et al. 2014; Latvijas Republikas Labklājības Ministrija. Sociālā uzņēmējdarbība). Additionally, Social Entrepreneurship Association of Latvia (SEAL) was founded in the end of 2015 uniting more than 30 members (including experts, enterprises, organizations, and individuals) with the main objective to stimulate the development of social entrepreneurship Latvia.

Social entrepreneurs and education

For at least 3 decades now, since 1980s, according to Sandler (2010), social entrepreneurs operate in the education sector.

In Latvia there is still no study to date that would address the role and impact of social entrepreneurship in education sector.

Globally, current education systems endeavor to keep pace with the rapid change and to meet the needs of thousands of learners, and the social enterprises can contribute greatly to this mission. Social entrepreneurs address the old challenges offering new way of socially-entrepreneurial thinking in terms of access to education, pedagogies, or learning tools, and by doing so they attempt to fill the gaps that cannot be filled by traditional public and private sector actors.

What problems can social entrepreneurs address in education sector? Are social entrepreneurs able to cause change in education and address the numerous issues that are still to be solved by offering innovative solutions and eliminating the boundaries between social, business, and public sectors? In order to answer these questions three experts in education and social entrepreneurship sectors were interviewed.

Having analyzed the narrative-based interviews data by means of grouping the responses to categories, the author has identified a number of problems that are most usually addressed.

In many countries worldwide and in Latvia as well, education is not usually seen as an innovative sector; on the contrary, is characterized as one of the conservative ones with bureaucratic and conservative mentality

that often fail to meet the requirements of fast-growing and frequently changing society. The experts agree that there are diverse views on and attitudes towards nowadays education. While it is generally admitted that people require to have the access to high-quality education for their future life and career, there are still a lot of those who are quite skeptical about the education they are provided. All experts strongly agree on that it is often true that innovative and valuable ideas with enormous potential are ignored because they do not comply with the traditional frames. On the other hand, even when such innovative ideas meet the approval or are taken into account, they require a lot of time, effort, and resources in order to be brought to life and make a significant change in the education system and society. The development of the social entrepreneurship could be a powerful contribution to addressing these issues.

The socially-entrepreneurial projects in education sector vary greatly from helping children to improve their self-esteem to providing teacher with innovative teaching resources or professional development programs. Social entrepreneurs are often self-determined and convinced they can do something in the education field that hadn't been done before, and this conviction results in social innovation and change. Due to the increased development of social entrepreneurship today, there are a growing number of social entrepreneurs, who are ready to take risks and draw change in education.

Among other things, social entrepreneurs in the education sector find simple but effective solutions to various problems that arise in the society. They tend to adopt atypical and untraditional teaching and learning methods and techniques, as well as focus on the knowledge, behaviors, and skills that are generally accepted as essential for future (e.g. intercultural competence, critical thinking, problem-solving skills, self-awareness, creativity, decision-making skills, etc.), and that should be taught in schools but are not due to many reasons (including traditional and conservative way of thinking and strict frames that teachers have to fit). Social entrepreneurs around the world recognize that traditional school teaching is currently facing a lot of significant challenges:

- it is mostly subject-centered rather than competences- and skills-based;
- it is highly education is separate and unequal, rather than holistic;
- it is scarcely connected with the real life;
- and it is often highly unmotivating and discouraging for students and teachers (Sandler 2010; Dees 2005).

A good example could be mentioned here to illustrate the way how social entrepreneurs try to address the issues that are often neglected by traditional schools. A social project called CyberSafe was launched with the aim to confront the problem of cyber-bullying and to develop schoolchildren's digital literacy and safety.

One more remarkable example of successful social enterprises is the one founded and operated in Scotland by a former primary teacher, who provides teacher training, outdoor learning, vegetable gardening and other outdoor experiences for schoolchildren including rebellious teenagers to address climate change education. Among other things, this social enterprise has a volunteer program to train unemployed people.

The director of one more social enterprises called Enabling Enterprise was eager to create teaching and learning environment where his teenager students would be highly interested, motivated, and engaged, and above all, where they would acquire the competences and skills relevant to the real world. In order to achieve his goal he launched a new project that, among other things, provided the teenager students opportunity to visit local companies and organizations, observing how they really work and learning from their employees. In addition, based on what they have learnt the teenagers had to elaborate their own real-life small business projects that they could later on put into practice (Smedley 2013; Dees 2005).

Unlike typical businesses operating in the education sector that are driven largely by profit alone and the aim to maximize shareholders' wealth, the social entrepreneurs are socially driven "do-gooders" (a term proposed by Coleman and Kariv 2015) who recognize people's problems and search for easy effective and innovative solutions, utilizing business tools and techniques. Again, unlike large-scale national or international public sector organizations and private companies operating in the education sector, small-scale local social enterprises can be more effective in addressing people's needs because they fully acknowledge the problems and concerns of the local communities and understand how to develop supportive and diverse ecosystem capable of meeting these needs.

Social entrepreneurs manage to concentrate on and address not only unconventional teaching and learning techniques, but also find opportunities to work and contribute to the development and positive change in traditional education setting. For example, they provide school teachers with useful teaching resources, digital tools, teaching materials, and,

among other things, small grant to undertake micro-innovations in their classrooms. Another example of such innovative social enterprise is the one founded with the aim to teach schoolchildren and teachers within traditional schools to create computer games that help children to acquire both digital and social skills (Smedley 2013; Sandler 2010; Dees 2005).

The issues and concerns in education most usually addressed by social entrepreneurs are related to the education equality and accessibility to all, which means that it is important to ensure that all students receive the highest quality education available regardless of their socio-economic background, location in which they were born, and their physical abilities. Scofield (2012) adds also a number of other problems to this list, namely achievement gaps, limited access to education, and a general decline in the quality of education, stretched financial resources, and other. Among other things, such vital issues as access to Information and communication technology, high-quality teaching and learning resources, as well as the raise of students' self-esteem, self-awareness and self-confidence, development of learners' motivation and engagement, development of learners' tolerance, social responsibility, intercultural competences and social awareness could be mentioned here. A lot of socially-oriented entrepreneurial project in education sector are implemented with the aim to diminish the discrepancies between the subject-centered schooling and "real-life" challenges and demands, as well as to develop learners' social awareness and pro-social behaviors, in order to boost learners' motivation to solve the problems of their own and the community. A number of projects in education sector seek to improve learners' decision-making and problem-solving skills, digital expertise, critical thinking, and other competences and skills essential for their future that the traditional subject-centered schooling often fails to develop in children.

Additionally, social enterprises create sustainable impact in the education sector by:

- Improving early childhood and youth education in low-income communities;
- making education accessible to people from disadvantaged backgrounds;
- Introducing alternative channels of funding for education and redefining traditional methods of giving;
- Providing basic education and business skills training to underserved and at-risk populations;

- Increasing income opportunities for people living in poverty through financial services that allow for start-up or expansion of microenterprises, enabling them to afford education for their children (Scofield 2012).

Conclusion

A social enterprise is a dynamic business that addresses a wide range of social issues and concerns in innovative and creative ways. It is widely accepted that entrepreneurs are a source of innovation and change. Social entrepreneurs act in a similar way, and being socially oriented, they also have potential to bring positive, tangible and sustainable impact and change in the society. Social entrepreneurs apply entrepreneurial tools and principles to contribute to the public good, solve public problems and make social change. This thirst for innovation and social change is derived usually from social entrepreneur's personal frustration and desire not to accept the situation as it is. On the contrary, they seek to improve people's life and try to address people's needs and concerns by offering simple and yet innovative and effective solutions, without being focused only on gaining profit.

Practitioners and experts agree that in certain situations social enterprises can be more effective in addressing social needs than other organizations, e.g. private businesses or public sector agents, due to their understanding of the social problems and their clear social missions.

Social entrepreneurship in Latvia is a rather new and undeveloped notion, and there is still no any commonly accepted definition of Social entrepreneurship, as well as there is no specific government regulations regarding this form of business, therefore it is not well understood yet. However, the social entrepreneurship law draft is being elaborated right now in the National Parliament. At the same time, the Social Entrepreneurship Association of Latvia works closely with local municipalities and the Ministry of Welfare towards creating a supportive eco-system for social enterprises, which is going to include financial support, training, mentoring, etc. on local and national level.

Summarizing everything that has been stated so far, it becomes evident, that social entrepreneurs in the education sector are able to contribute to social and education change and improvement in different ways, namely: (1) bringing creative, easy and effective solutions to the global and local issues (accessible education, inclusive education, educational equality,

competences-based education, etc.), that are unlikely or difficult to address by the traditional agents operating in the education sector; (2) helping traditional schooling system to fill the gaps and enhance current conventional practices; (3) introduce innovative, unconventional and forward-looking ways of confronting the problems and challenges of the modern society.

In order to succeed, several important factors have to be present, i.e.

- 1) Existence of social enterprise-friendly business environment, legislation and policies.
- 2) Clear, visible and measurable impact of social entrepreneurial activity
- 3) Development of social impact investment system in general and in the educational field in particular.

In future, a new model within the education system could be introduced, namely the one that unites schools, universities, and social entrepreneurs for cooperation and a common mission.

Bibliography

- Coleman S., Kariv D. (2015) *Creating the Social Venture*. Abingdon: Routledge.
- Dees J. G. (2005) Social Entrepreneurs and Education. *Current Issues in Comparative Education*, Vol. 8 (1) 51. Columbia: Teachers College, Columbia University.
- Dees J.G. (2001) The meaning of social entrepreneurship. Available: <https://entrepreneurship.duke.edu/news-item/the-meaning-of-social-entrepreneurship/> (accessed on: 08.10.2016)
- Feifa I., Morica I., Lesinska A. (2014) *A map of social enterprises and their ecosystems in Europe*. Country Report for Latvia. European Commission.
- Latvian Social Innovation Centre. Available: <http://socialinnovation.lv/en/about-sic/> (accessed on: 02.10.2016)
- Schwab Foundation for Social Entrepreneurship. Available: <http://www.schwabfound.org/content/what-social-entrepreneur> (accessed on: 02.10.2016)
- Nicholls A. (2008) *Social Entrepreneurship: New Models of Sustainable Social Change*, Oxford: OUP Oxford.
- Policy Brief on Social Entrepreneurship. Entrepreneurial Activities in Europe (2013) OECD/European Union. Available: <http://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=738&langId=en&pubId=7552> (accessed on: 01.10.2016)
- Praszkier R., Nowak A. (2011) *Social Entrepreneurship: Theory and Practice*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Rey-Martí A. et.al (2016) Giving back to society: Job creation through social entrepreneurship, *Journal of Business Research*, vol. 69, issue 6, pp. 2067–2072.

- Sandler M.R. (2010) *Social Entrepreneurship in Education: Private Ventures for the Public Good*, R & L Education.
- Scofield R. (2011) *The Social Entrepreneur's Handbook: How to Start, Build and Run a Business that Improves the World*, McGraw-Hill Education.
- Scofield R. (2012) McGraw-Hill Research Foundation policy paper released February 2, 2012 – entitled How Social Entrepreneurship is Helping to Improve Education Worldwide. Available: <http://mcgraw-hillresearchfoundation.org/wp-content/uploads/2012/02/Social-Entrepreneurship-WP.pdf> (accessed on: 07.10.2016)
- Sekliuckiene J., Kisielius E. (2015) *Development of Social Entrepreneurship Initiatives: A Theoretical Framework*, Kaunas University of Technology.
- Smedley T. (2013) *Social enterprises aid innovation in education. For The Guardian*. Available: <https://www.theguardian.com/social-enterprise-network/2013/aug/02/social-enterprise-aids-education-innovation> (accessed on: 08.10.2016)
- Social Entrepreneurship Association of Latvia (SEAL) Available: <http://www.sociallauznejardariba.lv/aktualitates/> (accessed on: 01.10.2016)
- Thompson J. (2002) The world of social entrepreneur, *The international journal of public sector management* 15 (4/5), pp. 412–431. University Press, 124 p.
- Wiseman A.W. (2014) *International Educational Innovation and Public Sector Entrepreneurship*, Emerald Group Publishing.

Развитие социального предпринимательства в сфере образования в Латвии: теоретические основы, текущие проблемы и перспективы на будущее

Резюме

Социальное предпринимательство направлено на создание позитивных, крупномасштабных, системных и устойчивых изменений в обществе с помощью предпринимательских инструментов, методов и подходов, а также предпринимательского духа и образа мышления.

Целью данной статьи является рассмотрение основных особенностей и роли социального предпринимательства в целом и в образовательном секторе в частности. В статье рассмотрены текущие проблемы и перспективы развития социальных предприятий в Латвии и мире. Кроме того, автором изучено текущее положение вещей в области социального предпринимательства в секторе образования в Европе и в Латвии, рассмотрены некоторые положительные примеры социальных предприятий, функционирующих в сфере образования.

Социальное предпринимательство в сфере образования привлекает внимание растущего числа ученых и экспертов, которые считают, что социальные предприниматели, обладая инновационным мышлением, жадной перемен, нестандартным подходом к решению социальных проблем способны эффективно решать те проблемы в образовании, которые по различным причинам

невозможно решить в рамках традиционной системы образования. Среди таких проблем можно выделить повышение качества образования, повышение доступности образования всем без исключения, независимо от места жительства, социальных, финансовых, расовых, религиозных и других критериев, развитие «жизненного образования», и многие другие.

Источниками информации послужили данные научных изданий, исследований в области социального предпринимательства, нормативные акты и директивы ЕС, а также информация, предоставленная Ассоциацией социальных предпринимателей Латвии и Министерства благосостояния Латвии. Данные также были получены из повествовательных интервью с тремя латвийскими экспертами и специалистами-практиками в области образования и социального предпринимательства, которые были получены с января по август 2016 года.

Ключевые слова: социальное предприятие; социальное предпринимательство в образовании; социальные инновации; образование; устойчивое социальное воздействие.

ПРОБЛЕМЫ ОТОБРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

В работе главное внимание уделено критике использования валового внутреннего продукта (ВВП) в оценке экономического развития стран мира. По мнению автора, учет финансовых услуг приводит к искажению реального развития стран, на второй план отодвигается роль благосостояния домашних хозяйств и формирования личности. Приводятся оценки международных экспертов, занимающихся данной проблематикой и подчеркивается ошибочное мнение регуляторов рынка при учете финансовых услуг, считающихся производительными, что ведет к ошибочным оценкам состояния экономики, способным приводить мировое сообщество к кризисным явлениям. Основываясь на ошибочных показателях, регуляторы рынка создают возможность нарастания спекулятивных финансовых операций на рынке, которые стимулируют кризисные явления. Неправильные оценки развития экономики, не позволяют регуляторам рынка реально оценивать фискальную политику, формируя условия для расширения «теневой экономики», которая неоднозначно влияет на рост валового внутреннего продукта, считающегося пока главным измерителем эффективности национальных экономик.

На примере латвийской хозяйственной системы в статье анализируются негативные тенденции в экономике, практически не учитываемые в прогнозах развития страны, что искажает прогнозы и своевременное реагирование на них властных структур.

Предлагается регуляторам рынка и политикам больше обращать внимание на рост благосостояния домашних хозяйств и человеческого капитала, используя целый ряд международных индексов в сравнительной экономике, вместо ВВП.

Ключевые слова: финансы, услуги, валовый, продукт, индекс, кризис.

Согласно данным Европейского статистического бюро *Eurostat*, в Латвии ВВП на душу населения в 2002 году составил 35% от среднего по ЕС. В 2001 году этот показатель составлял 33%, а в 1995 – 26%. Вот вступили в ЕС, в 2006 году ВВП Эстонии вырос на 11,2%, Латвии – на 11,9 %, Литвы – на 7,5% по сравнению с предыдущим годом (*Eurostat*, январь 2017).

В декабре 2009 года ВВП Латвии составлял 57% от среднеевропейского, Эстонии – 67%. Однако затем последовало значительное

падение темпов роста, вплоть до сокращения ВВП. По итогам 2009 года все три государства Прибалтики оказались в пятёрке худших стран мира по динамике ВВП. ВВП Латвии в первом квартале 2009 года упал на 18%. Многие предприятия не выдержали кризиса и объявили о своем банкротстве. Правительство приняло решение о сокращении размера пенсий и социальных пособий в целях экономии. Латвия обратилась за помощью к международным финансовым структурам.

А вот сегодняшние реляции: в экономике Латвии, бесспорно, существуют предпосылки для экономического роста. Макроэкономические показатели стабильны. Латвийский ВВП стабильно растет последние пять лет.

В конце 30-х годов одним из активных разработчиков концепции ВВП был блестящий английский экономист Джон Мейнард Кейнс, который пытался подсчитать размер средств необходимых Великобритании для ведения войны против Германии. Экономическое планирование, вызванное потребностями войны, сохранилось и после войны, так как было необходимо для перестройки экономики. Первое издание руководства ООН по стандартам национальных счетов, обязательное для всех стран вышло в свет в 1953 году и содержало менее 50 страниц, а издание 2008 года содержит уже 722 страницы и 400 страниц комментариев к нему (Lequiller, Blades 2016).

Первый и основной принцип заключается в том, что измерять ВВП можно тремя способами. Можно суммировать либо выпуск по всей экономике в рыночных ценах, либо расходы по всей экономике, либо доходы. Чаще всего ВВП рассчитывается по расходам. Идея простая. ВВП — это сумма всего, что было израсходовано внутри национальной экономики. Как выразился ученик Кейнса Ричард Стоун, национальный доход — это не «голый факт», а «эмпирический конструкт» (Stone 1951). То есть это абстракция, которая достигла крайней степени сложности, поскольку на протяжении 50 лет дискуссии на этот счет не прерываются, а статистические стандарты продолжают усложняться.

Все проблемы расчета ВВП в одной статье не отразить, но основные дискуссии в Латвии идут вокруг услуг транзита и финансов. Но чтобы реально судить об этих статьях, надо четко понимать, что ВВП не является мерой благосостояния. ВВП измеряет выпуск, а не уровень социального благополучия людей, причем всего лишь за один

год и все. То есть он измеряет не запас активов на балансе у нации, а лишь поток доходов, расходов и производство.

Ведь ВВП — это макроэкономический показатель, отражающий рыночную стоимость всех конечных товаров и услуг (то есть предназначенных для непосредственного употребления), произведённых за год во всех отраслях экономики на территории государства для потребления, экспорта и накопления, вне зависимости от национальной принадлежности использованных факторов производства.

Однако в ряде стран с развитой демократией усомнились в отображении этим показателем реальной хозяйственной жизни. В феврале 2008 года президент Франции Николя Саркози обратился к нобелевским лауреатам по экономике Джозефу Стиглицу и Амартии Сену, а также выдающемуся французскому экономисту Жану-Полю Фитусси с предложением создать комиссию из ведущих экономистов для изучения вопроса о том, является ли ВВП надежным индикатором экономического и социального прогресса?

Комиссию создали и после нескольких лет работы пришли к главному выводу: использование рыночных цен при создании методов оценки экономического развития порочно в принципе (Stiglitz, Sen and Fitoussi 2010).

Лауреаты Нобелевской премии пришли к выводу, что рыночное производство не является мерилем благосостояния (Stiglitz, Sen and Fitoussi 2010). Смещение двух понятий приводит к ошибочным выводам о том, насколько хорошо живут люди и повлечёт за собой неверные политические решения. Уровень материальной жизни теснее связан с измерениями реального дохода и потребления — производство может расширяться, тогда как доход — падать и наоборот, если принять во внимание амортизацию, а также целый ряд показателей доходов, входящих и выходящих из страны.

Как измерить финансовый сектор — давняя головоломка для специалистов по национальным счетам. Например, в Великобритании и США финансовый сектор рос в последние полтора века быстрее, чем экономика в целом, однако, как установили британские экономисты, виновницей «экономического чуда» была лукавая статистика. Часто банки просто взимают с потребителей плату за оказываемую услугу и данные об их выручке служат для статистиков исходным шагом для измерения выпуска. Однако чаще всего банки продают услуги, за которые раньше никогда не брали платы или это вообще не было предусмотрено. Доля их прибыли в основном должна про-

исходить из разницы между процентной ставкой, получаемой по выданным кредитам и выплачиваемой по депозитам. Второй источник — торговля ценными бумагами. И поскольку статистики не могли себе представить, чтобы деятельность банков высасывала стоимость из экономики, вместо того, чтобы создавать оную, потребовалось создать способы измерения финансового посредничества. До 1953 года финансовые услуги носили отрицательный характер, поскольку процентные потоки средств рассматривались в качестве промежуточного потребления финансового сектора (ведь они просто удорожали продукцию и учитывались в цене товаров) и как следствие при расчете ВВП вычитывались из добавленной стоимости произведенных товаров и услуг.

Но под влиянием финансового лобби политики внедрили после 1993 года стандарт отчетности, по которому определяет практически все банковские услуги как независимые и производительные и поддающиеся измерению. По новым стандартам получалось, что банки занялись типичным видом экономической деятельности: точно так же как промышленное предприятие получает сырье и перерабатывает его в продукцию нужную потребителю с добавленной стоимостью, так и банки получают в депозиты деньги как сырье, «вешают» на себя риски и передают их заемщику под процент, то есть получается «добавленная стоимость» денег возникает благодаря трудовому энтузиазму банкиров, хотя для экономики представляет ценность не принятие на себя банком рисков, а управление ими. Активно продвигал идею «производительности» банков и долголетний председатель ФРС (Федеральной Резервной Системы США) Алан Гринспен, ставший во главе «новой парадигмы». Уже после отставки и разразившегося в 2008 году кризиса, Гринспен признал свои ошибки, понял, что финансовые рынки порождают не только иррациональный оптимизм, но и массовое мошенничество и манипулирование рынками, не говоря уже о полной потере нравственных идеалов, что и продемонстрировали алчные финансисты с ипотечными закладными и их производными в виде деривативов.

Одним из первых заговорил о проблеме трансформации общества под воздействием крупных банковских и других корпораций британский социолог Колин Крауч, который обратил внимание общественности на то, что начало XXI века ознаменовалось новым общественным договором. Возникшая новая модель — мощные банки и корпорации, относительно слабые правительства и пассивные граж-

дане — соответствует нарождающейся матрице властных отношений в неолиберальных обществах, в которое рядится и латвийская элита. В ней сохранились черты всеобщего благосостояния, одновременно она предусматривает получение монопольных прибылей банками и корпорациями, выделяющими ресурсы на установление и поддержание отношений с государственными чиновниками. Тем самым матрица потворствует опасному переплетению политической и экономической власти, что в свою очередь способствует углубляющемуся неравенству с точки зрения распределения власти и благосостояния. «Это фаустовский общественный договор, в соответствии с которым государства всеобщего благосостояния продали свои души», — утверждает Крауч (Крауч 2016).

Первой на себе примерила новый стандарт Великобритания в 2008 году — за окном бушевал кризис, а статистика ВВП уверяла, что финансовые услуги цветут буйным цветом — полнейший абсурд! Так сегодня и в Латвии чиновники с энтузиазмом твердят о каком-то росте ВВП, в прессе гуляют оптимистичные цифры, представленные банковскими аналитиками. И это при том, что число расчетных счетов в банковском секторе за последние пять лет сократилось более чем на 40%. Банки вводят новые платные услуги, например, за обслуживание счета, цена которой растет кратно каждый год или например за внесение наличных в банк; оплату заседания кредитных комитетов, где обсуждается вопрос заемщиков, пытаются получать доходы из отрицательных процентных ставок по депозитам и т.д. В Латвии были банки, где нерезидентские вклады составляли до 90% всех депозитов, а в целом по отрасли доля вкладов нерезидентов многие годы превышает 50%. Так в 2014 году на счетах нерезидентов было сконцентрировано 53% всех вкладов или 12,4 млрд. евро (Finanšu un kapitāla tirgus komisijas gada un darba pārskats 2015).

Необходимо отметить и общий вклад банковских нерезидентов в экономику Латвии. По данным исследования *KMPG Baltics*, в 2014 году доля финансового сектора в экономике составила 4,51%, а прямой вклад банковской отрасли в ВВП Латвии — 2,44%, причем около половины пришлось на нерезидентов (1,17% ВВП). Средний вклад одного работника банковской отрасли в ВВП составил 62 900 евро — это в 2,6 раза больше, чем в среднем по отраслям Латвии. Один местный клиент принес в 2014 году 44 400 евро, а один нерезидент — 112 900 евро. Роль банков в латвийской экономике можно проследить и через налоги, так банки, обслуживающие нерезидентов, за год запла-

тили 662 млн. евро налогами, а все сельское хозяйство — 65 миллионов (KPMG Research 2015).

И пока экономисты спорят о том, нужно ли вообще включать финансы в ВВП и что подразумевается под «производительной» деятельностью, финансисты вводят необоснованные услуги в банковском секторе, наращивают на них цены и дальше утверждают о неустойчивом росте латвийского ВВП? Например в Латвии за последние пять лет объем выданных кредитов упал более чем на два миллиарда евро, а вот депозиты выросли почти на пять миллиардов евро, поэтому банки и концентрируются на обслуживании этого актива, в прямую не создающего добавочной стоимости в стране (Eurostat, 20.02.2017).

Например статистика отражает непрерывный за последние пять лет рост ВВП более чем на 2% ежегодно. При этом как показывает латвийский платежный баланс за эти же пять лет объем предоставленных внутри страны производственных услуг упал более чем в три раза, в два раза упала плата за латвийскую интеллектуальную собственность (Latvijas Maksājumi Bilance 20.02.2017), Eurostat отмечает падение как экспорта, так и импорта за этот же период, число клиентских счетов в банках сократилось за последние пять лет более чем на 40% (Latvijas Komerbankas Asociācija 20.02.2017), зато по платежному балансу внутренние платные финансовые услуги выросли более чем на 30% (Latvijas Maksājumi Bilance 20.02.2017). Может эти «притянутые», но совершенно не создающие никакой добавленной стоимости услуги и вытаскивают наш ВВП? Вопрос сложный, так как требует серьезных исследований, но скорее отражает реальную действительность.

Определенный объем экономической деятельности ускользает от законодательства в любой стране и существует много способов ее оценки: например, посмотреть на использование наличных денег. В развивающихся странах существенная доля ВВП укрыта от налогов и регулирования. В развитых странах эта доля колеблется от 7% ВВП в США и 8% в Швейцарии до 20% в Италии и 25% в Греции, в «переходных» экономиках доля теневой экономики составляет 21–30%. (Some New Facts by Friedrich Schneider 2012). Так вот в Италии решили проблему просто: скорректировали ВВП на размер неформальной экономики, что сначала вызвало возражения и споры, но они быстро утихли. Сегодня целый ряд стран осуществляет аналогичную корректировку. Теневая занятость, в основном опосредованная наличными расчетами, скрытая от налогов и регулирования, но создающая про-

дукт, была помещена в итальянском ВВП в раздел сферы производства. Так что у латвийского ВВП есть реальный резерв роста с учетом «теневой экономики», куда будут выталкиваться ресурсы малого бизнеса при условии, если в Латвии будут повышаться налоги и ужесточаться регулирование трудовых отношений. Так же наивно пытаться ограничить теневую экономику обращением наличных денег, ведь рынок за прошедшие века доказал, что способен саморегулироваться и даже самоутверждаться при любых властях и народах, так что властям надо учиться искать «золотую середину», а не подменять либеральные условия «игры» на бюрократические! Как утверждает ряд европейских экономистов, главной движущей силой, определяющей размер и развитие теневой экономики, является рост налогового бремени и отчислений на социальное страхование, наряду с ужесточением регулирования на рынке труда (Some New Facts by Friedrich Schneider 2012). То есть теневая экономика создает рабочие места, в отличие от усилий государства регулировать рынок труда.

А пока Латвия под гнетом глобальных структур скудеет трудовыми ресурсами, хочу заметить, что по разным оценкам в мире пролетариат насчитывает от двух до трех миллиардов населения. Не следует забывать и об огромном населении трущоб, которое во всем мире растет чрезвычайно быстрыми темпами. Если даже эти люди и не подвержены обычной эксплуатации, то, несомненно, экономически они угнетены, что подтверждает извечную мысль социалистов о том, что рынок безнравственен, а парламент и государство всегда представляют интересы собственников. В Латинской Америке в теневой экономике в настоящее время занято более половины рабочей силы и они составляют наиболее быстро растущую общественную группу на планете. Она формирует неофициальный пролетариат, который показывает себя вполне способным к политической организации; и если он восстанет против условий жизни, в которые по существу его загнал рынок и глобализация, то мировая неолиберальная система несомненно будет потрясена до основания, несмотря на утверждения либеральных политиков и ученых мужей о якобы размывании классовой сущности современного информационного общества.

ВВП возник на базе подготовки к войне и ликвидации послевоенной разрухи, сегодня он совершенно не отражает благосостояние населения, если мы конечно собираемся процветать, а не воевать. Даже разнесение ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) у практикующих экономистов вызывает со-

мнение, потому что исследования подтверждают гипотезу, что паритет на основе ППС занижает международные различия в уровне жизни. Причин тут много и главное, что до сих пор нет уверенности, что в странах с низкими доходами адекватно отражаются цены потребительских корзин, причем все это проходит через обменные курсы валют и корректировочные индексы, которые скорее искажают картину, чем ее дополняют.

Сегодня, если посмотреть на статистику Eurostat по уровню цен по паритету покупательной способности (англ. *purchasing power parity*) Латвия превышает уровень Чехии, далеко опережая Литву, Польшу, Венгрию, не говоря уже про Болгарию и Румынию, а вот по уровню того же ВВП на душу населения скромно примостилась на задних скамейках статистической линейки, отставая от той же Чехии на двадцать процентных пунктов. Если проще — наши доходы совершенно не соответствуют сложившимся в стране ценам, что резко ограничивает потребительскую способность населения. Поэтому поступление налогов от НДС в бюджет последние четыре года фактически не растет, потому что не растет внутреннее потребление.

При этом у той же Чехии, Польши и Венгрии остались собственные национальные валюты, которыми они еще могут подстегнуть бюджетные поступления, ограничивать цены или простимулировать экспорт.

Уже через год после начала хождения евро начался дисбаланс в таких странах, как Португалия, Ирландия, Греция и Испания, у которых резко стал расти государственный долг.

У каждого из этих государств во время кризиса возникла опасность обрушения финансово-банковской системы. Решить проблему можно было **двумя путями** — либо взять огромные кредиты у «тройки» (ЕЦБ-МВФ-Европейская Комиссия), либо покинуть еврозону. Однако оба этих варианта на деле являлись просто отсрочкой накопившихся проблем.

В первом случае происходит резкое увеличение госдолга, для возврата которого потребуются «затянуть пояса» экономик стран-должников. Экономический аскетизм никогда еще не способствовал развитию производства — все зарабатываемые деньги идут на выплаты долгов и процентов по ним, фонды развития получают крохи, так что об ускорении развития и заметном увеличении ВВП говорить не приходится.

Второй случай можно назвать выстрелом еврозоны себе в ногу — уходящие должники фактически становятся заемщиками, которые никогда не смогут вернуть взятые кредиты, что только добавит проблем.

Все четыре названные выше страны выбрали первый путь и теперь ежеквартально их министры экономики рапортуют о десятых долях процента роста ВВП, достигнутых иногда за пару месяцев. Для того чтобы этих десятых долей добиться, правительствам приходится вновь кредитоваться, попутно сокращая отчисления на медицину, образование и соцобеспечение — в результате всего этого круговорота государственный долг продолжает расти и в большинстве случаев опережающими по сравнению с ростом ВВП темпами. Так что все восклицательные заявления политиков этих стран об увеличении объема внутреннего валового продукта всего на 2% служат лишь пропагандистским целям, а не реальному процессу повышения благосостояния населения.

Пока внимание ЕЦБ было целиком сосредоточено на этих странах, обострились еще две проблемы: зашкалили долги при почти полной остановке роста экономики у Франции и Италии. Государственный долг первой вот-вот коснется отметки 100% ВВП, второй — превышает 130%. (Eurostat, GDP 20.02.2017) Добавлю, что по Маастрихским критериям конвергенции, которые приняли все члены ЕС, норматив государственного долга должен быть не более 60%. То есть выполнять эти критерии «локомотивы» ЕС не намерены?

Теперь, многим понятно, что сам по себе ВВП порочен как показатель, тучный рост которого надувался часто спекулятивными ценами на недвижимость, да еще и финансовыми услугами, не обеспечивающими добавленную стоимость.

Кстати комиссия Саркози сразу обратила внимание, что имеющиеся национальные счета показывают, что в ряде стран ОЭСР реальный доход домохозяйства рос совершенно иначе, чем ВВП на душу населения, и, как правило, БОЛЕЕ НИЗКИМИ ТЕМПАМИ. Кроме того, существенная часть экономической деятельности протекает вне рынков и зачастую не отражается в национальных счетах.

Кроме того, комиссия пришла к неутешительным выводам, что выпускаемая продукция в рыночных ценах может быть не востребована и исказить реальную статистику, нет еще реальных методик измерения стоимости досуга населения, для некоторых активов не существует рынков, на которых ими можно торговать, нет серьезного

и выверенного учета услуг и товаров, которые домохозяйства сами оказывают друг другу, например, ежедневные поездки на работу или присмотр за соседскими детьми или престарелыми людьми. При этом, поскольку ВВП охватывает только денежные транзакции, новые бизнес-модели не поддаются точному измерению, как и новые виды услуг, бесплатные, но приносящие большую ценность для потребителей. Например, главный экономист Google Хэл Вэриан считает, что бесплатный поиск в Google приносит пользователям ежегодно 150 млрд. долларов дохода (Mandel M, October 2012).

По мнению экспертов, нельзя считать услуги по отраслям скопом, то есть занятия преподавателя со студентом выпускником и первокурсником это разные по стоимости услуги, лечение разных болезней так же имеют разные стоимости. А это все инвестиции в человеческий капитал.

Лауреаты Нобелевской премии считают, чтобы знать, что происходит с экономикой, нужно точно определить изменения в уровне богатства. Поэтому они предлагают рассматривать доход и потребление совместно с богатством. Измерение богатства должно занимать центральное место при измерении устойчивости. То, что переходит в будущее, должно быть представлено в виде запасов — физического, природного, человеческого или социального капитала. Кроме того, предлагается в расчетах делать акцент на домохозяйства и начать определять доход в рыночных сферах.

На самом деле давно звучит идея о необходимости разработать индекс благосостояния в отличие от ВВП, измеряющего только выпуск. Например, уже многие используют Индекс человеческого развития (ИЧР), который был впервые опубликован в 1990 году и вошел в широкое применение среди экономистов. Данная инициатива представляет собой попытку свести воедино международно измеримые показатели благосостояния в соответствии с рекомендациями Комиссии Стиглица-Сена-Фитусси (Joseph E. Stiglitz, Amartya Sen and Jean-Paul Fitoussi 2010), созданной по инициативе президента Франции Николя Саркози.

Самый зрелый индекс — это индекс лучшей жизни ОЭСР, в наглядной форме представляющий относительный рейтинг стран по 11 составляющим, начиная от дохода и заканчивая балансом работы и отдыха людей, их жилищными условиями и состоянием экологии (Better Life Index).

В основу Индекса положены не субъективные оценки экспертов, а реальные числовые показатели, взятые из официальных источников, поэтому считается, что он относительно объективен и поддается верификации. ИЧР имел свои недостатки, что откровенно признавали его составители: в частности, он опирался на национальные средние показатели, которые скрывали асимметричность распределения благ, и поэтому во многих случаях мог не отражать реального положения дел в исследуемых странах. Кроме того опять приходится иметь дело с ВВП на душу населения, куда в определенной степени примешиваются оценки «непроизводительных» финансовых услуг.

Экономисты в своей работе активно используют индекс конкурентоспособности стран, отражающий главные экономические показатели. Индекс глобальной конкурентоспособности составлен из 113 переменных, которые детально характеризуют конкурентоспособность стран мира, находящихся на разных уровнях экономического развития. Совокупность переменных на две трети состоит из результатов глобального опроса руководителей компаний (чтобы охватить широкий круг факторов, влияющих на бизнес-климат в исследуемых странах), а на одну треть из общедоступных источников (статистические данные и результаты исследований, осуществляемых на регулярной основе международными организациями). Для каждой из экономик, охваченных исследованием, отчёт содержит детальные описания страны и национальной экономики с подробными итогами по общей позиции в рейтинге и по наиболее выдающимся конкурентным преимуществам и недостаткам, которые были выявлены на основании анализа, используемого для расчёта индекса. В докладе также содержится подробный статистический раздел с таблицами рейтингов по различным индикаторам. В отчёт также включены тематические разделы, посвящённые более детальному исследованию ряда стран и регионов.

Рейтинг глобальной конкурентоспособности 2016 года вновь возглавила Швейцария, которая занимает первое место уже восьмой год подряд. Второе место, как и в прошлом году, занимает Сингапур, а третье – Соединённые Штаты Америки, которые по-прежнему остаются мировым лидером в обеспечении инновационных продуктов и услуг. Далее в десятке лидеров рейтинга: Нидерланды, Германия, Швеция, Великобритания, Япония, Гонконг и Финляндия (Global Competitiveness...).

Самое интересное, что новые индексы совершенно меняют картину мировых рейтингов, уводя крупнейшие экономики с первых мест.

Политики, которые пропагандируют новые реформы, должны опираться уже на более совершенные и проверенные индексы, чтобы реальные обещания можно было подтвердить реальными цифрами роста благосостояния населения, а не валовыми показателями типа ВВП, которые были присущи странам бывшего советского блока и где скрывались реальные цифры качества жизни. Людвиг фон Мизес, ведущий теоретик западного либерализма, подчеркивал, что либерализм стремиться дать людям лишь одно: «Мирный спокойный рост материального благополучия для всех, чтобы защитить их от внешних причин боли и страданий, насколько это находится во власти общественных институтов» (Людвиг фон Мизес 2001). Он же с беспокойством подчеркивал, что человек должен иметь время для общения с собой, поэтому место капитализма должна занять другая экономическая система, которая не гоняется без устали за новинками и новизной. Сразу после первой мировой войны Мизес заметил, что либеральные идеи и программы вытеснены социализмом, национализмом, протекционизмом, империализмом, этатизмом и милитаризмом. А ведь это видение проблем либерализма 20-х годов прошлого века очень характерно и для дней сегодняшних. Отход от сравнения стран по военным лекалам ВВП, переход к измерению реального благополучия людей, нам кажется верным движением к реальному либеральному обществу.

Библиография

- Eurostat 20.02.2017: GDP. Available: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tipsau10&plugin=1> (accessed on: 01.06.2017)
- Export. Available: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tet00003&plugin=1> (accessed on: 01.06.2017)
- Import. Available: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tet00004&plugin=1> (accessed on: 01.06.2017)
- Comparative price levels. Available: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tec00120&plugin=1> (accessed on: 01.06.2017)
- GDP per capita PPS. Available: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tec00114&plugin=1> (accessed on: 01.06.2017)

- General government gross debt. Available: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tipsgo20&plugin=1> (accessed on: 01.06.2017)
- Human development Index. Available: <http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info> (accessed on: 01.06.2017)
- Global Competitiveness Index. Available: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index/> (accessed on: 01.06.2017)
- Better Life Index. Available: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/> (accessed on: 01.06.2017)
- Finanšu un kapitāla tirgus komisijas 2015. gada un darbības pārskats, 13 lpp. Available: http://www.fktk.lv/attachments/article/5812/FKTK_GP_2015_lv.pdf (In Latvian)
- Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.P. (2010) *Mis – measuring Our Lives Why GDP Doesn't Add Up*, The report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress, New York: The New Press. (In English)
- KPMG Baltic research: Available: <http://lka.org.lv/lv/aktualitates/jaunumi/jaunumi/infografika-kopeejais-banku-nozares-devums-latvijaa-451-no-ikp/> (In Latvian)
- Krauch K. (2016) *Kak sdelat kapitalizm priemlim dlya obschestva* per. s angl., M. Izd. dom Visshei shkoli ekonomiki, str. 34 (In Russian)
- Latvijas Komerbankas Asociācija. Aktīvi. Available: <http://lka.org.lv/lv/statistika/aktivi.html> (In Latvian)
- Latvijas Komerbankas Asociācija. Pasīvi. Available: <http://lka.org.lv/lv/statistika/pasivi.html> (In Latvian)
- Latvijas Maksājumi Balance. Available: https://www.bank.lv/images/stories/pielikumi/publikacijas/LMB_2015.pdf (accessed on: 01.06.2017)
- Lequiller F., Blades D. (2006) *Understanding National Accounts*, Paris: Organization for Economic Cooperation and Development. (In English)
- Lyudvig fon Mizes (2001) *Liberalizm*. M. Izd. "Ekonomika", str. 183 (In Russian)
- Mandel M. (2012) *Beyond Goods and Service: The (Unmeasured) Rise of Data-Driven Economy/ Progressive Policy Institute Policy Memo*. (In English)
- Size and Development of the Shadow Economy of 31 European and 5 other OECD Countries from 2003 to 2012: Some New Facts by Friedrich Schneider (In English) Available: http://www.econ.jku.at/members/Schneider/files/publications/2012/ShadEcEurope31_March%202012.pdf (accessed on: 01.06.2017)
- Stone R. (1951) *The Role of Measurement in Economics*, Cambridge, Cambridge University Press, p. 9. (In English)

The Problems of Real Economic Growth Display

Summary

The main attention is paid to the criticism of the use of gross domestic product (GDP) in assessing the economic development of the countries of the world! According to the author, accounting for financial services leads to a distortion of the real development of countries, the role of welfare of households and development of the individual is shifted to the second plan.

Assessments of international experts dealing with this issue are given. Attention is drawn to the erroneous opinion of market regulators that when accounting for financial services considered productive, which leads to erroneous estimates of the state of the economy, capable of causing crisis phenomena in the world economy.

Based on the erroneous indicators, market regulators create the possibility of an increase in speculative financial operations on the market, which stimulate crisis phenomena. Wrong assessments of the development of the economy do not allow market regulators to really assess fiscal policy, creating conditions for the growth of the “shadow economy,” which has an ambiguous effect on the growth of the gross domestic product, which is still considered the main measure of the effectiveness of national economies.

On the example of the Latvian economic system, the article analyzes negative trends in the economy, which are practically not taken into account in the country’s development forecasts, which distorts forecasts and timely response to them of power structures.

It is suggested that market regulators and politicians pay more attention to the growth of welfare of households and human capital, using a number of international indices in the comparative economy, instead of GDP.

Key words: finance, services, gross, product, index, crisis.

*Елена Ванкевич, Елена Коробова,
Ольга Зайцева (Беларусь)*

ЗАНЯТОСТЬ И БЕЗРАБОТИЦА МОЛОДЕЖИ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ ЛАТВИИ И БЕЛАРУСИ: ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА

Исследование проведено в рамках научно-исследовательской работы «Предупреждение молодежной безработицы в приграничных регионах Латвии и Беларуси в условиях выхода из кризиса», проводимого специалистами Витебского государственного технологического университета (Республика Беларусь) при финансовой поддержке Белорусского Республиканского фонда фундаментальных исследований в содружестве со специалистами Института социальных исследований Даугавпилсского Университета (Латвия). В работе установлены общие характеристики занятости и безработицы молодежи Витебской области (Республика Беларусь) и Латгалии (Латвия), выделены отличия. Обоснованы общие направления содействия эффективному трудоустройству молодежи в современных условиях.

Ключевые слова: занятость, безработица, молодёжь.

Введение

Для большинства стран и правительств вопросы занятости молодежи являются приоритетным направлением политики занятости населения. При этом молодежь оказывается наиболее уязвимой категорией на рынке труда — уровень безработицы среди молодежи устойчиво выше общего уровня безработицы и безработицы среди взрослого населения в большинстве стран. В странах ЕС 28 уровень безработицы среди молодежи в 2015 году составил 20,3% (в 2001 году — 17,7%), а общий — 8,3% (ec.europa.eu). Европейские страны добились улучшения данного показателя за 2013–2015 годы, но в некоторых странах он превышает 30-процентный рубеж (Испания, Греция, Италия, Кипр, Румыния, Португалия). В среднем уровень молодежной безработицы более чем в два раза превышает общий уровень безработицы. Такая ситуация объясняется тем, что рынок труда молодежи, как сегмент совокупного рынка труда, имеет свою специфику в механизмах формирования спроса, предложения на нем и институциональном строении. Особую актуальность проблемы молодежной безработицы приобретают в приграничных регионах, так как они, с одной

стороны, находятся на периферии своей страны (где, как правило, сложнее найти работу, чем в центре), а с другой стороны, вопросы близости других государств могут оказывать влияние на интенсивность трудовой миграции и трудовые установки молодых людей. В целях регулирования ситуации на молодежном рынке труда и минимизации обозначенных кадровых рисков необходимо иметь четкое представление о факторах, вызывающих риск молодежной безработицы, причинах незанятости молодежи, намерениях и готовности к трудоустройству.

Методологические подходы к исследованию: достигнутые результаты

В настоящее время возрос научный и практический интерес к проблемам молодежного рынка труда. Инициатива по трудоустройству молодежи, которая была предложена ЕС, направлена на поддержку молодых людей в получении образования, занятости. Бюджет этой Инициативы составляет 6 миллиардов евро на 2014–2020 годы. Кроме того, ЕС разработало План реализации гарантий для молодежи, чтобы помочь молодым людям получить хорошее образование и найти подходящую работу. Поэтому очень серьезные усилия были направлены на решение этой проблемы. Теоретические предпосылки проблема молодой безработицы показывает, что для этого есть много причин — ведь рынок труда молодежи имеет свои особенности.

Рынок труда молодежи как сегмент совокупного рынка труда имеет свою специфику в механизмах формирования спроса, предложения на нем и институциональном строении.

Со стороны предложения труда, на рынке труда молодежи основными отличиями выступают:

- 1) сниженная конкурентоспособность молодежи на рынке труда. Это обусловлено не только возможным отсутствием опыта работы, трудового стажа, образования, но и наличием дополнительных институциональных прав, которые повышают транзакционные издержки при найме и увольнении на данном сегменте рынка труда,
- 2) высокий риск информационной асимметрии при найме молодого работника — на это обращают внимание эксперты МОТ, Европейской Комиссии, ООН (Global Employment trends for Youth 2013; Being young in Europe today 2015; The OECD action plan for Youth 2013). Иногда это вызвано завышенной самооценкой выпускни-

- ком своего профессионально-квалификационного уровня и, как следствие, необоснованно завышенными требованиями к уровню заработной платы, рабочему месту (Разумова 2007); иногда — отсутствием у части молодых людей опыта самоопределения на рынке труда, умения социализации и адаптации, что затрудняет вхождение в коллектив и снижает эффективность трудоустройства;
- 3) повышенная мобильность молодежи как одна из причин высокой безработицы (Рошин, Слесарева 2012), короткий срок пребывания на рабочем месте (Youth in New Zeland Labour Market 2009), мобильность как образ жизни молодежи (Меньшиков 2014; Меньшиков 2015), что формирует высокий риск инвестиций в человеческий капитал молодых работников;
 - 4) стремление к накоплению избыточного образования, что сопровождается повышением числа обучающихся по программам высшего образования. В итоге, это обуславливает появление дисбалансов между рынком образовательных услуг и рынком труда, рост длительной безработицы, миграцию; расширение совмещения учебы и работы (Разумова 2007; Ванкевич 2010);
 - 5) неравномерное межсекторальное и отраслевое распределение предпочтений молодежи при трудоустройстве. Наблюдается снижение привлекательности занятости в сельском хозяйстве, индустриальном секторе, рост привлекательности для трудоустройства (и, соответственно, предложения рабочей силы) в секторе услуг, сфере управления, что сказывается на выборе специальности абитуриентов и формировании профессионально-квалификационной структуры выпускников (Ванкевич 2010, Ляшок, Рошин 2016).

Ряд исследователей проблему молодежной безработицы видят *со стороны спроса на труд*. В силу сегментированности рынка труда¹, для молодых работников в большей степени открыт вторичный сегмент, представленный рабочими местами низкого качества, слабо защищенными, требующими невысокой квалификации и соответственно, с низким уровнем заработной платы (Рошин, Слесарева 2012). Поэтому «среди работающей молодежи выше доля занятых в неформальном секторе», чем в среднем по стране (Ляшок, Рошин 2016).

¹ Сегментированность рынка труда — процесс выделения на нем относительно обособленных частей, на которых действуют специфические особенности в механизмах формирования спроса и предложения труда.

Причинами ограничения спроса на молодых работников могут быть:

- высокий риск инвестиций в человеческий капитал за счет повышенной мобильности и риска оппортунистического поведения молодого работника, вследствие чего к найму молодых работников в большей степени склонны крупные и успешные предприятия, так как им проще перераспределить и нивелировать эти риски (Рошин, Слесарева 2012), На это обратил внимание Дж. Стиглиц, отметив, что «политика консервативных правительств «строгой экономии» преследует цель максимально удешевить рабочую силу для бизнеса — отсюда либерализация трудового законодательства, облегчение увольнений и вечные стажировки, «общественные работы» рабского образца для молодежи» (цит. по Эрман 2015). Поэтому часто молодежь приглашается на рабочие места низкого качества — с невысоким уровнем заработной платы, плохими условиями труда, скромным социальным пакетом, гарантиями занятости, временной занятостью (в условиях отсутствия постоянного работника). Соответственно, растут параметры временной, неполной занятости среди молодежи (Разумова 2007);
- наличие дискриминации на рынке труда — то есть наниматель ранжирует работников по какому-либо признаку и предпочитает найм иных работников по сравнению с молодежью.

Таким образом, в экономической литературе созданы теоретико-методологические подходы к пониманию механизма формирования молодежного рынка труда и объяснению его основных результатов (уровень занятости и безработицы среди молодежи). Одновременно, при глубокой проработке отдельных аспектов проблем молодежного рынка труда, исследований его особенностей в приграничных территориях крайне мало.

Научная новизна исследования состоит в проведении компаративного анализа проблем молодежной занятости в приграничных регионах страны — члена ЕС (Латвия) и страны, не являющейся членом ЕС (Республика Беларусь) по согласованным методическим подходам для выявления особенностей занятости молодежи в традиционно рыночной и переходной экономиках, определения общих характеристик и отличий в решении проблем занятости молодежи.

Научная гипотеза исследования состоит в том, что независимо от исходной базы формирования, молодежный рынок труда имеет свои

отличия, что в условиях глобализации экономики диктует необходимость выработки схожих и согласованных решений для уменьшения молодежной безработицы.

Эмпирическое исследование занятости и безработицы среди молодежи в приграничных регионах Беларуси и Латвии

При исследовании проблем молодежной безработицы в приграничных регионах предметом особенной важности является формирование эмпирической базы исследования. В Республике Беларусь безработным считается трудоспособный гражданин в трудоспособном возрасте (женщины — в возрасте 16–58 лет, мужчины в возрасте 16–63 года), не имеющий работы и заработка, который зарегистрирован в органах занятости населения в целях поиска подходящей работы, ищет работу и готов приступить к ней. В странах ЕС (и в Латвии в том числе) учитывают фактически безработных — согласно резолюции МОТ 1982 г. это лица в возрасте 15–74 года, которые не имеют работы, активно ищут ее и готовы приступить к работе в течение двух недель. То есть здесь база намного шире. Это объясняет несопоставимость результатов расчета уровня безработицы в странах ЕС и в Республике Беларусь. При исследовании проблем молодежной безработицы также следует учесть, что нет отдельной статистики приграничных регионов. Сложно оценить ценностные ориентиры и трудовые установки молодежи.

Поэтому эмпирическая программа исследования молодежного рынка труда в рамках данной работы основана на опросе молодых людей в возрасте 15–29 лет², проживающих в приграничных регионах двух стран: Витебской области Республики Беларусь и региона Латгалии Латвии.

В основу анкеты положена методология обследования домохозяйств МОТ, методология Всемирного Банка при постановке мониторинга экономики и здоровья населения, основные методологические допущения Labour Economics и теории мобильностей Дж. Урри (Меньшиков 2014).

² В соответствии с принятой классификацией Международной организации труда и перечнем Ключевых показателей рынка труда (KILM 10 – Youth unemployment), к молодым людям относят лиц в возрасте 15–24 года, к молодым взрослым — в возрасте 25–29 лет [Being young in Europe today, 2015].

Анкета включает 7 блоков вопросов: 1 блок — сведения о респонденте, 2–5 блоки — занятость и безработица (состояние занятости, поиск работы, навыки и квалификация, дистанционная занятость), 6 блок — приграничное положение региона и занятость, 7 блок — отношение к мобильности за рубежом³.

Основными целями опроса являются:

- формирование информации о проблемах занятости в приграничных регионах;
- получение информации о причинах незанятости молодежи, намерениях и готовности к трудоустройству, индивидуальных характеристиках молодых людей, способствующих эффективному трудоустройству (мобильность, уровень образования, компетентность, способность к развитию и пр.), а также о необходимых мерах помощи в трудоустройстве молодежи со стороны институтов регионального рынка труда.

Основные понятия определены в соответствии с подходами МОТ.

Генеральной совокупностью являются лица в возрасте 15–29 лет, проживающие на приграничных территориях Латвии (Латгалия) и Республики Беларусь (Витебская область). Размер генеральной совокупности оставил 282,4 тыс. чел., в том числе: 226,7 тыс. чел. Витебская область Республики Беларусь (Половозрастная структура населения, 2015), 55,6 тыс. чел. регион Латгалия Латвии. Выборочная совокупность сформирована с помощью случайного бесповторного отбора. Ее объем составляет 414 респондентов (307 — Витебской области Республики Беларусь и 107 Латгалии (Латвия)⁴.

Структура выборочной совокупности по полу, возрасту и месту жительства (город-село) соответствует генеральной совокупности.

В Витебской области Республики Беларусь нет отдельной статистики молодежной безработицы. Удельный вес лиц в возрасте 16–30 лет в численности лиц, обратившихся в органы государственной службы занятости, в 2015 году составил 34,6%, а среди зарегистрированных безработных 21,42% были в возрасте до 30 лет. Согласно статистическим данным, уровень занятости молодежи в Витебской области Республики Беларусь составляет 39,45%, а уровень зарегистрированной безработицы 0,97%.

³ В рамках данной статьи анализируется только 2–5 блоки.

⁴ Доверительная вероятность расчетов 95%, погрешность $\pm 5\%$.

В Латвии уровень молодежной безработицы (в возрасте до 25 лет) оценивается в 2015 году в 16,3% (ec.europa.eu) (в 2011 году он составлял 31%). Но следует учесть, что данные по Беларуси и Латвии не сопоставимы, поскольку рассчитаны по разным методическим подходам. Нет отдельно статистики Латгалии как приграничного региона.

В результате исследования, уровень занятости молодежи в Витебской области оценен в 48,9%, в Латгалии — 37,4%⁵. Уровень безработицы составил 34,4% в Латгалии, в Витебской области — 24,7%⁶. Таким образом, фактический уровень безработицы среди молодежи в Беларуси выше ее зарегистрированного уровня и по значению сопоставим с уровнем в отдельных странах с рыночной экономикой.

По статусу занятости ответы респондентов распределились следующим образом: в Витебской области 34,2% работают в организациях; 2,3% являются предпринимателями; 1% работают без регистрации предпринимательской деятельности; 0,3% заняты в личном подсобном хозяйстве. Не работают и не учатся 6,2%, из них 5,5% — временно не работают, ищут работу и готовы к ней приступить в течение 2 недель, 0,7% — не ищут работу и не хотят работать. Респонденты Латгалии в основном представлены учащимися (74,8%). 43,4% — обучаются на дневной форме обучения в учреждениях образования различного уровня подготовки; 5,2% — занимаются домашним хозяйством, уходом за другими членами семьи, воспитывают детей, 5,5% заняты в организациях, 17,8% временно не работают, в том числе 15,9% ищут работу и готовы к ней приступить.

Среди обучающихся на дневной форме обучения 44,3% респондента Витебской области имели постоянную работу, 7,8% — время от времени подрабатывали, 8,5% — работали только на каникулах. Таким образом, можно отметить достаточно высокий уровень трудового участия учащейся молодежи. В Латгалии 15% обучающихся имели постоянную работу, 20,6% подрабатывали время от времени, 24,3% — только на каникулах. Соответственно, 30,3% опрошенных в Витебской области и 32,7% в Латгалии не работали во время учебы. Имели работу, приносящую доход, 37,4% опрошенных молодых людей в Латгалии и 47,6% в Витебской области.

⁵ Уровень занятости рассчитан как отношение численности занятых в возрасте 15–29 лет к численности населения в возрасте 15–29 лет.

⁶ Уровень безработицы рассчитан как численность лиц в возрасте 15–29 лет не имеющих работу, ищущих ее и готовых к ней приступить немедленно, к численности экономически активного населения в возрасте 15–29 лет.

Основным каналом трудоустройства молодые люди в Витебской области назвали самостоятельные усилия (непосредственное обращение на предприятие, Интернет, собственный бизнес) – 17,3% (11,2% в Латгалии); помощь родственников, знакомых – 12,3% (16,8% в Латгалии) (таблица 1). С приграничным положением региона работа связана для 3,3% респондентов Витебской области и 9,3% Латгалии.

Таблица 1

Основные каналы трудоустройства, в процентах

	Витебская область	Латгалия
Распределение в учреждении образования	8,5	–
Помощь родственников, друзей, знакомых	12,3	16,8
Самостоятельные усилия (посредством сети Интернет, создание собственного бизнеса, непосредственное обращение в отдел кадров предприятия, организации)	17,3	11,2
Приглашение руководства или сотрудников этого предприятия, организации	3,9	0,9
Помощь государственной службы занятости или бюро по трудоустройству	1,0	1,9
Помощь негосударственных организаций по трудоустройству	0	0

Источник: составлено авторами по данным научно-исследовательского проекта «Предупреждение молодежной безработицы в приграничных регионах Латвии и Беларуси в условиях выхода из кризиса»

Для поиска работы и трудоустройства основными предпринимаемыми действиями были: поиск работы через газеты или другие средства массовой информации, Интернет (36,1% опрошенных в Витебской области и 29% в Латгалии); обращение к друзьям, родственникам, знакомым – 27,4%, и 32,7% соответственно непосредственное обращение к администрации (нанимателю) – 9,4% и 4,7%; обращение в службу занятости – 3,9% и 15,9%. То есть в Латгалии значительно больше молодых людей (среди опрошенных) ищут обращаются за помощью при поиске рабочих мест в органы государственной службы занятости.

Основными трудностями в процессе поиска работы молодые люди отметили (таблица 2): – отсутствие стажа работы по профессии; – отсутствие вакансий по профессии по месту жительства; – ген-

дерная и возрастная дискриминация. Также значимыми трудностями отмечены нежелание работодателей брать на себя обязательства по обеспечению гарантий и прав выпускника учреждения образования, имеющего статус молодого специалиста и инвестировать в молодого специалиста для формирования у него необходимых компетенций.

Таблица 2

**Оценка респондентами трудностей при поиске работы,
в процентах**

	Витебская область	Латгалия
Отсутствие стажа работы по профессии	30,6	38,3
Гендерная дискриминация	1,6	0,0
Возрастная дискриминация	11,7	15,0
Отсутствие вакансий по профессии по месту жительства	17,9	20,6
Нежелание работодателей брать на себя обязательства по обеспечению гарантий и прав выпускника учреждения образования, имеющего статус молодого специалиста	4,9	5,6
Несоответствие полученных в учреждении образования знаний и навыков реальным требованиям работодателей	5,2	4,7
Нежелание работодателей инвестировать в молодого специалиста для формирования у него необходимых компетенций	4,6	0,9
не испытывал трудностей	0,3	1,8

Источник: *составлено авторами по данным научно-исследовательского проекта «Предупреждение молодежной безработицы в приграничных регионах Латвии и Беларуси в условиях выхода из кризиса»*

В наибольшей степени при трудоустройстве молодые люди рассчитывают на себя и собственные усилия (37% респондентов Витебской области и 45,8% Латгалии), на помощь родителей и знакомых — 12,1% и 36,4%. Распределение в учреждении образования только 2,9% респондентов Витебской области отметили как значительную помощь, в основном его оценили как незначительную помощь или нейтрально (таблица 3). Практически аналогично оценены усилия органов государственной службы занятости в этом направлении, кадро-

вых агентств и ярмарок вакансий. В Латгалии эти каналы содействия в трудоустройстве оценены как более значимые.

Таблица 3

Оценка респондентами наиболее значимых источников содействия при поиске работы, в процентах

	Значительно, в %	Витебская область	Латгалия
1 Самостоятельно		37	45,8
2 Помощь родителей и знакомых		12,1	36,4
3 Помощь государственной службы занятости		2,9	16,8
4 Кадровые агентства		4,1	15,0
5 Ярмарки вакансий		3,3	12,1
6 Распределение		2,9	0

Источник: составлено авторами по данным научно-исследовательского проекта «Предупреждение молодежной безработицы в приграничных регионах Латвии и Беларуси в условиях выхода из кризиса»

Наиболее предпочтительными вариантами трудоустройства являются: занятость собственным бизнесом – так считают 28% опрошенных в Витебской области и 37,4% в Латгалии, уехать работать за рубеж – 23,5% и 28% соответственно, трудоустроиться на крупное государственное предприятие – 15,6% и 26,2% в Латгалии, на частное предприятие – 13,7% в Витебской области и 16,8% в Латгалии. Продолжить обучение в магистратуре, аспирантуре планируют 4,9% респондентов Витебской области и 13,1% Латгалии. В Витебской области 2% респондентов ответили, что вообще не хотят работать, в Латгалии – 1,9%.

При оценке необходимых форм содействия в трудоустройстве со стороны субъектов рынка труда молодежь оценивала действия государственной службы занятости, органов государственного управления, учреждений образования и предприятий. Исследование показало, что у молодежи обоих регионов сходные ожидания от действия субъектов инфраструктуры молодежного рынка труда – поскольку действия всех участников оценены как значимые, и по отдельным направлениям деятельности при ранжировании мнение молодежи в обеих сторонах границы совпало. От учреждений образования в первую очередь ожидается содействие в прохождении практики и налаживании контактов с нанимателями, от самих нанимателей – более

заинтересованное отношение к студентам во время практики, от государственной службы занятости — организация нестандартных форм занятости для молодежи, от органов государственного управления — консолидация всех участников рынка труда. Несколько различаются позиции молодежи в отношении видения роли и услуг государственной службы занятости и органов государственного управления. Респондентами Витебской области высказано пожелание в разработке среднесрочных прогнозов потребности в специалистах в профессионально-квалификационном и территориальном разрезе, их трансляция всем заинтересованным сторонам. Эту функцию в каждой стране выполняет так называемая Информационно-аналитическая система рынка труда и прогнозирования потребности в кадрах (LMIS). В Латвии данная система сформирована, в Республике Беларусь приступили к ее формированию.

Достаточно информативными стали результаты опроса в отношении оценки соответствия полученной квалификации и работы выпускников учреждений образования. Так, 40,6% респондентов Витебской области и 45,5% Латгалии ответили, что выполняемая ими работа соответствует имеющейся квалификации, у 29% респондентов Витебской области и 28,7% Латгалии работа не связана с полученной квалификацией, у остальных — выше или ниже полученной квалификации (30,4% 25,8% соответственно)⁷.

Многообразие ответов о недостающих навыках для получения желаемой работы было сгруппировано в несколько групп (рис. 1) и показало практически полную идентичность мнений.

Молодым людям задавался вопрос о том, кто в наибольшей степени поможет сформировать качества, необходимые для эффективного трудоустройства, при ответе на который мнение молодежи с обеих сторон границы также в основном совпало. Основная роль принадлежит системе образования (более 40% обоих регионов так считают) и самостоятельным усилиям (приблизительно по 20% респондентов).

⁷ На этот вопрос ответили не все респонденты.

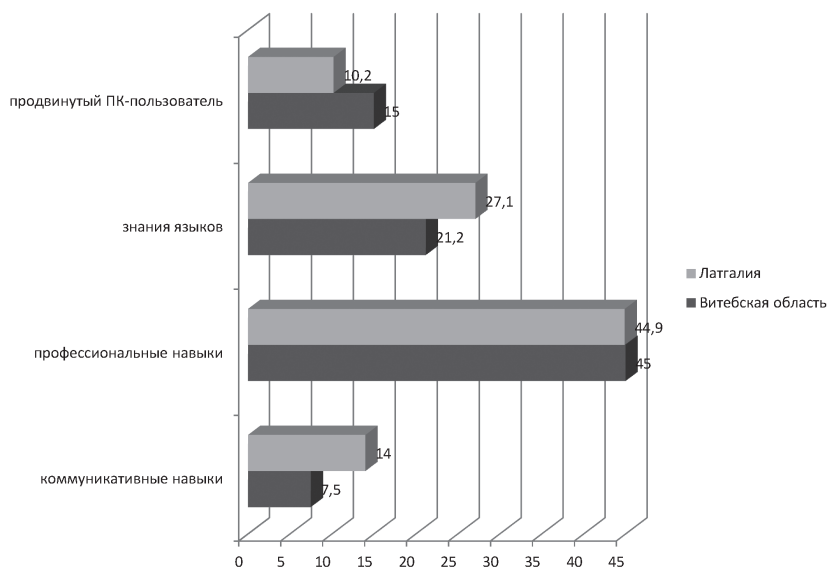

Рисунок 1. Оценка респондентами недостающих навыков для эффективного трудоустройства (процент опрошенных)

Источник: составлено авторами по данным научно-исследовательского проекта «Предупреждение молодежной безработицы в приграничных регионах Латвии и Беларуси в условиях выхода из кризиса»

Проведенное исследование позволило выделить **общие характеристики занятости и безработицы** молодежи приграничных территорий Латвии в Беларуси:

- невысокий уровень занятости и достаточно высокий уровень безработицы среди молодежи обоих регионов,
- схожий уровень трудового участия учащейся молодежи – во время учебы имеют постоянную работу или подрабатывают (в том числе на каникулах) 60,6% учащейся молодежи Витебской области и 59,9% Латгалии,
- приоритет молодых людей на самостоятельные усилия и помощь родителей, родственников при поиске работы. При оценке основных каналов поиска работы самостоятельный поиск и помощь родителей, родственников доминируют у молодежи обеих стран,
- невысокий удельный вес трудоустроенных через органы государственной службы занятости, кадровые агентства, но при этом при

оценке основных каналов поиска работы в Латгалии процент обратившихся за помощью в органы государственной службы занятости выше,

- одинаковые трудности при поиске работы и трудоустройстве также отмечены молодежью в обеих странах,
- схожие трудовые установки молодежи: у молодежи обоих регионов доминирует желание заняться собственным бизнесом (28% в Витебской области и 37,4% в Латгалии), уехать работать за рубеж (23,5% и 28% соответственно),
- схожие оценки необходимых навыков для эффективного трудоустройства и основных источников их формирования.

Наибольшую идентичность мнений и единодушие молодежи Латвии и Беларуси наблюдается при ответах на вопросы о требуемых навыках для эффективного трудоустройства. К ним отнесены профессиональные и личные деловые качества, коммуникабельность, владение иностранными языками. Большая роль при этом, по мнению молодых людей обоих регионов, принадлежит системе образования.

Однако проведенное исследование позволяет выделить и ряд **отличий в состоянии и решении проблем занятости и безработицы:**

- 1) уровень занятости молодежи Витебской области выше, а уровень безработицы ниже,
- 2) в большей степени решение проблем трудоустройства с приграничным положением региона связывают молодые люди Латгалии,
- 3) на институциональную помощь в решении проблем трудоустройства также в большей степени рассчитывает молодежь Латгалии. Причем молодежь Латвии чаще обращается за помощью к органам государственной службы занятости, чем молодежь Беларуси — например, при оценке основных каналов поиска работы службу занятости рассматривают 15,9% опрошенных в Латгалии и 3,9% в Витебской области, при оценке основных источников содействия в трудоустройстве на помощь государственной службы занятости рассчитывают 16,8% опрошенных в Латгалии и только 2,6% в Витебской области, и результаты работы также выше оценивают жители Латгалии — (табл. 8) — оказано содействие 13,1% респондентов в Латгалии и только 2,3% в Витебской области,
- 4) усилия нанимателей в поиске и подборе молодых работников выше оценили респонденты Витебской области — в качестве

источника трудоустройства непосредственное приглашение работодателя отметили 3,9% опрошенных в Витебской области и 0,9% в Латгалии, при оценке каналов поиска работы 9,8% респондентов в Витебской области обращаются напрямую на предприятия и только 4,7% в Латгалии.

Заключение

Таким образом, первоначальные цели исследования достигнуты, поскольку сформирована дополнительная база данных о проблемах занятости и безработицы молодежи в приграничных регионах Республики Беларусь и Латвии, позволяющая на единых методических подходах оценить уровень занятости и безработицы среди молодежи, определить наиболее эффективные способы и каналы поиска работы, намерения и готовность молодых людей к трудоустройству. Исследование также помогло выделить индивидуальные характеристики молодых людей, способствующие эффективному трудоустройству (мобильность, уровень образования, компетентность, способность к развитию и пр.), и необходимые меры помощи в трудоустройстве молодежи со стороны институтов регионального рынка труда.

Первоначальная гипотеза исследования о наличии особенностей в формировании молодежного рынка труда и обеспечении проблем занятости молодежи в приграничных территориях, подтвердилась — поскольку установлено, что и для страны с рыночной экономикой, и для страны с переходной экономикой, проблемы занятости молодежи являются актуальными. То есть молодежный рынок труда обладает особенностями по сравнению с совокупным рынком труда, но приграничное положение региона не является значимым фактором для учета при его регулировании. Проблема молодежной занятости и безработицы имеет схожие характеристики в приграничных регионах обеих стран, что требует выработки схожих и согласованных решений для уменьшения молодежной безработицы. Они должны базироваться на индивидуальных характеристиках безработного (мобильность, уровень образования, компетентность, способность к развитию и пр.) и уровне развития институтов рынка труда региона.

Библиография

- Analiz rinka truda molodeji. Paket ucbebnoinformacionnih materialov po rinku truda molodeji. Mejdunarodnaya organizaciya truda 2015. (In Russian)
- Being young in Europe today. Eurostate. Statistical Books. 2015 edition. Available: ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained. (In English) (accessed on: 01.01.2017)
- Erman G. Kak strani ES reshayut problemu molodejnoi bezrabotici [Elektronnii resurs]. – Rejim dostupa_ //http://allbanks.by/news/view/kak_strani_es_reshayut... – Data dostupa 26.08.2015. (In Russian)
- Global Employment trends for Youth 2013 (2013). A generation at risk/ International labour Office – Geneva, ILO. Available: www.ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained. (In English) (accessed on: 01.01.2017)
- Grant J., Hamermesh D.S. (1981) Labor market Competition among Youths, white Women and others. *The Review of Economics and Statistics (August)*. Vol. 63. No 3. P. 354–360. (In English)
- Lyashok V.Yu., Roschin S.Yu. (2016) Molodie i pojilie rabotniki na rossiiskom rinke truda_ substituti ili net Preprint WP15/2016/04. Moskva Izdatelstvo (In Russian)
- Materiali Mejdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii “Socialno-ekonomicheskoe razvitie organizacii i regionov Belarus effektivnost i innovacii” / UO “VGTU”. – Vitebsk. c. 28–34. (In Russian)
- Menshikov V. (2014) Mobility in the lifestyle of todays youth. *Filosofija. Sociologija*. T. 25. Nr 4, p. 247–256. (In English)
- Menshikov V.V. (2015) Sovremennii rinosk truda i mobilnost v obraze jizni molodeji. *Materiali Mejdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii “Socialno ekonomicheskoe razvitie organizacii i regionov Belarus effektivnost i innovacii” / UO “VGTU”*. Vitebsk. s. 28–34. (In Russian)
- Molodej v Sodrujestve Nezavisimih Gosudarstv statisticheskii portret/ Statkomitet SNG YuNFPA. Moskva. 2014. 151 s. (In Russian)
- Razumova T. (2007) *Vipuskniki vuzov na rinke truda Rossii*. Moskva, TEIS. (In Russian)
- Roschin S.Yu. Slesareva A.A. (2012) *Naem molodih rabotnikov na rossiiskom rinke truda*. Preprint WP 15/2012/06. Seriya WP 15. Moskva, Visshaya shkola ekonomiki. S. 11–12 s. 28–29 (In Russian)
- Statisticheskii byulleten “Polovozrastnaya struktura naseleniya Respubliki Belarus na 1 yanvara 2015 g. i srednegodovaya chislennost naseleniya za 2014 g.” Minsk_2015. – 183s (In Russian)
- The OECD action plan for Youth – giving youth a better start in the labour market. – Paris, 29–30 May 2013. (In English)
- Youth Labour market Performance in Spain and its determinants – a micro level perspective. Economics Department working papers No. 1039 by J.J. Dolado, M. Jancen, F. Felgueroso, A. Fuentes, A. Wolffi. – OECD. ECO/WKP (2013)31 2 – March–2013. (In English)

- Vankevich E. Korobova E. Sharstnev V. Voitehovskaya I. (2010) Rinok obrazovatel'nykh uslug i rinok truda Respubliki Belarus napravleniya soglasovaniya. Vitebsk, VGTU (In Russian)
- Vankevich E. (2013) Strukturnie izmeneniya ekonomiki i rinok truda effektivnost elementov podstroiki. *Belorusskii ekonomicheskii jurnal* № 3 str. 41–56. (In Russian)
- Working together for Europe's young people. A call to action on youth unemployment (2013) Brussels, European Commission, 19.6.2013 (In English)
- Zvaigzne A., Saulāja I., Čerpinsk A. (2015) Youth unemployment and its main causes in Latgale region. *Journal of Social Sciences*. N1(7), p. 217–226. (In English)

Employment and Unemployment of the Youth of the Latvia-Belarus Border Areas: A Comparative Analysis

Summary

The research has been carried out within the limits of the research work “Preventing Youth Unemployment of Border Territories of Latvia and Belarus in Conditions of Overcoming the Crisis”, conducted by the specialists of Vitebsk State Technological University (Republic of Belarus) with the financial support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research in collaboration with the specialists from the Institute of Social Investigations, Daugavpils University (Latvia). In the article, the general characteristics of the employment and unemployment of the youth of the Vitebsk region (Republic of Belarus) and Latgale (Latvia) are provided, the differences are distinguished. The general directions of the effective assistance to the youth employment in modern conditions are substantiated.

Key words: employment, unemployment, youth.

Владимир Меньшиков, Ольга Волкова (Латвия)

КАПИТАЛ ЗДОРОВЬЯ В СТРУКТУРЕ СОВОКУПНОГО КАПИТАЛА

Предметом работы является концепция капитала здоровья с позиции экономической теории. Отображено усиление внимания различных экономических школ на роль состояния здоровья населения, на воздействие этого феномена на динамику важнейших социально-экономических показателей. Анализируются различные концептуальные подходы при решении теоретических и методологических проблем изучения здоровья в социальных науках, особенно с позиции теории совокупного капитала. Большое внимание уделяется в работе исследованиям состояния здоровья населения Латвии, в том числе результатам собственных социологических исследований авторов статьи по заявленной теме. Акцентировано внимание на влиянии инвестиций в капитал здоровья, здоровьесберегающего поведения жителей на региональную экономику. В исследовании применялись общенаучные и специальные методы познания, особое место отведено методам социологического анализа. Новизна исследования заключается как в обобщении теоретических инноваций при изучении здоровья населения с позиции экономической теории, так и в результатах анализа осуществленных авторами собственных эмпирических исследований в парадигме капитала здоровья. Результаты проделанной работы показали, что в нашей стране имеются существенные резервы повышения здоровья населения, позитивно воздействующие на важнейшие экономические показатели.

Ключевые слов: совокупный капитал, капитал здоровья, экономическая эффективность здоровья, инвестиции в здоровье.

За последние 10 лет в области экономики в базах данных *Scopus* и *Web of Science Core Collection* появилось более 17000 новых научных публикаций на тему здоровья. Экономисты всё чаще затрагивают такие темы, как социо-экономическое неравенство в сфере здоровья, экономический эффект здорового питания и других поведенческих факторов. Возрастает интерес исследователей к здоровью как к капиталу. С 2007 года в базе данных *Web of Science Core Collection* в разделе экономика появилось более 700 публикаций, в базе данных *Scopus* — более 800 публикаций, затрагивающих концепцию капитала применительно к здоровью (рисунок 1). Среди таких публикаций распространены работы о таких составляющих совокупного капитала человека (социальной группы) как социальный, физический, здоровья

и др. При этом нет единого мнения, что именно представляет собой капитал здоровья как отдельный вид совокупного капитала, какие элементы капитала здоровья наиболее значимы, какие факторы воздействия на него наиболее действенны. Вместе с тем практически все исследователи подчёркивают его экономическую эффективность как для индивида, так и для региона/государства.

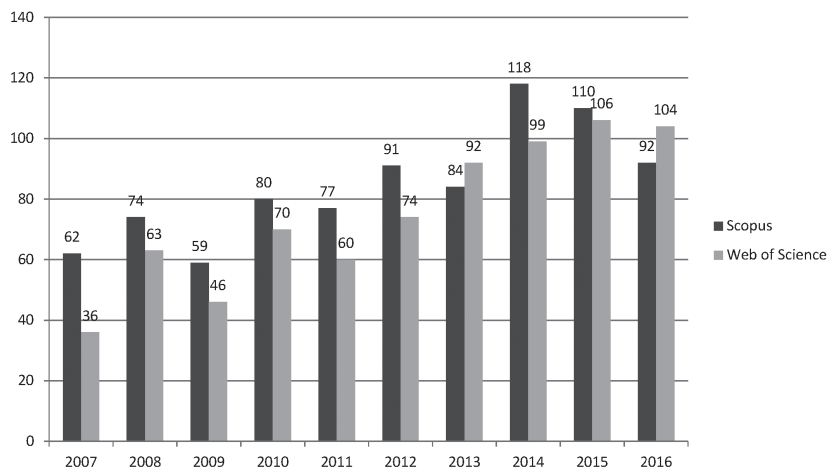

Рисунок 1. Количество публикаций в базах данных на тему «health capital»

Источник: составлено авторами по данным Web of Science Core Collection, Scopus (просмотрено 28.03.2017)

Согласно Европейской политике здравоохранения «Здоровье-2020», — здоровье повышает производительность труда, увеличивает эффективность рабочей силы, снижает расходы на лечение заболеваний и социальные пособия, а также уменьшает потери налоговых поступлений. Хорошее здоровье населения может ускорить восстановление и развитие экономики. Здоровые дети лучше учатся, здоровые взрослые продуктивнее работают, а в пожилом возрасте имея хорошее здоровье, продолжают активно трудиться на благо государства.

В 1979 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция, согласно которой энергия человека, получаемая за счет улучшения здоровья, должна направляться на обеспечение экономического и социального развития общества, а подобное развитие, в свою оче-

редь, использоваться для улучшения здоровья (UN General... 1979). Резолюция документально подтвердила исключительную значимость здоровья населения как единственного критерия целесообразности и эффективности сфер хозяйствования. Эффективность заключена в потенциальных социально-экономических выгодах, которые могут быть получены только в том случае, когда любая деятельность осуществляется с учетом ее влияния на здоровье человека.

В Национальном плане развития Латвии на 2014.–2020. годы «здоровый работоспособный человек» — приоритетное направление (Āboltiņa 2012). В государстве регулярно проводятся мониторинги самооценки состояния здоровья. Информация, полученная в ходе данных исследований, помогает выявить самые актуальные проблемы населения, связанные со здоровьем, их географическое и демографическое распределение, а также определить стратегические приоритеты в области общественного здравоохранения. *Латвийская ассоциация экономики здоровья*¹ рассматривает систему здравоохранения как потенциал экономического роста государства, неотъемлемую часть развития народного хозяйства.

Концепция общественного благополучия учитывает пользу для общества от того, что люди живы и обладают хорошим здоровьем. Нелегкую проблему представляет оценка обусловленного укреплением здоровья прироста общественного благополучия в денежном выражении — так, чтобы его можно было сравнить с ВВП; в последние годы этой проблемой занимаются ряд экономистов, а также ведущие международные экономические организации, например Международный валютный фонд и Всемирный банк (Suhrcke et al. 2008).

Экономические аспекты здоровья, его влияние на результирующие экономические показатели отражены во множестве теоретических моделей начиная с середины XVII века. Представитель классической экономической школы, английский врач Уильям Петти (анг. *William Petty*) рассматривал здоровье как многоресурсный фактор развития экономики. В своей работе «Слово мудрым» (*Verbum Sapienti*, 1664 г.) он подсчитал выгодность здоровых работников и вывел объективную зависимость между гибелью людей от эпидемий и убытками государства, между затратами на предупреждение болезней и потерями в результате распространения последних. У. Петти считал, что единственным источником богатства может быть только труд — «благо

¹ Latvijas veselības ekonomikas asociācija <http://lvea.lv/par-asociaciju/>

страны надо искать в производительной силе самого человека» (Petty 1899).

Классик политической экономии Ф. Кенэ (фр. *François Quesnay*) выдвинул идею научного метода определения цены человеческой жизни, основанной на подсчёте стоимости товаров и услуг (ВВП), которые могли бы быть произведены при сохранении жизни и здоровья людей. Использование этого метода в научных трудах доказывает значение здравоохранения для развития экономики и повышения её эффективности. Ф. Кенэ в работе «Население» (1756) отмечал, что могущество государства находится в прямой зависимости от состояния его граждан (Eltis 1975).

Адам Смит (анг. *Adam Smith*) в своём труде «Исследование о природе и причинах богатства народа» в 1776 году многосторонне характеризовал объективную закономерность между рационально организованным трудом, достойным доходом работника и хорошим здоровьем. Он писал, что не может подлежать сомнению, «чтобы люди вообще работали больше при скудном питании, подавленном настроении и частых болезнях, чем при обильном питании, бодром настроении и хорошем здоровье» (Smith 1776).

Теория потребностей А. Маслоу раскрывает источники развития индивидуальных особенностей личности, которые прямо зависят от состояния здоровья человека как результата функционирования экономической системы, обеспечивающей удовлетворение потребностей человека (Maslow 1954).

В 50-ых годах XX века состоялось выделение экономики здравоохранения как науки, которая изучает взаимодействие здравоохранения с экономикой народного хозяйства, формирование, распределение и использование в здравоохранении материальных, трудовых и финансовых ресурсов, рассматривает общественное и индивидуальное здоровье как одну из составляющих экономического роста, а, следовательно, и устойчивого развития государства (Wagstaff et al. 2012). Охрана здоровья стала рассматриваться как выгодная, экономически целесообразная отрасль вложения инвестиционных средств.

В рамках экономического анализа здоровье может рассматриваться как благо, на которое предъявляется спрос. Согласно положениям экономической теории, каждый индивид в процессе жизнедеятельности максимизирует свою функцию полезности $U = U(f)$, которая позволяет ему ранжировать альтернативные комбинации благ при условии имеющихся бюджетных и других (например, временных)

ресурсных ограничений. В качестве аргументов данной функции полезности выступает набор базовых благ. Здоровье, «освобождение от боли», также входит в данный набор как экономическое благо; потребность быть здоровым, «хорошо себя чувствовать» — естественная потребность, присущая все людям.

Здоровье как капитал

Расширительная трактовка национального богатства и капитала восходит к идеям И. Фишера (анг. *Irving Fisher*), который предложил считать капиталом всё то, что отвечает следующему критерию: генерирование потока доходов в течение определённого времени, причем любой доход есть продукт какой-либо разновидности капитала (Fisher 1906). С этой точки зрения капиталом является любой запас благ, который может накапливаться и производительно использоваться в течение достаточно длительного промежутка времени, принося при этом доход. Расширительная концепция национального богатства относит к инвестициям в человеческий капитал в том числе и расходы человека на поддержание здоровья. Современный работник сдает в аренду предпринимателю свой труд, который выступает в качестве товара, покупаемого предпринимателем наравне другими приобретаемыми активами, необходимыми для ведения бизнеса.

Продолжая концепцию И. Фишера, человеческие качества и способности, знания, навыки следует считать особой формой капитала на основании того, что они:

- являются неотъемлемыми от личности его носителя — индивида;
- имеют способность воспроизводиться, чем обеспечивают своему носителю получение более высокого дохода в будущем, который для индивида может быть как в денежном выражении (более высокие доходы), так и представлять собой психологический выигрыш, а для общества в целом заключается в дополнительном приросте продукции, увеличении темпов производства, появлении на рынке более качественных продуктов и т.д.;
- требуют от индивида и от всего общества в целом вложений для своего формирования;
- способны накапливаться и формировать определенный запас.

С точки зрения трудовой теории стоимости капитал включает в себя накопленный овеществленный и живой труд (точнее, способность к труду) (Радаев 2002). Т. Шульц (анг. *Theodore W. Shultz*) впервые

стал применять к исследованию человеческих способностей категории, с помощью которых классическая политэкономия анализирует капитал — прибыль, условия инвестирования и т. д., сравнивая в экономическом смысле человека с вещественным капиталом. Основными результатами инвестиций в человека Шульц считал накопление способностей людей к труду, их эффективную созидательную деятельность в обществе, поддержание здоровья и т.д. (Shultz 1961).

Многими исследователями здоровье трактуется как разновидность или элемент человеческого капитала. В экономической литературе под человеческим капиталом обычно понимается имеющийся у человека запас здоровья, знаний, навыков, опыта, которые используются в производстве с целью получения высокого уровня заработков. Теория человеческого капитала как достижение экономической мысли стала результатом тысячелетней эволюции взглядов исследователей на ключевую единицу человеческого капитала — развитие человеческих способностей к труду. В современных условиях человеческий капитал можно рассматривать главным фактором экономического развития. Об этом свидетельствует, в частности, индекс развития человеческого потенциала (UNDP 2017), состояние которого выше в более развитых странах.

О здоровье как элементе человеческого капитала, приносящего индивиду поток экономических выгод, первым упомянул Г. Беккер, который видел охрану здоровья одной из многочисленных инвестиций в человеческий капитал. Эти инвестиции улучшают квалификацию, знания или здоровье, поэтому способствуют увеличению денежных или натуральных доходов» (Becker 1964).

Как самостоятельную категорию «капитал здоровья» впервые выделил американский экономист М. Гроссман (*Grossman M.*), который считал, что капитал здоровья и человеческий капитал нужно рассматривать отдельно. В своей статье 1972 г. М. Гроссман трактует капитал здоровья как актив, позволяющий его обладателю как можно дольше “использовать по назначению” свой человеческий капитал, т. е. это суммарное количество времени, которое человек может потратить, зарабатывая деньги и производя товары (Grossman 1972). М. Гроссман считает, что здоровье можно рассматривать как некоторый запас или товар длительного пользования (*health stock*), который необходим для производства человеческого капитала. Здоровье уменьшает число дней болезни и, соответственно, увеличивает число дней для занятий каким-либо видом деятельности, как рыночным, так и

нерыночным. Вложения в капитал здоровья рассматриваются с точки зрения индивидуального рационального выбора. Запас знания, которым обладает человек, влияет на его рыночную и нерыночную производительность, в то время как запас его здоровья определяет суммарное количество времени, которое он сможет потратить, зарабатывая деньги и производя товары. Этот запас и есть капитал здоровья.

В модели спроса на здоровье М. Гроссмана изменение запаса здоровья связано с инвестициями в здоровье и темпом снижения запаса здоровья, растущим с возрастом. Модель демонстрирует связь индивидуальных инвестиций в здоровье с увеличением продолжительности жизни и эффективной деятельности. Увеличение продолжительности жизни означает добавление дополнительных периодов деятельности, во время которых индивид получает доход, а также инвестирует свой капитал.

Отношение к здоровью как инвестиционному благу выражается в стремлении индивидов улучшить качество жизни не только в настоящий момент, но и в будущем посредством формирования непрерывного потока благ, обеспечивающего реализацию способностей человека и соответствующего его потребностям. Исследование капитала здоровья в качестве инвестиционного ресурса предполагает его накопление и воспроизводство посредством инвестирования средств в одни блага (спорт, здоровое питание, профилактика) и отказа от других (табак, вредные привычки).

Исследователи Института социальных исследований Даугавпилсского университета как правило, используют теорию совокупного капитала личности или социальной группы, где присутствует и физический капитал. Преимуществом нашего подхода мы считаем как системное видение феномена совокупного капитала социального субъекта, так и возможность его эмпирического исследования, уже удачно апробированного в ряде наших научных проектов. В частности, здоровье является одной из составных частей (индикаторов) физического капитала человека (группы), где присутствуют ещё и такие элементы, как «способность противостоять стрессам и психологическим проблемам» и «красота, внешняя привлекательность» (Menshikov, Vanags, Volkova 2014).

Обзор научных публикаций показал, что в Латвии в последние годы появился интерес учёных к здоровью как капиталу и здоровому образу жизни. Например, в промоционной работе Александры Чуп-

рик «Fiziskā kapitāla veicināšana fitnesā» (Čuprika 2016) в контексте спортивной науки были теоретически обоснованы структурные элементы и разработаны объективные показатели физического капитала личности. В данной работе физический капитал понимался как меновая стоимость тела в социальной среде.

В Стратегии долгосрочного развития Латвии до 2030 года также используется теория капитала, где здравоохранение — инвестиции в человеческий капитал. В Стратегии подчёркивается, что особенно важно вовремя вкладываться в здравоохранение, в связанные с ним знания и технологии и способствование здорового образа жизни во всех поколениях (Latvija 2030).

В Латвии пока мало исследований капитала здоровья именно с позиции экономической науки. Капитал здоровья как отдельная категория в Латвии — тема малоизученная и недостаточно раскрытая. Однако, как показывает опыт зарубежных исследований и данные статистики, здоровье населения обладает экономической эффективностью и заслуживает более пристального внимания экспертов.

Экономическая эффективность здоровья

Двусторонняя взаимосвязь между здоровьем и экономическим развитием акцентируется экспертами ВОЗ на протяжении уже более десяти лет (Suhrcke 2005, Suhrcke 2007).

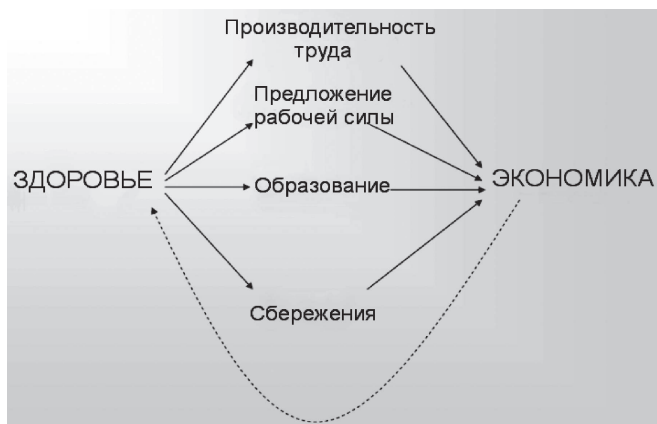

Рисунок 2. Значимые каналы от здоровья к экономике

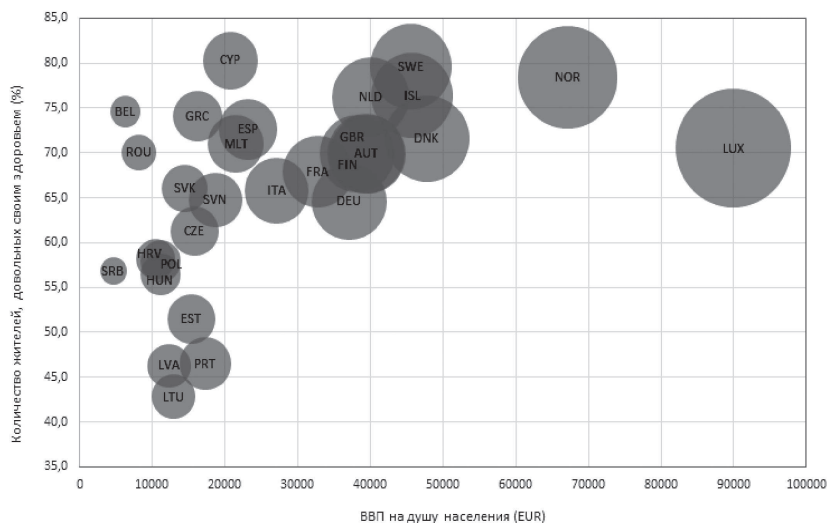
Источник: Suhrcke 2005

Экономическая эффективность характеризует прямой и косвенный (опосредованный) вклад, вносимый здравоохранением в рост производительности труда, рост предложения рабочей силы, повышение квалификации в результате увеличения уровня образования и профессиональной подготовки, увеличение сбережений и возможность инвестиций в физический и интеллектуальный капиталы (рисунок 2).

Эксперты ВОЗ представляют простую схему, которая показывает, как в принципе здоровье может влиять на экономические показатели: $Y = A F(K, hL)$, где Y – продукт, или ВВП; A – совокупная производительность факторов производства; $F(\)$ – производственная функция; K – физический капитал; L – рабочая сила; hL – качество рабочей силы, или человеческий капитал. Естественно ожидать, что у более здоровых людей производительность труда выше, то есть за один час работы они произведут больше продукта. С одной стороны, повышение производительности труда обусловлено увеличением физической и умственной активности. С другой – более активные (физически и умственно) работники эффективнее используют технологии, машины и оборудование (Suhrcrke et al. 2007).

Графический анализ статистических данных показал, что прямой зависимости между размером ВВП на душу населения и самооценкой здоровья жителей не наблюдается. Составленная по данным Eurostat пузырьковая диаграмма (рисунок 3) – распределение европейских стран в зависимости от доли довольных собственным здоровьем жителей (самооценка здоровья – хорошее или очень хорошая) и размера ВВП на душу населения в 2015 году (размер пузырьков в диаграмме – объём ВВП).

Из диаграммы видно, что в некоторых странах, не смотря на сравнительно низкий объём ВВП на душу населения – довольно большая процентная доля жителей, оценивающих свой здоровье как хорошее или очень хорошее. Среди таких стран – Бельгия, Румыния, Словакия и др. Напротив, самооценка здоровья жителей Люксембурга (лидера стран по объему ВВП на душу населения в 2015 году) – не самая высокая. То есть, экономическая эффективность общественного здоровья отображается через другие экономические показатели. Хотя здоровье и не имеет рыночной цены, однако ценится высоко, выше, чем большинство рыночных или нерыночных товаров. Здоровье не учитывают при расчете ВВП из-за того, что оно не является рыночным товаром, а значит, не имеет рыночной стоимости.

Примечания:

CYP – Кипр	FRA – Франция	LTU – Литва	PRT – Португалия
CZE – Чехия	GBR – Велико-	LUX – Люксембург	ROU – Румыния
DEU – Германия	британия	LVA – Латвия	SRB – Сербия
DNK – Дания	GRC – Греция	MLT – Мальта	SVK – Словакия
ESP – Испания	HUN – Венгрия	NLD – Нидерланды	SVN – Словения
EST – Эстония	ISL – Исландия	NOR – Норвегия	SWE – Швеция
FIN – Финляндия	ITA – Италия	POL – Польша	

Рисунок 3. Соотношение довольных своим здоровьем жителей ЕС с размером ВВП на душу населения, 2015 год

Источник: составлено авторами по данным Eurostat

Ряд видных экономистов, а также международные финансовые организации (Всемирный банк, Международный валютный фонд) для оценки экономических издержек, обусловленных смертностью, начали использовать более широкое понятие, чем подушевой ВВП. В основе их подхода лежит неоспоримый факт, что ВВП – несовершенный инструмент оценки общественного благосостояния, поскольку не учитывает ценности здоровья. В 1972 году американские профессора У. Нордхауз и Дж. Тобин предложили показатель в связи с анализом валового национального продукта и качества жизни выдвинули новый показатель, который они назвали «показателем экономического благосостояния». П. Самуэльсон, переименовав его в

«чистое экономическое благосостояние» (*Net economic welfare*) — макроэкономический показатель учитывающий изменение общественного благосостояния под влиянием факторов, не отражающихся в показателе ВВП. В существующих теориях общественного благосостояния экономисты выделяют его различные содержательные аспекты: совокупность благ (утилитаризм); полезность набора благ (экономика благосостояния); условия жизни (теория качества жизни); денежные доходы (концепция ресурсов); субъективное восприятие благополучия (поведенческий подход). Многие эксперты признают, что именно чистое экономическое благосостояние — наиболее подходящий экономический показатель общественного здоровья (Nelson 2009).

Состояние здоровья — один из ключевых факторов качества жизни. Во многих разделах медицины используется понятие качество жизни, связанное со здоровьем (англ. *health related quality of life, HRQL*), или просто качество жизни. Применительно к медицине, качество жизни — это интегральная характеристика физического, психологического, социального и эмоционального состояния пациента, оцениваемая исходя из его субъективного восприятия. Потребности людей, как известно, подразделяются на физиологические (материальные), интеллектуальные (духовные) и социальные. Качество жизни отображает степень удовлетворения всех потребностей человека. В этом смысле качество жизни и экономическое благосостояние являются очень близкими терминами и часто используются как синонимы.

Здоровье является первостепенным фактором многочисленных мировых индексов, связанных с качеством жизни — Индекс качества жизни, Международный индекс счастья, Индекс развития человеческого потенциала, Рейтинг городов мира по уровню качества жизни и др. Показателем здоровья в подобных индексах чаще всего выступает — ожидаемая продолжительность жизни при рождении.

В 2009 году вышел доклад международной «Комиссии по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса» под руководством Нобелевских лауреатов Дж. Стиглица и А. Сена, в котором обосновано использование показателя качества жизни в качестве основного критерия экономического развития общества вместо ВВП (Stiglitz 2009). Именно качество жизни чаще всего фигурирует в различных мировых рейтингах, связанных со здоровьем населения. Об этом также свидетельствует последний глобальный индекс здоровья, разработанный Американским агентством финансово-экономической информации *Bloomberg*. Глобальный индекс

здоровья основан на «показателе здоровья», который учитывает вероятность смертности при получении травм или болезней, ожидаемую продолжительность жизни. Из этой оценки вычитаются «штрафы за риск для здоровья», которые высчитываются на основе склонности жителей страны к вредным привычкам и внешним факторам (например, курение, ожирение и детское недоедание) и экологическим факторам (т.е. загрязнение и нехватка чистой питьевой воды). Конечным результатом является «показатель здоровья».

В рейтинге 2017 года страной с самым лучшим качеством жизни признана Италия, где средняя продолжительность жизни составляет 80 лет, в то время как в Сьерра-Леоне — 52 года. Итальянцы, по мнению аналитиков, находятся в лучшей физической форме, чем американцы, канадцы и британцы, которые в старших возрастных группах почти все страдают от высокого кровяного давления, проблем с холестерином и осложнений психического здоровья (REGNUM 2017). Италия занимает первое место в рейтинге несмотря на застой в экономической сфере (в настоящее время итальянский государственный долг — один из самых больших в мире), высокие показатели безработицы среди молодежи и ряд социальных проблем.

В многочисленных мировых исследованиях выявлена положительная корреляция между уровнем здоровья и уровнем образования. И в работах Гроссмана и в других более поздних исследованиях (Cutler and Lleras-Muney 2006; Ding et al. 2006; Gan and Gong 2007), выявляются три пути взаимодействия здоровья и образования:

- 1) образование определяет здоровье;
- 2) другие внешние факторы определяют как здоровье, так и образование;
- 3) здоровье определяет образование (Suhrcke 2011).

Исследователями замечено, что более здоровые дети получают более качественное образование; они реже пропускают занятия и бросают учебу. Следовательно, более крепкое здоровье в детстве и юности способствует повышению производительности труда в будущем. Кроме того, крепкое здоровье означает и более долгую жизнь, поэтому у здоровых людей больше стимулов вкладывать средства в свое образование и профессиональную подготовку, поскольку они смогут дольше извлекать из них пользу (Strauss 1998).

В 2014 году среди европейцев, имеющих высшее образование, в среднем 3,1% респондентов оценивали своё здоровье, как плохое, а

80,9 % – хорошее или очень хорошее (рисунок 4). Среди имеющих уровень образования ниже среднего, 13,3 % оценили собственное здоровье, как плохое, а 54,1 % – как хорошее или очень хорошее.

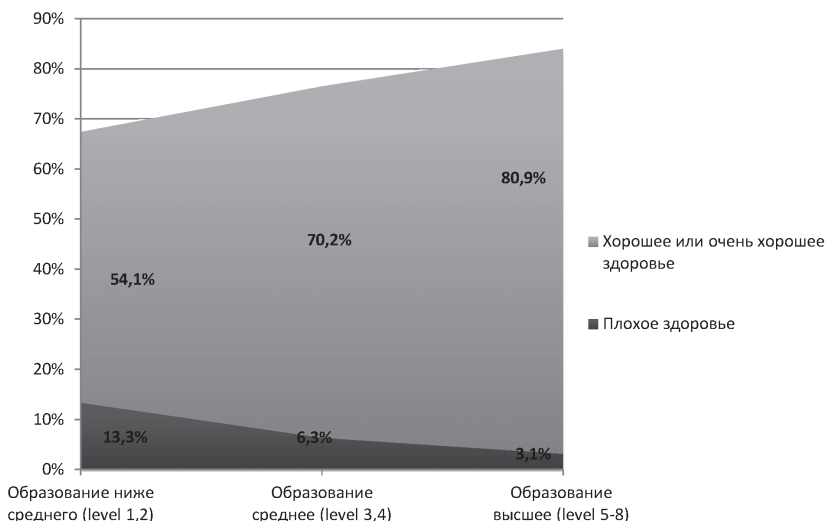

Рисунок 4. Самооценка здоровья жителей Европейского Союза в зависимости от уровня образования (в процентах). 2014 г

Источник: составлено авторами по данным Eurostat (EU-28)

Здоровье тесно взаимосвязанно не только с уровнем образования, но с его **эффективностью**. В исследовании ВОЗ «Влияние здоровья и здорового образа жизни на эффективность образования в странах с высоким уровнем доходов» в 2011 году детально рассмотрено и доказано влияние поведенческих факторов (*health-related behaviours*) на отдачу от образования. Наиболее вескими поведенческими факторами оказались: употребление алкоголя, употребление наркотиков, курение, плохое питание, избыточный вес/ожирение, физическая активность. А также влияние на отдачу от образования состояния здоровья. Оказалось, что наиболее сильно на данный показатель влияют: расстройство сна, психическое здоровье, астма, показатели общего состояния здоровья (Suhrcke 2011).

За последние годы возрос объем данных о влиянии здоровья на **рынок труда**. Данные исследования также делятся на две группы: изучение влияния показателей здоровья (например, хронических забо-

леваний) и факторов риска (например, курения). Большинство исследований, хотя и не все, подтверждают гипотезу, что люди с плохим здоровьем зарабатывают меньше.

Производительность труда относительно просто измерить в тех отраслях экономики, где продукт производится за счет физического труда (сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность). В отраслях, где продукт производится за счет умственного труда, это сделать труднее, однако в условиях свободного рынка ставка заработной платы должна определяться предельной производительностью, поэтому обычно ее используют как заменитель производительности.

Данные проведенного в 2012 году латвийским Центром Профилактики и контроля заболеваний «Исследования привычек жителей, влияющих на здоровье» показали, что жители с самыми низкими доходами (до 142 EUR в месяц на одного члена семьи) процентуально меньше (45%) оценивали своё здоровье как хорошее или почти хорошее, чем респонденты с более высокими доходами (от 143 EUR до 284 EUR – 49,5%, более 284 EUR в месяц на одного члена семьи – 59,1%) (Pudule 2013).

Исследования ВОЗ показали, что социальное неравенство в сфере здоровья объясняется в основном сочетанием социально-экономических условий и образа жизни (Suhrcke 2007). В целом бедные ведут менее здоровый образ жизни, чем богатые. Многочисленными исследованиями доказана обратная взаимосвязь между такими вредными привычками, как курение и злоупотребление алкоголем, и социально-экономическим статусом. Имеющиеся сведения говорят об увеличении распространенности недостаточного питания и ожирения и о связи ожирения с бедностью и высоким экономическим статусом.

Эксперты ВОЗ уделяют также немалое внимание влиянию **уровня урбанизации** на уровень здоровья населения (Adetokunbo 2010). В 2010 году более 50% населения мира жило в городских районах. В то время как в городах открывается много возможностей осуществления охраны здоровья, включая потенциальный доступ к улучшенному медицинскому обслуживанию, в сегодняшней городской окружающей среде могут концентрироваться риски для здоровья и возникать новые опасности. Проблемы для здоровья, наиболее очевидные в городах, связаны с водой, окружающей средой, насилием и травмами, неинфекционными болезнями (сердечно-сосудистыми болезнями, раковыми заболеваниями, диабетом и хроническими респираторными болезнями), нездоровым питанием и отсутствием физической ак-

тивности, вредным употреблением алкоголя, а также рисками, связанными со вспышками болезней. Повышенное давление со стороны массового маркетинга, наличие нездоровых пищевых продуктов и доступность автоматизации и транспорта в городах — все это сказывается на образе жизни, который оказывает непосредственное воздействие на здоровье (Urbanization... 2010).

Инвестиции в капитал здоровья

На состояние здоровья населения оказывают влияние многие факторы, в том числе доходы населения, экология, состояние системы здравоохранения и т.д. Факторы, зависящие от поведения человека могут быть названы инвестициями в капитал здоровья (*investment in health capital*). Г. Беккер проводил аналогию между инвестициями в капитал здоровья и инвестициями в другие формы человеческого капитала.

Инвестиции, которые улучшают состояние здоровья (занятия спортом, подвижный образ жизни, сбалансированное питание, использование витаминов, профилактические медицинские осмотры и т. д.) — «позитивные» инвестиции. Другие, которые оказывают противоположное действие (курение, неумеренное потребление алкоголя, стрессы, чрезмерная трудовая нагрузка, плохой сон, нерегулярное и слишком калорийное питание и т.д.) — «негативные инвестиции» в здоровье.

С экономической точки зрения, инвестиции в человеческий капитал — это затраты, произведенные в социальной сфере в целях будущего увеличения производительности труда и способствующие росту будущих доходов как отдельных носителей капитала, так и общества в целом. Поэтому общепринято использовать в анализе эффективности таких инвестиций показатели социально-экономического развития страны или региона.

В модели Гроссмана предполагается, что здоровье само по себе не потребительское благо, а объект для инвестиций. К предполагаемой отдаче от инвестиций в здоровье относятся: 1) более высокий уровень ожидаемых заработков в результате более широкого спектра выбора профессий; 2) большее удовлетворение от избранной работы в течение жизни; 3) более высокая оценка нерыночных видов деятельности и интересов.

В 2009 году эксперты ВОЗ исследовали влияние изменяемых факторов риска на заболеваемость и смертность населения, с учётом лет

жизни, скорректированных по нетрудоспособности (анг. *DALY*)². Анализ ВОЗ подчеркнул значимость индивидуального здоровьесберегающего поведения в промышленно развитых странах. В бедных странах наиболее частой причиной смертности являются инфекционные заболевания и факторы окружающей среды. ВОЗ отметила настоятельную необходимость перехода от так называемой «защитно-оборонительной» пассивной стратегии формирования и обеспечения здоровья человека к активно-конструктивной технологии.

В настоящее время во всём мире и в Латвии активно реализуются многочисленные программы и проекты, направленные, на формирование здоровьесберегающего поведения жителей, профилактики болезней, пропаганды здорового образа жизни. В документе «Руководящие принципы общественного здравоохранения на 2014–2020 гг.» подчёркивается вопрос о факторах, влияющих на здоровье населения, «здоровый образ жизни играет существенную роль в сохранении и улучшении здоровья. Значительной проблемой общественного здоровья являются неинфекционные заболевания (сердечно-сосудистые заболевания, онкологические заболевания, психические расстройства). Главные поведенческие факторы, способствующие развитию такого рода заболеваний — нездоровый образ жизни, недостаточная физическая активность, а также вещества и процессы, вызывающие зависимость» (*Sabiedrības veselības... 2014*).

Значимость здорового образа жизни акцентируется также в латвийском «Законе о самоуправлении» (*Likums... 1994*), обязывающем местные органы власти обеспечить жителям доступ к медицинскому обслуживанию, пропаганду здорового образа жизни и спорта. «Проводимые самоуправлением, различные мероприятия по укреплению здоровья населения способствуют тому, что территория становится более ухоженной, привлекательной для жителей, туристов и инвесторов. У жителей самоуправления появляется возможность стать более здоровыми и работоспособными. Они больше смогут доверять местным органам власти, активнее участвовать в различных видах деятельности, а также идентифицировать себя полноправными членами самоуправления» (*Latvijas iedzīvotāju... 2015*). В 2016 году более 19 млн. евро было доступно самоуправлениям Латвии для реализации программ по укреплению здоровья (*Centrāla... 2016*).

² DALY (сокр. от «*Disability-adjusted life year*») — показатель, оценивающий суммарное «бремя болезни», представляет собой линейную сумму потенциальных лет жизни, утраченных из-за преждевременной смерти и нетрудоспособности.

Однако, по данным *EUROSTAT*, в 2014 году в рейтинге стран ЕС средняя продолжительность жизни при рождении в Латвии была одной из самых низких (Eurostat... 2017). А относительно средней продолжительности жизни мужчин Латвия занимала последнее место. Что свидетельствует о том, что инвестиций в капитал здоровья латвийцев все ещё недостаточно и необходимо принимать меры по их увеличению.

Исследования элементов капитала здоровья в Латвии

Исследователи Института социальных исследований Даугавпилсского Университета в 2012 году реализовали исследовательский проект «Совокупный капитал, его структура и взаимосвязь с трудовой миграцией», в котором широко использовалась теория совокупного капитала. Был проведён опрос жителей Латгалии в трёх возрастных группах: 15–29 лет, 30–49 лет и 50–75 лет. Общее количество респондентов — 800 человек, из которых 519 (64,9%) проживают в Даугавпилсе.

В ходе исследования предлагалось оценить объем и структуру совокупного капитала жителей Латгалии, принимая во внимание потребности социально-экономического развития государства (Menshikov et al. 2013). Одной из задач исследования было выявление удельного веса физического капитала в структуре совокупного капитала семьи в Латгальском регионе. Совокупный капитал в данном случае представлял собой сумму 9 различных видов капитала: экономического, культурного, человеческого, социального, административного, политического, символического, физического и географического.

Оценивались ресурсы респондентов, а также ресурсы, приносящие пользу, т.е. — капитал. Результаты показали, что физические ресурсы и физический капитал жителей Латгальского региона имеют наибольшую долю в структуре совокупных ресурсов (13,6%) и структуре совокупного капитала (14%). Из тех респондентов, которые, по их собственному мнению, владеют физическими ресурсами, 20% отметили, что хорошее здоровье приносит им денежный доход, то есть преобразовывается в экономический капитал.

Оценивалась также взаимосвязь физического капитала с другими видами совокупного капитала личности (семьи) (рисунок 5). Наиболее тесная и значимая связь при коэффициенте Пирсона более 0,330 и уровне значимости 0,01 с:

- 1) символическим – 0,354;
- 2) социальным – 0,345;
- 3) экономическим – 0,332.

То есть, было доказано, что физический капитал взаимосвязан не только с социально-экономическими показателями региона, но и с экономическим капиталом личности/семьи.

Виды совокупного капитала	экономический	культурный	человеческий (профессионально-образовательный)	социальный	административный	политический	символический	физический	географический
экономический	1	,332**	,357**	,327**	,308**	,181**	,335**	,332**	,204**
культурный	,332**	1	,516**	,370**	,391**	,202**	,444**	,320**	,228**
человеческий (профессионально-образовательный)	,357**	,516**	1	,334**	,457**	,250**	,411**	,263**	,138**
социальный	,327**	,370**	,334**	1	,426**	,273**	,424**	,345**	,225**
административный	,308**	,391**	,457**	,426**	1	,352**	,459**	,231**	,199**
политический	,181**	,202**	,250**	,273**	,352**	1	,273**	,174**	,185**
символический	,335**	,444**	,411**	,424**	,459**	,273**	1	,354**	,299**
физический	,332**	,320**	,263**	,345**	,231**	,174**	,354**	1	,319**
географический	,204**	,228**	,138**	,225**	,199**	,185**	,299**	,319**	1

Примечание: все коэффициенты корреляции значимы ($p < 0,01$)

Рисунок 5. Матрица взаимных корреляций девяти видов совокупного капитала населения Латгалии, май 2012 года, n=800 чел., коэффициент Пирсона

Источник: социологическое исследование Института социальных исследований Даугавпилсского Университета «Совокупный капитал, его структура и взаимосвязь с трудовой миграцией» 2012 год, n=800 чел. (население Латгалии).

В 2016 году жители Латвии участвовали в организованном Латвийским Университетом опросе об их навыках и знаниях, применяемых в различных жизненных сферах и ситуациях (проект «Латвия. Обзор развития народа 2015/2016. Мастерство жизни и информационная грамотность») (авторы статьи участвовали в реализации данного проекта). В рамках опроса (далее по тексту – ТАР 2015/2016)³

³ Latvija. Pārskats par tautas attīstību 2015/2016. Dzīves meistarība un informācijpratība. Galv. red. Baiba Holma. Rīga: LU Sociālo un politisko pētījumu institūts, 2017.

оценивалось 7 видов осведомленности (грамотности) латвийцев, согласно их собственной самооценке (рисунок 6). Также оценивалась медицинская осведомленность респондентов и их самооценка состояния здоровья.

Виды осведомленности	Все респонденты		Мужчины		Женщины	
	Средний балл	Ранг	Средний балл	Ранг	Средний балл	Ранг
Образовательная осведомленность	2,09	1	2,14	1	2,06	4
Культурная осведомленность	2,11	2–3	2,23	3–4	2,01	2–3
Семейная осведомленность	2,11	2–3	2,23	3–4	2,01	2–3
Медийная осведомленность	2,12	4	2,18	2	2,07	5
Медицинская осведомленность	2,18	5	2,55	6	1,89	1
Финансовая осведомленность	2,41	6	2,49	5	2,35	6
Политическая осведомленность	3,32	7	3,32	7	3,33	7

Рисунок 6. Структура и оценка отдельных видов осведомленности жителей Латвии

(средний балл, где 1 – очень хорошая, 2 – хорошая, 3 – средняя, 4 – плохая, 5 – очень плохая)

Источник: составлено авторами по данным опроса в рамках проекта ТАР 2015/2016

Каждому виду осведомленности можно присвоить ранг от 1 до 7, в зависимости от степени ее проявления у жителей. Результаты опроса показали, что значимым фактором проявления медицинской грамотности является пол респондентов. Женщины ставили медицинскую осведомленность в среднем, на первое место, а мужчины – лишь на пятое.

Сравнительный анализ данных показал, что уровень образования значительно влияет на самооценку здоровья жителей. Тест проверки значимости различий (ANOVA) дает максимально значимый результат ($p=0.000$). Среди респондентов, имеющих высшее образование, больше половины – 59,9% оценили своё состояние здоровья как хорошее или очень хорошее и только 5,3% – как плохое или очень

плохое. А среди тех, чье образование ниже среднего, почти третья часть – 27,2% считает свое здоровье плохим или очень плохим (рисунок 7). То есть, взаимосвязь здоровья и образования подтверждается и на примере латвийцев.

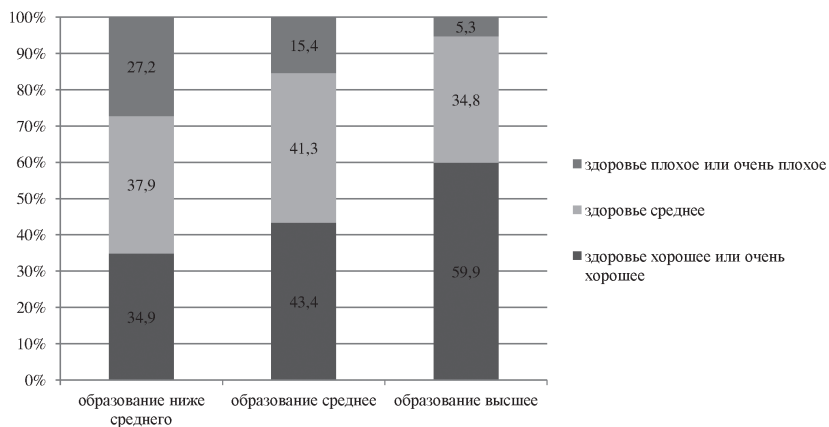

Рисунок 7. Самооценка здоровья жителей Латвии в зависимости от уровня образования (в процентах)

Источник: составлено авторами по данным опроса в рамках проекта ТАР 2015/2016

В исследовании ТАР 2015/2016 также выявлены статистически значимые различия самооценки здоровья респондентов с разным уровнем доходов. Среди респондентов со средними ежемесячными доходами на семью более 800 EUR, большинство – 55,5% оценили своё здоровье как хорошее или очень хорошее и лишь 9,2% данной группы респондентов обладают плохим или очень плохим здоровьем. Очевидно, более высокие доходы обеспечивают лучшее качество и доступность медицинских услуг. Вероятна и обратная взаимосвязь, и хорошее здоровье даёт способность получать более высокий заработок. Среди населения с низкими доходами (менее 400 EUR/мес.) недовольных здоровьем гораздо больше – 23,8%. (рисунок 8). Такое соотношение может быть связано и со средним возрастом респондентов в данной группе. Почти третья часть из имеющих низкие доходы – люди пенсионного возраста (65–74 года) – 31%. Естественно, что с возрастом уровень здоровья человека уменьшается и самооценка состояния здоровья падает.

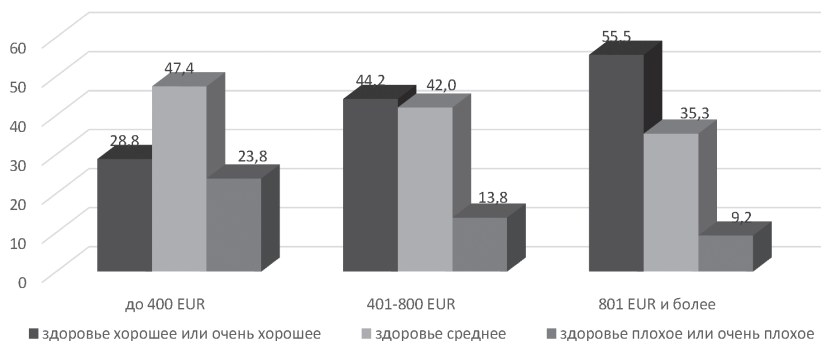

Рисунок 8. Самооценка здоровья жителей Латвии в зависимости от уровня доходов (в процентах)

Источник: составлено авторами по данным опроса в рамках проекта ТАР 2015/2016

Авторами данной статьи предполагалось, что существует взаимосвязь между состоянием здоровья и регионом проживания. Согласно данным опроса ТАР2016, среди рижан наименьший процент респондентов, считающих своё здоровье плохим или очень плохим – 11,4%, в то время, как недовольных состоянием здоровья жителей Курземе гораздо больше – 17,2% (рисунок 9). Однако, дисперсионный анализ показал, что самооценка здоровья латвийцев существенно не зависит от региона, в котором они проживают ($p > 0.005$).

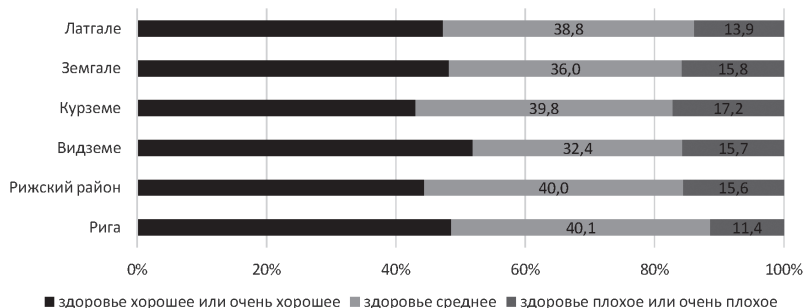

Рисунок 9. Самооценка здоровья жителей Латвии в зависимости от региона проживания (в процентах)

Источник: составлено авторами по данным опроса в рамках проекта ТАР 2015/2016

То есть, здоровье индивида в большей степени зависит не от экономических показателей региона проживания, а от иных факторов, на него влияющих — инвестиций в капитал здоровья.

Выводы

Данные многочисленных эмпирических исследований в разных странах мира свидетельствуют, что состояние здоровья населения — мощный фактор экономического роста. Это обусловлено влиянием здоровья на сбережения, инвестиции в человеческий капитал, участие в рынке труда, прямые иностранные инвестиции и рост производительности труда. На микроэкономическом уровне хорошее здоровье увеличивает производительность и предложение труда. На макроэкономическом — ускоряет темпы экономического роста.

Существует устойчивая взаимосвязь уровня общественного здоровья и социально-экономического развития государства: многие социально-экономические факторы оказывают влияние на формирование общественного здоровья, а качество здоровья населения обуславливает уровень экономического и социального развития государства.

Результаты исследования «Совокупный капитал, его структура и взаимосвязь с трудовой миграцией», ТАР 2016 наряду с другими аналогичными исследованиями указывают на то, что чем выше социально-экономические показатели респондентов, тем лучше они оценивают своё здоровье. И есть основания полагать, что жители с более высокими социально-экономическими показателями ведут более здоровый образ жизни, чаще придерживаются здоровьесберегающего поведения.

С точки зрения экономики, существуют объективные основания для того, чтобы наряду с развитием медицинских технологий и повышением качества и доступности медицинских услуг, разработать и проводить комплексную политику популяризации здорового образа жизни, который представляет собой систему жизненных ценностей направленных на то, чтобы вести активный образ жизни, правильно питаться и тем самым предотвращать заболевания и повышать естественную сопротивляемость организма.

Библиография

- Āboltiņa S. (2012) *Saeimas paziņojums Par Latvijas Nacionālo attīstības plānu 2014.–2020. gadam.* (In Latvian) Pieejams: <https://likumi.lv/doc.php?id=253919> (skat. 15.03.2016)
- Adetokunbo O. Lucas (2010) Health and Urbanization. *Bulletin of the World Health Organization*, Vol. 88, Number 4, pp. 245–245. (In English) Available: <http://www.who.int/bulletin/volumes/88/4/10-010410.pdf?ua=1> (accessed on: 19.01.2017)
- Apinis P. (02.01.2017) *Apinis: 2016. gads medicīnā un veselības aprūpē uz zemeslodes.* (In Latvian) Pieejams: <http://www.diena.lv/raksts/latvija/viedokli/apinis-2016.-gads-medicina-un-veselibas-aprupe-uz-zemeslodes-14162930> (skat. 19.01.2017)
- Baltā grāmata. *Kopā par veselību. ES stratēģiskā pieeja 2008.–2013. gadam.* (2007) Eiropas kopienu komisija. Brisele. (In Latvian) Pieejams: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1416566021096&curi=CELEX:52007DC0630> (skat.: 15.08.2016)
- Barro R. (1996) *Health and Economic Growth*, Mimeo, Cambridge, MA: Harvard University. (In English)
- Becker D.S. (1964) *Human Capital: Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*, 3rd ed., Chicago, London: The University of Chicago Press. (In English)
- Bhargava A., Jamison, D.T. Murray C. (2001) Modelling the effects of health on economic growth, *Journal of Health Economics*, 20: 423–440. (In English)
- Bloom D., Canning D., Sevilla J. (2003) *The Effect of Health on Economic Growth*, *World Development*, 32, 1–13. (In English)
- Centrālā finanšu un līgumu aģentūra (2016) *Veselības veicināšanas pasākumiem pašvaldībām pieejami 19,3 miljoni eiro.* (In Latvian) Pieejams: <http://www.cfla.gov.lv/lv/jaunumi/2016/veselibas-veicinasanas-pasakumiem-pasvaldibam-pieejami-19,3-miljoni-eiro> (skat. 19.01.2017)
- Čuprika A. (2016) *Fiziskā kapitāla veicināšana fitnesā.* Promocijas darbs. Latvijas sporta pedagoģijas akadēmija, Rīga. (In Latvian) Pieejams: https://www.lspa.lv/files/students/Promotion/Aleksandra_Cuprika_Promocijas_darbs.pdf (skat. 15.03.2016)
- Eltis W.A. (1975) Francois Quesnay: A Reinterpretation 2. The Theory of Economic Growth. *Oxford Economic Papers*, New Series, Vol. 27, No. 3, pp. 327–351 (In English)
- Eurostat Statistic Database *Healthy Life Years* (In English) Available: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (accessed on: 15.03.2016)
- Grossman M. (1972) *The Demand for Health: A Theoretical and Empirical Investigation.* New York: Columbia University Press. (In English)
- Fisher I. (1906) The nature of capital and income. (In English) Available: <https://archive.org/details/natureofcapitali00fishuoft> (accessed on: 15.03.2016)

- Health Impact Assessment (HIA). (In English) Available: <http://www.who.int/hia/evidence/doh/en/#> (accessed on: 21.07.2016)
- Health Systems in Transition (HiT) profile of Latvia. 2014. (In English) Available: <http://www.hspm.org/countries/latvia08052014/livinghit.aspx?Section=4.1%20Physical%20resources&Type=Section> (accessed on: 15.03.2016)
- Jamison D., Lau L., Wang J. (2004) Health's contribution to economic growth in an environment of partially endogenous technical progress. *Disease Control Priorities Project Working Paper 10*. Bethesda, MD, Fogarty International Centre, National Institutes of Health. (In English)
- Kickbusch I., Pelikan J.M. (Editors) (2013) The Solid Facts: Health Literacy. WHO. (In English) Available: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0008/190655/e96854.pdf (accessed on: 20.10.2016)
- Ķīlis R. (2010) Latvija 2030. Latvijas ilgtspējīgas attīstības stratēģija līdz 2030. gadam. Latvijas Republikas Saeima. (In Latvian) Piejams: http://www.pkc.gov.lv/images/LV2030/Latvija_2030.pdf (skat. 19.01.2017)
- Maslow A.H. (1954) *Motivation and personality*, New York, Harper. (In English) Available: http://s-f-walker.org.uk/pubsebooks/pdfs/Motivation_and_Personality-Maslow.pdf (accessed on: 20.10.2016)
- McDonald S., Roberts J. (2002) Growth and Multiple Forms of Human Capital in an Augmented Solow Model: A Panel Data Investigation, *Economics Letters*, 74, 271–276. (In English)
- Meņšikovs V., Vanags E., Volkova O. (2013) Sociological interpretations of data on the aggregate capital of regional population (work experience abroad, relation to labour migration, factors of life success) *Phylosophy. Sociology*. T. 24, Nr. 4. Lietuvos mokslų akademija: pp. 226–236 (In English)
- Meņšikovs V. et al. (2013) Economic capital in the structure of the aggregate capital of a family. *Tarptautinis Verslas: inovācijas, psiholoģija, ekonomika*. Mokslo darbi, t. 4, Nr. 2(7), International Business school of Vilnius University. (In English)
- Mitenbergs U. et al. (2012) *Latvija: Pārskats par veselības sistēmu. Veselības sistēmas pārejas periodā*; 14(8): 1–193 (In Latvian) Piejams: <http://www.spkc.gov.lv/starptautiskie-dokumenti/> (skat. 20.08.2016)
- Nelson R. A NEW (net economic welfare) measure of economic health. 11.08.2009 (In English) Available: <http://www.edn.com/electronics-blogs/taking-the-measure/4377396/A-NEW-net-economic-welfare-measure-of-economic-health> (accessed on: 15.03.2017)
- Pēdējos piecos gados uzlabojies senioru veselības pašvērtējums. Publicēts 03.11.2015. (In Latvian) Available: <http://www.csb.gov.lv/notikumi/pedejos-piecos-gados-uzlabojies-senioru-veselibas-pasvertejums-43455.html> (accessed on: 20.04.2016)
- Petty W. 1899 [1691]. *Verbum sapienti*. Reprinted in The economic writings of Sir William Petty, Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press. (In English) Available: http://files.libertyfund.org/files/1677/0605-01_Bk.pdf (accessed on: 15.03.2017)

- PVO Eiropas reģiona veselības stratēģija “Veselība 2020” (saīsinātā versija) (2013) (In Latvian) Pieejams: <http://www.spkc.gov.lv/starptautiskie-dokumenti/> (skat. 20.08.2017)
- Pudule I. (2013) Latvijas iedzīvotāju veselību ietekmējošo paradumu pētījums, SPKC, Rīga. (In Latvian) Pieejams: https://www.spkc.gov.lv/upload/Petijumi%20un%20zinojumi/FINBALT/finbalt_2012_i_ii_dala.pdf (skat. 15.03.2016)
- Radaev V. (2002) Pomyatie kapitala formi kapitalov i ih konvertaciya. Elektronniĵurnal “*Ekonomicheskaya sociologiya*”, t. 3 № 4. s. 20_32. Dostupno: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n4.pdf#page=20 (sm.: 19.01.2017) (In Russian)
- REGNUM информационное агенство (2017) *Куба поднялась в рейтинге самых здоровых стран*. Доступно: <https://regnum.ru/news/society/2252223.html> (см.: 15.03.2017)
- Sabiedrības veselības pamatnostādnes 2014.–2020.gadam. Apstiprinātas 14.10.2014. lpp. 24 (In Latvian) Pieejams: <http://polsis.mk.gov.lv/documents/4965> (skat. 20.03.2016)
- Shultz T.W. (1961) Investment in Human Capital. *The American Economic Review*, Vol. 51, 1–17. (In English) Available: <http://la.utexas.edu/users/hcleaver/330T/350kPEESchultzInvestmentHumanCapital.pdf> (accessed on: 15.03.2017)
- Social Determinants of Health. (In English) Available: http://www.who.int/social_determinants/thecommission/finalreport/key_concepts/en/ (accessed on: 20.08.2016)
- Sorensen K. et al. (2012) Health literacy and public health: A systematic review and integration of definitions and models, *BMC Public Health*. (In English) Available: <https://bmcpublichealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-2458-12-80> (accessed on: 20.10.2016)
- Smith A. (1776) *In Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Vol. 1. London. (In English) Available: <https://books.google.bg/books?id=KpWg1DYxRTwC&dq=editions%3AhdVgPAzxfC&hl=bg&pg=PP5#v=onepage&q&f=true> (accessed on: 15.03.2016)
- Stiglitz J.E., Sen A. (2009) Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. (In English) Available: <https://docs.google.com/viewerng/viewer?url=http://templatelab.com/wp-content/uploads/2015/09/rapport-anglais.pdf> (accessed on: 15.03.2017)
- Strauss J, Thomas D. (1998) Health, nutrition and economic development. *Journal of Economic Literature*, 36:766–817. (In English)
- Suhrcke M, McKee M, Sauto Arce R, Tsolva S, Mortensen J. (2005) *The Contribution of Health to the Economy in the European Union*. Brussels: European Commission. (In English) Available: http://ec.europa.eu/health/ph_overview/Documents/health_economy_en.pdf (accessed on: 16.06.2016)
- Suhrcke M., Rocco L., McKee M. (2007) *Health: a Vital Investment for Economic Development in Eastern Europe and Central Asia*. (In English) Available:

- <http://www.euro.who.int/en/publications/abstracts/health-a-vital-investment-for-economic-development-in-eastern-europe-and-central-asians-for-risk-communication-from-the-bsecjd-saga> (accessed on: 24.10.2016)
- Suhrcke M, de Paz Nieves C (2011) *The impact of health and health behaviours on educational outcomes in high-income countries: a review of the evidence*. Copenhagen, WHO Regional Office for Europe. (In English) Available: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0004/134671/e94805.pdf?ua=1 (accessed on: 19.01.2017)
- UN General Assembly (1979) Health as an integral part of development. UN resolution A/RES/34/58 (In English) Available: <http://www.un.org/ru/ga/34/docs/34res.shtml> (accessed on: 19.01.2017)
- UNDP *Human Development Index*. (In English) Available: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-index-hdi> (accessed on: 19.01.2017)
- Wagstaff A., Culyer A.J. (2012) Four decades of health economics through a bibliometric lens. // *Journal of Health Economics* 31(2012) pp 406–439. (In English) Available: http://www.feweb.vu.nl/nl/Images/Health_Economics_World_Top_100_tcm257-291334.pdf (accessed on: 19.01.2017)

Health Capital in the Structure of Aggregate Capital

Summary

The concept of Health Capital from the perspective of Economic Theory is the subject of the given article. The increasing attention of various economic schools to the role of the health state of the population and the influence of this phenomenon on the dynamics of the most important socio-economic indicators are presented. Various conceptual approaches in solving the theoretical and methodological issues related to the study of health in social sciences, especially from the perspective of the Theory of Aggregate Capital, are analysed. In the article, much attention is paid to the study of the health status of the Latvian population, including the results of the sociological investigations carried out by the authors of the article, which are related to the stated topic. The influence of investments in Health Capital and health-saving behaviour of the residents on the regional economy is emphasised. The research adopts general scientific and special methods of cognition; a special place is given to the methods of sociological analysis. The novelty of the research is both in the generalization of the theoretical innovations in the study of the health state of the population from the perspective of Economic Theory and in the results of the analysis of the empirical research in the paradigm of Health Capital carried out by the authors. The results of the work done have demonstrated that in our country there are significant reserves of improving the health of the population, which positively influence the most important economic indicators.

Key words: aggregate capital, health capital, cost-effectiveness in health, investments in health.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ЯЗЫКОВУЮ СРЕДУ В УКРАИНЕ

В статье рассмотрена динамика лексико-семантического сегмента языковой системы, что обусловлено действиями внутренних и внешних факторов, поскольку комплексное воздействие обеспечивает непрерывное пополнение и преобразования ресурсов словарного состава и его постоянное приспособление к коммуникативным потребностям современного социума. Сделан вывод: какие именно внеязыковые факторы влияют на языковую среду в Украине, как они находятся между собой в диалектической связи, поскольку без общественной языковой практики трудно представить живую речь, а без лингвальных законов, которыми пользуются говорящие, ее функционирование невозможно.

Ключевые слова: языковая среда, социальные факторы, Украина.

Лингвальное пространство – объективное отражение мира материальных вещей и абстрактных понятий. Язык и общество находятся в диалектическом единстве: они взаимно детерминированы и взаимозависимы. Известно, что различные поступательные изменения в социуме вызывают инновационные и трансформационные процессы в языковой системе, прежде всего лексико семантической.

Лингвистическая традиция представляет различные названия факторов развития: внутренние и внешние факторы языкового развития, интралингвистические и экстралингвистические причины языковых изменений, внеязыковые и внутриязыковые стимулы эволюции. В основном эти наименования считают синонимичными. Внешние причины изменений – это те импульсы развития, которые поступают из внешней среды (Кочерган 1999), а внутренними есть тенденции развития, которые заложены в самом языке (Кочерган 1999).

Факторы, обуславливающие изменения в лексической системе языка, традиционно разделяют на две группы: внешние и внутренние (Ахманова 1958). А.А. Стишов обращает внимание на то, что в современном языкознании наблюдаем определенную неустойчивость в специализированных названиях этих понятий: одни лингвисты именуют их «экстра- и интралингвальные (интралингвистические)»

(Ахманова 1958), «нелингвальными» (Гепнер 1959); другие называют внеязыковые факторы «социальными» (Гепнер 1959). Однако такая квалификация, по мнению исследователя, не совсем точная и узкая по своему содержанию, поскольку, кроме определяющих общественных воздействий, эти факторы включают также природные особенности (живая природа, географические условия, образ жизни носителей языка, геополитическое положение государства и др.), которые порой способны существенно влиять на характер развития определенного языка или отдельных ее уровней. Согласно с А.А. Стишовым: уместнее употреблять термины «экстра- и интралингвальные (интралингвистические)», «социальные и несоциальные», «внутренние и внешние» факторы как синонимичные пары последовательно представлены во многих исследованиях.

Ученые, признавая параллельное влияние интралингвальных и экстралингвистических факторов на развитие языковой системы, констатируют, что наиболее интенсивные эволюционные процессы происходят в языке тогда, когда создается оптимальная ситуация, обусловленная сочетанием внешних условий функционирования языка и внутриязыковых противоречий. Однако ход и последствия трансформационных процессов внутри лексико-семантической системы можно объяснить свойствами и возможностями самой системы.

К внутриязыковым факторам лингвисты относят такие: необходимость улучшения языкового механизма, который никогда не бывает идеальным, необходимость сохранения языка в состоянии коммуникативной пригодности, внутренние противоречия, контаминационные и другие процессы, приспособления языкового механизма к физиологическим особенностям человеческого организма (Семчинский 1996).

Постоянным стимулом развития языка считают лингвальные антиномии, что является следствием действия основного закона диалектики – единства и борьбы противоположностей. Существование каждой из антиномий связано с невозможностью решения определенного противоречия через постоянное появление новых антагонистических процессов (Струганец 2002). Ученые выделяют целый ряд языковых антиномий: антиномию нормы и системы, антиномию говорящего и слушающего, антиномию информационной и экспрессивной функции языка, антиномию кода и текста (языка и речи), антиномию, вызванную асимметричностью языкового знака, антиномию узусу и возможностей языковой системы (Кочерган 1999).

Важными интралингвальными законами языковой эволюции есть определенные тенденции, связанные прежде всего с внутренними свойствами языковой системы, как: тенденции к облегчению произношения, тенденции к выражению одинаковых значений одной форме, тенденции к выражению различных значений различными формами, тенденции к ограничению сложности языковых единиц, тенденции к абстрагированию языковых элементов, тенденции к изменению фонетической внешности слова при потере им лексического значения (Семчинский 1996). Для собственно лексико-семантического уровня языка актуальны такие внутренние тенденции развития: тенденция к предпочтению более экспрессивным языковым формам (расширение стилистически разных обозначений с отличным эмоционально экспрессивным значением), тенденция к изменениям по аналогии (действие аналогии), тенденция к обогащению языковой структуры (Ахманова 1958). Однако внутренние факторы не являются приоритетными в развитии речи и вполне отвлеченными от социума, поскольку все факторы языковой эволюции направлены на то, чтобы сделать языковую систему наиболее подходящей для коммуникативных потребностей общества.

Прогрессивная природа языковых изменений регламентирована тем, что лингвальная система постоянно приспосабливается к новым обстоятельствам существования социума и говорящих на нем. Развитие всех сфер современного социума (науки, техники, культуры, искусства), становление нового общественного строя, новые условия коммуникации являются основными экстралингвальными факторами языковой эволюции.

А.А. Стишов считает, что перестройка словарного состава современного языка зависит прежде всего от условий бытия социума. Он замечает, что отдельные ярусы языковой системы в меньшей степени зависят от особенностей территориальной, материальной и духовной жизни народа, но объект наших исследований — лексико-семантическая система — наиболее чувствительна ко всем общественным и природным переменам (Стишов 2003). Исследуя украинскую лексику конца XX века на материале средств массовой информации, ученый выделяет такие причины изменений в лексическом составе языка:

1. демократизация всех отраслей общественной жизни.
2. существенное ослабление (а то и снятия) цензуры и самоцензуры.
3. официальный статус украинского языка.

4. изменения в социальной структуре украинского общества.
5. необходимость, целесообразность, практические потребности вещателей.
6. мода на слова – эстетические вкусы определенной эпохи.
7. поиски новых средств выражения (Стишов 2003).

Динамика языка детерминирована внутренними механизмами лингвальной эволюции и внешними условиями бытования языка. Наиболее открытым для влияния социума является, как упоминалось, лексико-семантический уровень языка как гиперчувствительный к изменениям в материальной и духовной жизни общества.

Трансформационные процессы в словарном фонде косвенно отражают этапы истории определенного народа – носителя языка. Исторические условия функционирования украинского языка – распад СССР, становления независимой Украины, перестройка общественного строя, формирования и развитие новых государств, контакты с зарубежными странами, интенсивные темпы развития науки и техники в мире, усиление внимания к духовной жизни социума – вызывают количественные и качественные изменения в ее лексическом составе.

Эволюция лексико-семантического уровня современного языка происходит по таким направлениям, как: 1) пополнение новыми лексическими единицами; 2) постепенное сужение употребления, а впоследствии и выход отдельных номен, что по определенным причинам оказались устаревшими; 3) семантическая трансформация; 4) стилистическая транспозиция имеющихся слов (Струганец 2002).

К внеязыковым факторам относят социальную, историческую, культурную, творческую, производственную, эстетическую сферы действительности. Они прежде всего связаны с особенностями исторического и культурного развития общества на определенном этапе, прогрессом науки и техники, переселением и миграциями, объединением и распадом языковых коллективов и т.д., а также изменением в составе самих носителей языка.

Среди внеязыковых причин лексико-семантического развития в отдельную группу выделяют логические и психологические факторы: особенность национального речемышления и речеобразования, своеобразии ментальности каждого этноса, влияние индивидуально авторского мировосприятия и мовотворчества на общепринятый язык и др. Особая роль в этом процессе принадлежит отдельному носи-

телю языка, поскольку сначала он создает любую инновацию, которую впоследствии одобряют и принимают или отклоняют другие члены языкового коллектива (Стишов 2003).

Следовательно, не только действительность влияет на язык, отражаясь в системе номинаций, но и нация через своих креативных носителей языка накладывает на реальный мир свою модель, закодированную в словах, отождествляя свое представление и понимание с настоящим положением вещей (Федик 2000).

В лингвистических исследованиях последнего десятилетия влияние внеязыковых факторов на развитие лексического состава языка слишком преувеличивают. Особенно подчеркивают исключительную роль социальных, политических и экономических преобразований (Ферм 1994), хотя доказано, что общественные изменения не всегда порождают новые явления в языке, чаще они лишь ускоряют или интенсифицируют заложенные в самой лексической системе тенденции и процессы, имеющие характера не взрывчатых, скачкообразных, а преимущественно эволюционных изменений (Стишов 2003). Язык меняется не столько под влиянием внеязыковых факторов, как благодаря внутриязыковым потребностям.

Важным источником развития является межъязыковые контакты, в частности с родственными языками, в результате которого иноязычный источник влияет на семантические изменения языка реципиента (явление семантической индукции). Внешнему влиянию как-доноров по языку реципиента иногда относится промежуточная роль среди внешних и внутренних факторов, ибо последствия контактов зависящие как от внеязыковых факторов (например, от степени политических, экономических и культурных связей со страной), так и от внутриязыковых (например, от степени системной близости языков) (Муромцева 1985).

Внутриязыковые факторы не предусматривают процессов, происходивших в языке как-то «сами собой», они отражают явления, которые наблюдаем, имеющих своим источником условия функционирования определенных элементов самого языка, учитывая ее специфику как средства общения (Шмелев 1964).

Внутренним источником эволюции могут быть противоречия, появляются в лексической системе языка из-за несоответствия между значениями слова (совокупность его семем) и его значимость (синтагматической моделями): 1) стремление слова к однозначности — раз-

витие в его семантической структуре различных значений; 2) автономность семантической структуры слова — пересечение семантических структур нескольких слов; 3) сближение в семантике различных слов — спецификация значений бывших синонимов; 4) развитие синонимии — развитие омонимии; 5) метафоризация — деме́тафоризация как средство новой номинации; 6) эмоциональная нейтральность слов — развитие эмоциональной маркованости слов и др. Под действием социальных факторов одни диалектически взаимосвязаны процессы могут проявляться сильнее, а другие — слабее (Русанівський 1988).

Все вышеперечисленные факторы речевого развития, как внеязыковые, так и внутриязыковые, находятся во взаимодействии (с одной стороны, соотношение между различными значениями слова (прямым и переносным) зависит от внутренних связей слова, с другой стороны, внеязыковые факторы определяют употребление того или того значения слова) и по-разному зависят от основного фактора — потребности человека в новых прагматических средствах.

Взаимозависимость и постоянное взаимодействие внешних и внутренних факторов в развитии языка постоянно подчеркивают украинские и зарубежные исследователи, однако степень проявления названных факторов неодинакова: в отдельные периоды развития языка они действуют по-разному, вызывая языковые изменения, или интенсифицируя этот процесс, или замедляя, или даже останавливая его.

Итак, язык является динамической структурой, в которой постоянно происходят изменения. На ее развитие влияют различные процессы, происходящие в обществе. Активно на них реагирует лексико-семантическая система.

Последние несколько лет среди внеязыковых факторов, которые влияют на украинский язык являются:

1. Политические процессы, возникающие в государстве. В начале XXI века в Украине происходили различные преобразования в общественно-политической жизни. Прежде всего на языке публицистики сказались события 2012–2013-го годов, получившие название «Революция Достоинства» и во время которых погибло немало украинцев и не только. Далее произошел переход Крыма под контроль России, началась война на Востоке Украины, состоялось несколько волн мобилизаций украинских призывников, активизировался волонтерское движение, появились новые по-

литические силы, общественные организации и тому подобное. Все это наложило отпечаток на язык, изменения в лексико-семантической системе которой наиболее ощутимы в современной украинской прессе.

2. Военные действия. Сторонники федерализации Украины создали ДНР и ЛНР – автономные образования, действующие на территориях Донецкой и Луганской областей и претендующие на признание подконтрольных им земель отдельными государствами. РФ официально не признает суверенитета ДНР и ЛНР, но на неофициальном уровне придает ей военную, экономическую, политическую и дипломатическую поддержку. С 13 апреля 2014 в Донецкой и Луганской областях продолжается военная операция с целью ликвидации ДНР и ЛНР. В водовороте этой войны побывали граждане Украины разных возрастов и разного пола. За период, с тех пор как она началась, погибло много украинских солдат, волонтеров, общественных активистов, мирных жителей, в том числе и детей. Немало украинских героев попало в плен к сторонникам ДНР и ЛНР или в заключенные в России.
3. Межъязыковое контактирование. Вместе с конфликтом России и Украины в нашем государстве более активно начали обсуждаться вопрос государственного языка: одни являются сторонниками единого государственного языка – украинского, другие считают, что в стране должны быть два государственных языка – украинский и русский. Кроме того, в течение нескольких веков нашему народу насильно навязывался русский язык, на котором в настоящее время говорит большая часть граждан Украины, в том числе и на государственном уровне. Считаем, что на развитии украинского языка негативно сказывается двуязычие в стране и пассивность чиновников в поднятии авторитета национального языка. В то же время в социальных сетях немало активистов призывают общаться исключительно на украинском языке и увеличить количество украиноязычных телепередач на украинском телевидении и запретить русскоязычный продукт, в котором идет пропаганда так называемого «русского мира». То же касается и радиовещания. Также усиливается влияние на украинский язык английского. Заимствованные слова украинцы чаще всего берут из Интернета, используя для названий магазинов, продуктов питания, вещей из быта и др. не украинские соответствия, а английские или аме-

- риканские аналоги. По нашему мнению, чрезмерное использование англицизмов и американизмов вредит украинскому языку, поэтому нужно употреблять эти слова в разумных пределах.
4. Международные отношения. После Революции достоинства ожидалось сотрудничество Украины с Евросоюзом, что не могло не сказаться и на тематике статей в СМИ и на языке. Также после того, как к России перешел Крым и она оказывает помощь ДНР и ЛНР, на другой уровень вышли отношения нашего государства с Россией и странами мира, которые поделились на тех, кто поддерживает Россию, и те, кто поддерживает Украину и осуждает действия России.
 5. Экономические и антикоррупционные процессы. В начале XXI века имеет место такое явление, как экономический кризис. Спад производства, банкротство предприятий, финансовых учреждений, рост безработицы, снижение жизненного уровня населения, рост цен на товары и обесценивание национальной валюты гривны – все это сказалось и на языке отечественных печатных СМИ.
 6. Демократизация общества и смягчение цензуры, процесс, который начался еще в конце 80-х годов XX века. Он заключается в том, что расширяются функции национального языка; редакторы печатных СМИ либерально относятся к употреблению неприсущих публицистическому стилю слов, в частности разговорной лексики; происходит либерализация норм украинского литературного языка и др.
 7. Появление новых явлений действительности, связанных с развитием науки и техники. Большое влияние на язык вообще и ее лексический состав в частности имеют компьютерные технологии. Начало XXI века характеризуется тем, что сейчас чуть ли не во всех городах Украины есть беспрепятственный доступ к Интернету. И граждане нашего государства зарегистрированы в социальных сетях, где происходит обмен информацией различной тематики.
 8. Культурные связи между государствами. Имеет место участие украинских художников, спортсменов, талантливых и одаренных людей в разных соревнованиях, конкурсах, олимпиадах и тому подобное. Также на язык влияет развитие туризма, в частности посещение украинцев других стран и ознакомление с их национальной культурой.

В целом можно сделать выводы, что внеязыковые факторы сильно влияют на языковую среду в Украине. Это приводит и к нарушению норм литературного языка, иногда просто к расшатыванию норм, придает речи украинцев эмоционально-экспрессивного окраса, очень часто негативного, изредка вульгаризируя речь.

Библиография

- Ahmanova O.S. (1958) O stilicheskoj differenciacii slov. *Sbornik statej po yazikoznaniyu*. Prof. MGU akademiku V.V. Vinogradovu v den ego 60 letiya., – M. Izd. MGU. s. 31–47. (In Russian)
- Fedik O. (2000) *Mova yak duhovnii adekvat svitu diisnosti*. Lviv Misioner. 300 s. (In Ukrainian)
- Ferm L. (1994) *Osobennosti razvitiya russkoj leksiki v noveishii period na materiale gazet*. Uppsala. 236 s. (In Russian)
- Gepner Yu.R. (1959) *Ocherki po obschemu i russkomu yazikoznaniyu*. Harkov, 370 s. (In Russian)
- Kochergan M.P. (1999) *Zagalne movoznavstvo*. Pidruchnik dlya studentiv filologichnih specialnestei vischih zakladiv osviti. K. Vidavniczii centr “Akademiya”. 288 s. (In Ukrainian)
- Muromceva O.G. (1985) *Rozvitok leksiki ukraїnskoї literaturnoї movi v drugii polovini HИH – na pochatku HH st*. Harkiv Vid vo pri Harkiv. derj. Un ti vidavniczego ob’ednannya “Vischa shkola”. 152 s. (In Ukrainian)
- Najnowsze dzieje języków słowiańskich (1999) *Ukraїnska mova / [red. nauk. S. Jermolenko]*. Opole: Un-t Opolski. 269 s. (In Polish)
- Rozen E.V. (2000) *Na poroge HHИ veka. Novie slova i slovosochetaniya v nemeckom yazike*. M. Menedjer. 192 s. (In Russian)
- Rozen E.V. (1991) *Novie slova i ustochivie slovosochetaniya v nemeckom yazike*. M. Prosveschenie. 192 s. (In Russian)
- Rusanivskii V.M. (1988) *Struktura leksichnoї i gramatichnoї semantiki*. K. Nauk. dumka. 240 s. (In Ukrainian)
- Semchinskii S.V. (1996) *Zagalne movoznavstvo [vid. 2_ge_ pererobl. i dop.]*. K. AT “OKO”. 416 s. (In Ukrainian)
- Shmelev D.N. (1964) *Ocherki po semasiologii russkogo yazika*. M. Prosveschenie. 244 s. (In Russian)
- Stishov O.A. (2003) *Ukraїnska leksika kincya HH stolittya na materiali movi zasobiv masovo informacii, Monografiya*. K. Vid. centr KNLU. 388 s. (In Ukrainian)
- Struganec L. (2002) *Dinamika leksichnih norm ukraїnskoї literaturnoї movi HH stolittya*. Ternopil Aston. 352 s. (In Ukrainian)

Impact of Social Factors on Language Environment in Ukraine

Summary

The article studies the dynamics of the lexical-semantic segment of the language system due to the effects of internal and external factors, because the integrated impact ensures continuous replenishment and transformation of the resources of the vocabulary and its constant adaptation to the communication needs of the modern society. The conclusion has been made about what kind of extralinguistic factors have an impact on the language environment in Ukraine and how they are in a dialectical connection with each other, because it is difficult to imagine a live speech without language practice, and without lingual laws, which are used by the speakers, its function is impossible.

Key words: language environment, social factors, Ukraine.

ZIŃAS PAR AUTORIEM

Monika Dorota ADAMCZYK

Dr., Department of Sociology
of Knowledge and Education,
The John Paul II Catholic
University of Lublin, Poland
monika_dorota@wp.pl

Theories, John Paul II Catholic
University of Lublin (Poland)
spartyck@kul.lublin.pl

Alina BETLEJ

Dr., Department of Social
Microstructures and Contemp-
orary Sociological Theories,
John Paul II Catholic University
of Lublin, Poland
alinabetlej@kul.lublin.pl

Katrīne REIMA

Mg., Vidzemes Augstskola,
HESPI (Institute of Social,
Economic and Humanities
Research), Latvia
katrine.reima@va.lv

Dawid BŁASZCZAK

Dr. sc. soc., Academic teacher in
the State Higher School of Pope
John Paul II in Byala Podlaska,
Poland
dawid-blaszczak@wp.pl

Antra ROSKOŠA

Doc., Dr., Rīgas Tehniskā
universitāte, Latvia
antra.roskosa@rtu.lv

Biruta BRIŠKO

Mg. educ., Latvija
birutab@fao.lv

Olena ZHUKOVA

Mg. sc. educ., Latvija
lerial2@inbox.lv

Agnieszka DREWNIAK

Dr. sc. soc., Regional Center of
Culture in Lublin, Poland
wok@wok.lublin.pl

Юрийс БАЛТГАЙЛИС

Dr. oec., Институт Транспорта
и связи, Латвия
jurijs.baltgailis@crowehorwath.az

Liene GOLČA

Mg. sc. soc., Vidzemes
augstskola, Latvia
liene.golca@va.lv

Елена ВАНКЕВИЧ

Prof., Dr. of Economic Sciences,
Витебский государственный
технологический университет,
Беларусь
vankevich_ev@tut.by

Sławomir PARTYCKI

Prof., Dr. hab., Department of
Social Microstructures and
Contemporary Sociological

Ольга ВОЛКОВА

Mg. oec., Научный ассистент
Центра социальных исследо-
ваний Института гуманитарных
и социальных наук Даугавпилс-
ского университета, Латвия
olga.volkova@du.lv

Ольга ЗАЙЦЕВА

Mg. oes., Витебский
государственный технологи-
ческий университет, Беларусь
olgazaitseva@gmail.com

социальных исследований
Института гуманитарных и
социальных наук Даугавпилс-
ского университета, Латвия
vladimirs.mensikovs@du.lv

Елена КОРОБОВА

Candidate of Economic Sciences,
Assoc. prof., Витебский
государственный технологи-
ческий университет, Беларусь
kor_elena@tut.by

Марина НАВАЛЬНАЯ

Doctor of Philology, Professor of
Department of Document Science,
ГВУЗ «Переяслав-Хмельницкий
государственный педагоги-
ческий университет имени
Григория Сковороды»,
Украина
mnavalna@gmail.com

Владимир МЕНЬШИКОВ

Dr. sc. soc., профессор,
руководитель Центра

VISPĀRĪGĀS PRASĪBAS ZINĀTNISKAM RAKSTAM

Raksta apjoms: 6–7 lpp (A4 formātā).

Raksta manuskripts iesniedzams pa elektronisko pastu ikgadeja.konference@du.lv. Teksts jāsaliek, izmantojot *Times New Roman* šriftu (*MSWord*); burtu lielums – 12 punkti, intervāls starp rindām – 1,5. Teksta attālums no kreisās malas – 3,5 cm, no labās malas – 2,5 cm, no apakšas un no augšas – 2,5 cm. Ja tiek izmantotas speciālās datorprogrammas, tad tās iesniedzamas kopā ar rakstu.

Raksta anotācija: raksta sakumā tūlīt pēc tā nosaukuma jāievieto informatīva anotācija. Anotācijā jānorāda raksta mērķis un uzdevumi, jāformulē pētījuma problēma, jāparāda novitāte un jāsniedz galvenie secinājumi. Atsevišķā rindkopā jānorāda atslēgas vārdi (termini, kas izsaka rakstā aplūkoto jautājumu būtību). Nepieciešams arī šo atslēgas vārdu tulkojums valodā, kurā ir kopsavilkums.

Raksta kopsavilkums: Rakstiem latviešu valodā kopsavilkums jāsatavo angļu vai krievu valodā; rakstiem angļu valodā jāpievieno kopsavilkums latviešu vai krievu valodā; rakstiem krievu valodā jāpievieno kopsavilkums latviešu vai angļu valodā.

Raksta valoda: literāra, terminoloģiski precīza. Ja autors gatavo rakstu svešvalodā, tad viņam pašam jā rūpējas par raksta teksta valodniecisko rediģēšanu, konsultējoties pie attiecīgās sociālo zinātņu nozares speciālista – valodas nesēja. *Raksti, kuru valoda neatbilst pareizrakstības likumiem, netiks izskatīti un recenzēti.*

Raksta zinātniskais aparāts (atsauces un piezīmes, bibliogrāfija, tabulas, shēmas, diagrammas, grafiki utt.). Atsauces ievietojamas tekstā pēc šāda parauga: (Turner 1990); (Mills 1998); (Bela 1997). Piezīmes un skaidrojumi ievietojami raksta beigās. Tabulas, grafiki, shēmas, diagrammas un citi ilustratīvie materiāli noformējami, norādot materiāla avotu, nepieciešamības gadījumā arī atzīmējot tabulu, grafiku, shēmu izveides (aprēķināšanas, datu summēšanas utt.) metodiku. Visiem tādiem materiāliem ir jābūt ar kārtas numuriem un virsrakstiem. Materiāliem jāizveido to elektroniskā versija un jāiesniedz konferences organizatoriem pa e-pastu ikgadeja.konference@du.lv

References (rakstā izmantoto iespieddarbu saraksts) jāveido un jānoformē precīzi pēc šādiem paraugiem:

Monogrāfijām (grāmatām un brošūrām):

Turner, J. H. (1974) *The Structure of Sociological Theory*. Homewood (Illinois): The Dorsey Press.

Mills Ch. R. (1998) Sociologischeskoje voobrazhenie. Moskva: Strategiya. (In Russian)

Rakstiem krājumos:

Turner, R. H. (1990) "A Comparative Content Analysis of Biographies." In: Øyen, E., ed. *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research*. London, etc.: Sage Publications. pp. 134–150.

Rakstiem žurnālos:

Bela B. (1997) Identitates daudzbarsiba Zviedrijas latviesu dzivesstastos. *Latvijas Zinatnu Akademijas Vestis*, A, 51, Nr. 5/6, 112.–129. lpp. (In Latvian)

Shmitt K. (1992) Ponyatie politicheskogo. *Voprosi sotsiologii*, № 1, str. 37–67. (In Russian)

Rakstiem laikrakstos:

Strazdins I. (1999) Matematiki pasaule un Latvija. *Zinatnes Vestnesis*, 8. marts. (In Latvian)

Materiāliem no interneta:

Soms H. *Vestures informatika: Saturs, struktura un datu baze Latgales dati*. (In Latvian) Pieejams: <http://www.dpu.lv/LD/LDpublik.html> (skat. 20.10.2002).

References sakārtojamas autoru uzvārdu vai nosaukumu (ja autors ir institūcija) latīņu alfabēta secībā.

RAKSTI, KURI NEATBILST PRAŠĪBĀM, NETIKS PUBLICĒTI!

GENERAL REQUIREMENTS FOR THE PAPER

The size of the article: 6–7 ph. (A4 format).

The manuscript of the article is to be submitted by e-mail ikgadeja.konference@du.lv. The text should be typed using MS Word *Times New Roman*; the size of letters 12, the interval between lines 1,5. Left margin 3,5 cm; right margin 2 cm; from the top and from the bottom 2,5 cm. If were used special computer programs, they are to be submitted together with the article.

Abstract of the article: in the beginning of the article after title is to be located abstract of the article. In the abstract should be indicated aim, tasks, problem of the research, novelty of the research and main conclusions. The the separate paragraph should be noted key words (terms that reveal the essence of the issues discussed in the article).

Key words should be translated on the language, in which is written abstract of the article.

Summary of the article: for articles in Latvian summary should be prepared in English or Russian; for articles in English summary should be prepared in Latvian or Russian and for articles in Russian summary should be prepared in English or Latvian.

Language of the article: literary, terminologically precise. If the author is preparing the article in a foreign language, the author is responsible for the quality of the language. Author can ask consultation of specialist of relevant social sciences. *Articles in which the language will not follow the rules of spelling, will not be accepted for reviewing.*

Scientific appliance of the article: (references and remarks, bibliography, tables, diagrams, charts, graphs and etc.). References in the article should be placed according to this pattern: (Turner 1990); (Миллс 1998); (Bela 1997). Remarks and explanations should be placed at the end of the article. Tables, graphs, diagrams, charts and other illustrative materials in the article should be presented indicating the source of the material and, if necessary, the methods applied to draw up tables, graphs, diagrams, charts (calculation, data summarizing and etc.). All materials should have a number and the title. For these materials should be prepared electronic version, which is to be submitted to Conference Team by e-mail ikgadeja.konference@du.lv

References (the list of sources used in the article) formed and executed in accordance with these samples:

For monographies (books and brochures):

Turner, J. H. (1974) *The Structure of Sociological Theory*. Homewood (Illinois): The Dorsey Press.

Mills Ch. R. (1998) Sociologischeskoje voo Brazhenie. Moskva: Strategiya. (In Russian)

Collected articles:

Turner, R. H. (1990) "A Comparative Content Analysis of Biographies." In: Øyen, E., ed. *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research*. London, etc.: Sage Publications. pp. 134–150.

Articles in journals:

Bela B. (1997) Identitates daudzbalziba Zviedrijas latviesu dzivesstastos. *Latvijas Zinatnu Akademijas Vestis, A, 51, Nr. 5/6, 112.–129. lpp.* (In Latvian)

Shmitt K. (1992) Ponyatie politicheskogo. *Voprosi sociologii, № 1, str. 37–67.* (In Russian)

Articles in newspapers:

Strazdins I. (1999) Matematiki pasaule un Latvija. *Zinatnes Vestnesis, 8. marts.* (In Latvian)

Materials from the Internet:

Soms H. *Vestures informatika: Saturs, struktura un datu baze Latgales dati.* (In Latvian) Pieejams: <http://www.dpu.lv/LD/LDpublik.html> (skat. 20.10.2002).

References should be compiled in the Roman alphabet's order according to the authors' names or titles (if the institution is the author).

THE ARTICLES, WHICH DO NOT COMPLY WITH THE GENERAL REQUIREMENTS, WILL NOT BE PUBLISHED!

Tehniskā redaktore,
atbildīgā par izdevumu: **Olga Volkova**

Maketētāja: **Marina Stočka**

Izdevējdarbības reģistr. apliecība Nr. 2-0197.
Iespriests DU Akadēmiskajā apgādā “Saule” —
Vienības iela 13, Daugavpils, LV-5401, Latvija.